

Кончѣная
селѣдка
без горчицы

О, я от
призраков
больна

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс

Алан Брэдли

**Копченая селедка без горчицы. О,
я от призраков больна (сборник)**

«АСТ»

2011

Брэдли А.

Копченая селедка без горчицы. О, я от призраков больна (сборник)
/ А. Брэдли — «АСТ», 2011 — (Загадки Флавии де Люс)

В старинном английском поместье Букшоу – одном из тех сонных и тихих мест, которые постоянно, словно по волшебству, притягивают разные неприятности и происшествия, – живут эксцентричный полковник де Люс и три его дочери. Пока полковник лихорадочно ищет способы спасти семью от разорения, распродавая коллекцию марок и фамильное столовое серебро, его младшая дочка, неутомимая умница Флавия, обнаруживает труп: кто-то, явно не лишённый цинизма и чувства юмора, повесил местного прохиндея Бруки Хейрвуда на трезубце фонтана. Действуя параллельно с упёртым инспектором Хьюиттом, вездесущая крошка-сыщица раскрывает ужасное преступление. Тем временем отец семейства отдаёт Букшоу в аренду для съёмок кинофильма, но не проходит и двух суток, как пронырливая Флавия находит исполнительницу главной роли и любимицу публики Филлис Уиверн мёртвой... Пока неповоротливые полицейские ведут расследование, наша не по годам смыслёная мисс де Люс проникает в сокровенные тайны кинозвезды и находит убийцу – а ещё планирует акцию по захвату Деда Мороза, готовит самый масштабный фейерверк в истории Букшоу и обнаруживает новые скелеты в прошлом своей необыкновенной семейки. «Копчёная селёдка без горчицы» и «О, я от призраков больна» – две захватывающие истории о пытливой искательнице приключений Флавии де Люс под одной обложкой!

© Брэдли А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Копченая селедка без горчицы	5
1	5
2	13
3	21
4	28
5	35
6	39
7	44
8	51
9	56
10	62
11	68
12	73
13	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алан Брэдли

Копченая селедка без горчицы. О, я от призраков больна (сборник)

Копченая селедка без горчицы

...кружка эля без девицы – что жэ, уввы, это все равно что яйцо без соли или копченая селедка без горчицы.

Томас Лодж и Роберт Грин, «Зеркало для Лондона и Англии» (1592 г.)

1

– Ты меня пугаешь, – сказала цыганка. – Никогда не видела, чтобы мой хрустальный шар наполнялся таким мраком.

Она накрыла шар ладонями, словно чтобы защитить мои глаза от ужасов, плавающих в темных глубинах. Когда ее пальцы стиснули стекло, мне показалось, что по моему пищеводу прокатилась струйка ледяной воды.

На краю стола мерцала тонкая свеча, ее нездоровый свет падал на покачивающиеся медные кольца-сережки цыганки, отражаясь, чтобы умереть где-то в затемненных углах палатки.

Черные волосы, черные глаза, черное платье, нарумяненные щеки, красный рот и голос, который мог так охрипнуть только после выкуривания полумиллиона сигарет.

Словно чтобы подтвердить мои подозрения, старуху внезапно скрутил приступ жестокого кашля, сотрясшего ее хрупкое тело и заставившего ее ужасно задыхаться в попытках вдохнуть. Казалось, будто в ее легких застряла огромная птица и теперь хлопает крыльями, пытаясь вырваться.

– Вам плохо? – спросила я. – Я схожу за помощью.

Кажется, я видела доктора Дарби на церковном празднике минут десять назад, он ходил от лотка к лотку, чтобы перекинуться с каждым парой слов. Но не успела я двинуться, как смуглая рука накрыла мою на черном бархате скатерти.

– Нет, – сказала она. – Нет... не надо. Это у меня постоянно.

И снова закашлялась.

Я терпеливо ждала, почти боясь шелохнуться.

– Сколько тебе лет? – наконец сказала цыганка. – Десять? Двенадцать?

– Одиннадцать, – ответила я, и она устало кивнула с таким видом, будто и так знала.

– Я вижу... гору, – продолжила она, выдавливая слова, – и лицо... женщины, которой ты станешь.

Несмотря на удушающую жару в темной палатке, моя кровь похолодела. Она видит Харриет, конечно же!

Харриет – моя мать, погибшая из-за несчастного случая в горах, когда я была совсем маленькой.

Цыганка перевернула мою ладонь и больно ткнула большим пальцем в самый центр. Мои пальцы развернулись и снова сжались, словно отрубленная ножка цыпленка.

Она взяла мою левую руку.

– Это рука, с которой ты родилась, – сказала она, едва глянув на ладонь, затем уронила ее и подняла другую руку, – ...а это рука, которая меняется с тобой.

Гадалка с неприязнью смотрела на мою руку в свете мерцающей свечи.

– Вот эта разорванная звезда на холме луны указывает на блестящий ум, обращенный сам в себя, ум, блуждающий по дорогам мрака.

Не то, что я хотела услышать.

– Расскажите мне о женщине, которую вы видели на горе, – попросила я. – О той, кем я стану.

Цыганка снова начала кашлять, кутаясь в шаль, наброшенную на плечи, как будто укрываясь от ветра.

– Посеребри руку, – потребовала она, протягивая грязную ладонь.

– Но я дала вам шиллинг, – возразила я. – Как написано на табличке снаружи.

– Послания из Третьего Круга стоят дороже, – прохрипела она. – Они опустошают батареи моей души.

Я чуть не расхохоталась. Кем себя возомнила эта старая ведьма? Однако она, кажется, заметила Харриет за вуалью, и я не могу позволить скептицизму взять верх над возможностью перемолвиться хоть словечком с моей покойной матерью.

Я покопалась в поисках последнего шиллинга, и, когда я вдавила монету в ее ладонь, темные глаза цыганки, внезапно заблестевшие, как у галки, уставились в мои.

– Она пытается вернуться домой, – сказала она. – Эта... женщина... пытается вернуться домой из холода. Она хочет, чтобы ты помогла ей.

Я вскочила на ноги, сильно ударившись голыми коленями о столешницу. Стол покачнулся и повалился набок, свеча покатилась и упала на ком мятых грязных занавесок.

Сначала появился маленький огненный язычок. Он мгновенно превратился в пламя. В ту же секунду пламя посинело, затем покраснело и быстро стало оранжевым. Я в ужасе смотрела, как оно распространяется по занавескам.

В считанные секунды запылала вся палатка.

Жаль, что у меня не хватило присутствия духа, чтобы набросить мокрую тряпку на голову цыганке и вывести ее в безопасное место. Вместо этого я бросилась прямо сквозь кольцо огня, в которое превратился вход, и не остановилась, пока не добежала до какой-то палатки, возле которой притормозила, задыхаясь и пытаясь совладать с дыханием.

Кто-то принес на церковный двор заведенный граммофон, из которого доносился голос Дэнни Кея¹, которому труба граммофона придала тошнотворно металлические нотки:

Oh I've got a lovely bunch of coconuts.

They are a-standin' in a row

Big ones, small ones, some as big as yer 'head...²

Я оглянулась на палатку цыганки как раз в тот момент, когда мистер Гаскинс, церковный сторож Святого Танкреда, и еще один человек, которого я не узнала, опрокинули бочонок с водой на языки пламени.

Чуть ли не половина жителей Бишоп-Лейси глазели на вздымающийся столб черного дыма, прикрывая рты ладонями или прикасаясь кончиками пальцев к щекам, и ни единый из них не знал, что делать.

Доктор Дарби уже медленно вел цыганку к палатке госпиталя Святого Джона, ее дряхлый скелет сотрясаясь от кашля. Какая она маленькая на солнце, подумала я, и какая бледная.

– Ах вот ты где, гнусная маленькая креветка. Мы тебя повсюду искали.

¹ Дэнни Кей (1913—1987) – американский актер, певец и комик. (Здесь и далее прим. перев.)

² О, у меня есть славная куча кокосов. Они стоят рядом, Большие, маленькие, некоторые размером с голову...

Это Офелия, старшая из моих двух сестер. Фели семнадцать, и она считает себя не ниже Пресвятой Девы Марии, хотя я готова побиться об заклад, что главное отличие между ними заключается в том, что Дева Мария не проводила двадцать три часа в сутки, разглядывая себя в зеркале и обрабатывая физиономию пинцетом.

Когда имеешь дело с Фели, лучше всего быстро парировать резким замечанием:

– Как ты осмеливаешься называть меня креветкой, ты, глупая сосиска? Отец не раз говорил тебе, что это невежливо.

Фели попыталась схватить меня за ухо, но я легко уклонилась. Жизненные обстоятельства научили меня совершать молниеносные движения, и я практически довела это умение до совершенства.

– Где Даффи? – спросила я, надеясь переключить ее злобное внимание.

Даффи – моя вторая сестра, на два года старше меня, в тринадцать лет она уже опытная мучительница.

– Пускает слюни на книги. Где же еще?! – Сестра указала подбородком на подкову из столов, расставленных на траве церковного кладбища, где Алтарная гильдия и Женский институт Святого Танкреда объединили силы, дабы устроить благотворительную распродажу поддержанных книг и разнообразного хозяйственного барахла.

Фели, похоже, не обратила внимания на дымящиеся остатки палатки цыганки. Как всегда, из тщеславия она оставила очки дома, хотя ее невнимательность может объясняться просто недостатком интереса. Из практических соображений энтузиазм Фели не простирался дальше ее кожи.

– Посмотри сюда, – сказала она, поднося черные сережки к ушам. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться. – Французский черный янтарь. Из поместья леди Троттер. Гленда говорит, что им повезло выручить за него шестипенсовик.

– Гленда права, – заметила я. – Французский черный янтарь – это просто стекло.

Это правда: я недавно растворила жуткую викторианскую брошь у себя в химической лаборатории и обнаружила, что это сплошной кремний. Вряд ли Фели оставит это просто так.

– Английский янтарь намного интереснее, – продолжила я. – Он состоит из окаменевшей смолы араукарии чилийской, видишь ли, и...

Но Фели уже уходила, привлеченная видом Неда Кроппера, рыжеволосого помощника трактирщика из «Тринадцати селезней», который с определенной мускулистой грацией энергично бросал деревянные палки в «тетю Салли». Его третья палка расколола глиняную трубку деревянной фигуры на две равные части, и Фели оказалась рядом с ним как раз вовремя, чтобы заполучить призового медвежонка, которого ей вручил ужасно краснеющий Нед.

– Есть что-нибудь, стоящее спасения от костра? – спросила я у Даффи, прилипшей к тому, что, судя по пожелтевшим страницам, могло оказаться первым изданием «Гордости и предубеждения».

Хотя маловероятно. Целые библиотеки шли в утиль во время войны, и нынче мало что осталось для благотворительных распродаж. То, что не продадут до конца летнего сезона, в Ночь Гая Фокса³ вынесут из подвала приходского зала, свалят на траву и сожгут.

Я склонила голову набок и бросила быстрый взгляд на кучу книг, уже отложенных Даффи: «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным»⁴, «Естественная история» Плиния, «Мученичество человека»⁵ и первые два тома мемуаров Джакомо Казановы – жуткая мура. Разве что за исключением Плиния, написавшего пару потрясных абзацев о ядах.

³ 5 ноября – в этот день в Англии празднуют провал Порохового заговора, когда католики-заговорщики планировали взорвать парламент.

⁴ «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным» – мемуары английской медсестры Кэт Марсден, которая в 1891 году совершила труднейшее путешествие в Сибирь, где ухаживала за прокаженными.

⁵ «Мученичество человека» – самый известный труд британского философа и антрополога Уильяма Риды (1838–1875),

Я медленно шла вдоль стола, проводя пальцем по книгам, расставленным корешками вверх: Этель Делл, Э. Делафильд, Уорвик Дипинг⁶...

Как-то раз я заметила, что фамилии большинства великих отравителей начинались с английской буквы «С», а теперь все эти писатели начинаются на «Д». Я опять кое-что нащупала? Некую тайну вселенной?

Я зажмурилась и сосредоточилась: Диккенс... Дойл... Дюма... Достоевский – я видела их всех в то или иное время в руках Даффи.

Сама Даффи собиралась стать писательницей, когда вырастет. С именем Дафна де Люс у нее не было шансов потерпеть неудачу!

– Дафф! – начала я. – Ни за что не догадаешься...

– Тихо! – рявкнула она. – Я же велела тебе не говорить со мной, когда я читаю.

Моя сестра бывает весьма противной свиньей, когда захочет.

Так было не всегда. Когда я была маленькой, например, и отец рекрутировал Даффи следить, чтобы я молилась на ночь, она научила меня читать молитвы на испорченной латыни, и мы катались на плотно набитых подушках, смеясь до упаду.

Но с годами между моими сестрами и мной что-то изменилось.

Немного обиженная, я потянулась к томику, лежащему наверху стопки, – «Зеркалу для Лондона и Англии». Эта книга, подумала я, понравится Фели, потому что она сходит с ума по зеркалам. Может, я сама ее куплю и сохраню до того маловероятного дня, когда мне может захотеться сделать ей подарок или приношение в знак мира. Случались и более странные вещи.

Листая страницы, я сразу же увидела, что это не роман, а пьеса с именами персонажей и их репликами. Кто-то по имени Адам разговаривал с клоуном:

«...кружка эля без девицы – что ж, увы, все равно что яйцо без соли или копченая селедка без горчицы».

Какой прекрасный девиз для кое-кого, подумала я, бросая взгляд туда, где Нед слегка прикасался губами к шее моей сестры, а она делала вид, что не замечает. Не раз я видела, как Нед занимается работой по хозяйству во дворе «Тринадцати селезней» с высокой пивной кружкой, наполненной элем, – а временами еще и рядом с Мэри Стокер, дочерью хозяина. С неожиданным изумлением я осознала, что без эля или женщины поблизости Нед кажется каким-то неполным. Почему я раньше этого не замечала? Возможно, словно доктор Ватсон по радио в «Богемском скандале», временами я смотрю, но не вижу. Это надо осмыслить.

– Твоя работа, полагаю? – внезапно сказала Даффи, отложив одну книгу и взяв другую. Она указала в сторону кучки деревенских жителей, глазевших на дымящиеся руины палатки цыганки. – Там будто написано, что это Флавия де Люс.

– Иди к черту, – заявила я. – Я собиралась помочь тебе отнести твои дурацкие книжонки домой, но теперь будешь переть их на себе.

– О, прекрати! – сказала она, хватая меня за рукав. – Будь добра, воздержись. Струны моего сердца играют «Реквием» Моцарта, и предательская слеза выступила на правом глазу во время нашего разговора.

Я побрела в сторону, беззаботно насвистывая. Разберусь с ее дерзостью позже.

– О! Перестань, Бруки! Мне больно!

в котором он излагает историю западной цивилизации.

⁶ Этель Делл (1881—1939) – английская писательница, автор большого количества низкопробных любовных романов, весьма обожаемых ее неудовлетворенными современниками, но ненавидимых критикой. Э. Делафильд (1890—1943) – еще одна весьма плодovitая английская писательница, прославившаяся благодаря «Дневнику провинциальной леди». Уорвик Дипинг (1877—1950) – английский романист и автор коротких рассказов, специализировался преимущественно на исторических любовных романах.

Ноющий голос доносился откуда-то со стороны церкви, и если держаться за лотерейным киоском, то можно подслушивать в безопасности. Более того, я, к своему удовольствию, обнаружила, что имею неожиданно хороший обзор сквозь дыру в грубой древесине киоска.

Колин, которого держал за руки Бруки Хейрвуд, приплясывал, словно большая рыбина в очках, толстые стекла косо сидели на носу, грязные светлые волосы всклокочены, крупный влажный рот приоткрыт, словно от нехватки воздуха.

– Уйди, я ничего не делал.

Второй рукой Бруки схватил Колина за заднюю часть мешковатых брюк и повернул лицом к дымящимся остаткам цыганской палатки.

– Кто тогда это сделал, а? – требовательно спросил он, дергаясь всем телом, чтобы подчеркнуть слова. – Где дым, там огонь. Где огонь, там спички. А где спички, там Колин Праут.

– Вот, – сказал Колин, пытаясь запихнуть руку в карман. – Пересчитай! Ты просто сосчитай, Бруки. То же количество, что вчера. Я не использовал ни единой.

Когда Бруки выпустил его, Колин упал на землю, перекатился на живот, залез в карман и достал коробок спичек, помахав им перед своим мучителем.

Бруки поднял голову и принялся, словно в поисках указаний. Грязная кепка и каучуковые сапоги, длинное моlesкиновое пальто и, несмотря на теплую летнюю погоду, шерстяной шарф, обвивший его бульдожьей шеей, словно алая змея, придавали ему вид крысолова из романа Диккенса.

Не успела я подумать, что делать, как Колин поднялся на ноги, и они оба неторопливо пошли по церковному кладбищу, Колин отряхивался и усердно пожимал плечами, будто ему ни до чего нет дела.

Полагаю, мне следовало бы выйти из-за киоска, признаться, что я виновата в пожаре, и потребовать, чтобы Бруки отпустил мальчика. Если бы он отказался, я бы легко могла сбежать за викарием или позвать кого-то из крепких мужчин в пределах слышимости. Но я этого не сделала. По простой причине, которую я осознала с легким холодком: я боюсь Бруки Хейрвуда.

Бруки – отброс общества в Бишоп-Лейси.

– Бруки Хейрвуд? – презрительно фыркнула Фели, когда миссис Мюллет предложила нанять Бруки, чтобы он помогал Доггеру засеивать огород и подстригать изгороди в Букшоу. – Но он же эмигрант на пособии, разве не так? За наши жизни никто не даст и двух пенсов, если он будет тут шататься.

– Что значит эмигрант на пособии? – спросила я, когда Фели вылетела из кухни.

– Не знаю, детка, – ответила миссис Мюллет. – Его мать – та леди, что рисует в Мальден-Фенвике⁷.

– Рисует? – переспросила я. – Красит дома?

– Дома? Господь с тобой. Нет, кувшины там всякие. Господь верхом на лошадях. Может, даже когда-нибудь и вас нарисует. Тебя, мисс Офелию и мисс Дафну.

При этих словах я пренебрежительно фыркнула и вылетела из кухни. Если меня соберутся нарисовать маслом, покрыть лаком и поставить в раму, я буду позировать только в лаборатории и ни в каком другом месте.

Окруженная мензурками, стеклянными колпаками и коническими колбами Эрленмейера, я подниму нетерпеливый взгляд от микроскопа, примерно так, как мой покойный двоюродный дедушка Тарквин де Люс на своем портрете, висящем в галерее Букшоу. Как дядя Тар, я приму раздраженный вид. Никаких лошадей и господ, нет уж, спасибо.

Легкая пелена дыма до сих пор висела над церковным кладбищем. Теперь, когда большинство зевак ушли, обугленные, тлеющие остатки палатки были хорошо видны рядом с тро-

⁷ Фели, видимо, имела в виду, что Бруки живет за счет матери. Эмигрант на пособии (*remittance man*) – специальный термин в Англии (*теперь устаревший*), обозначающий эмигрантов, которые жили на пособие, присылаемое с родины.

пинкой. Но меня интересовало не столько это пепелище, сколько то, что находилось за ним – ярко разрисованный цыганский фургон.

Масляно-желтый, с малиновыми ставнями, речными боками, под нависающей закругленной крышей, он казался буханкой хлеба, вылезшей из формы для выпечки. От веретенообразных желтых колес до изогнутого жестяного дымохода, от цветных окон до затейливых резных деревянных консолей по каждую сторону двери, он словно с грохотом выкатился из сна. В довершение всего среди покосившихся надгробий в дальнем конце церковного кладбища живописно пасся дряхлый конь с искривленной спиной.

Цыганская порода. Я узнала ее сразу же по фотографиям, которые видела в «Сельской жизни». Из-за пушистых ног и хвоста и длинной гривы, свешивающейся на морду (из-под которой он жеманно косился, словно Вероника Лейк), жеребец выглядел гибридом клайдесдейла⁸ и единорога.

– Флавия, детка, – раздался голос за моей спиной. Это был Дэнвин Ричардсон, викарий Святого Танкреда. – Доктор Дарби будет тебе очень обязан, если ты сбегаешь и принесешь ему кувшин свежего лимонада из кухни.

Мой сердитый взгляд, должно быть, заставил его почувствовать себя виноватым. Почему так, почему с одиннадцатилетними девочками вечно обращаются как со служанками?

– Я бы сам сходил, видишь ли, но добрый доктор опасается, что бедняжку оттолкнет мой пасторский воротник и тому подобное, так что...

– С удовольствием, викарий, – жизнерадостно сказала я, и вполне искренне. Роль носительницы лимонада даст мне доступ в палатку «скорой помощи» Святого Джона.

Я вприпрыжку вбежала в кухню приходского зала («Простите! Медицинская необходимость!»), выскочила с кувшином ледяного лимонада и была уже в тусклом свете госпитальной палатки, наливая напиток в треснувший бокал без ножки.

– Надеюсь, вы в порядке, – сказала я, протягивая его цыганке. – Простите за палатку. Я заплачу, разумеется.

– Ммм, – произнес доктор Дарби. – Нет необходимости. Она уже объяснила, что это был несчастный случай.

Жуткие покрасневшие глаза женщины осторожно наблюдали за мной, пока она пила.

– Доктор Дарби, – сказал викарий, просовывая голову между полотнищами палатки, словно черепаха, и стараясь не показать пасторский воротник. – Найдется у вас минутка? Миссис Пизли на площадке для кегельбана... Говорит, что почувствовала себя плохо.

– Ммм, – отозвался доктор, закрывая свой черный чемоданчик. – Что вам требуется, милая, – сказал он цыганке, – так это хороший отдых. – И обратился ко мне: – Побудь с ней. Я ненадолго. А дождя так и нет, – заметил он в никуда, выходя из палатки.

– Я заплачу за палатку, – повторила я. – Пусть даже это несчастный случай.

Она снова закашлялась, и даже мне было очевидно, что пожар собрал свою дань с ее и без того слабых легких. Я беспомощно ждала, когда она перестанет задыхаться.

Когда, наконец, это произошло, снова повисло долгое нервирующее молчание.

– Женщина, – сказала цыганка. – Женщина на горе. Кто она?

– Это была моя мать, – ответила я. – Ее звали Харриет де Люс.

– А гора?

– Где-то в Тибете, полагаю. Она погибла там десять лет назад. Мы нечасто говорим об этом в Букшоу.

– Что точное «букшоу»?

– Это место, где я живу. Рядом с деревней, – объяснила я, неопределенно махнув рукой.

⁸ Порода лошадей-тяжеловозов.

– А! – сказала она, уставившись на меня пронзительным взглядом. – Большой дом. С двумя крыльями, уходящими назад.

– Да, он, – согласилась я. – Неподалеку от излучины реки.

– Да, – сказала женщина. – Я там останавливалась. Но не знала, как называется место. Останавливалась там? Я не могла поверить.

– Леди разрешила моему рому и мне разбить лагерь в роще у реки. Ему требовалось отдохнуть...

– Я знаю, где это, – сказала я. – Это называется Изгороди. Там старые кусты и...

– Ягоды, – добавила она.

– Но постойте! – воскликнула я. – Леди? В Букшоу нет никаких леди с тех пор, как погибла Харриет.

Цыганка продолжала, как будто не слышала моих слов:

– Красивая леди, вот какой она была. Но похожа на тебя, – добавила она, рассматривая меня вблизи, – теперь, когда вижу тебя на свету.

Затем ее лицо омрачилось. То ли это мое воображение, то ли ее голос наливается силой с каждым словом.

– Затем нас вышвырнули, – сердито сказала она. – Сказали, что больше не хотят, чтобы мы были там. Тогда-то и умер Джонни Фаа.

– Джонни Фаа?

– Мой ром. Муж. Умер посреди пыльной дороги, хватаясь за грудь и проклиная гаджо – англичанина, – который прогнал нас.

– И кто это был? – спросила я, со страхом предчувствуя ответ.

– Не спрашивала его имени. Прямой, словно аршин проглотил, негодяй.

Отец! Я уверена! Это отец после гибели Харриет выставил цыган из своего поместья.

– А Джонни Фаа, ваш муж... он умер из-за этого, вы говорите?

Цыганка кивнула, и по печали в ее глазах я поняла, что это правда.

– Потому что ему надо было отдохнуть?

– Надо было отдохнуть, – шепотом повторила она, – и мне тоже.

И тогда меня осенило. Не успела я передумать, как выпалила:

– Вы можете прийти в Букшоу. Оставайтесь сколько хотите. Все будет хорошо... обещаю.

Произнося эти слова, я знала, что грядет великая ужасная ссора с отцом, но почему-то это не имело значения. Харриет однажды предоставила этим людям убежище, и моя кровь вряд ли позволит мне поступить иначе.

– Мы припаркуем ваш фургон в Изгородах, – предложила я, – в кустах. Никто не узнает, что вы там.

Ее быстрые черные глаза изучали мое лицо. Я, желая подбодрить, протянула ей руку.

– Ммм, давай, милая. Отдых будет очень кстати. – Это был доктор Дарби, тихо проскользнувший обратно в палатку. Он едва заметно подмигнул мне. Доктор был старым другом отца, и я знала, что он тоже предвидит неизбежную битву. Он мысленно обозрел поле и взвесил шансы, перед тем как заговорить. Мне захотелось обнять его.

Он поставил черный чемоданчик на стол, покопался в его недрах и достал заткнутую пробкой бутылку.

– Принимайте это от кашля, когда будет нужно, – сказал он, протягивая бутылку цыганке. Она с сомнением посмотрела на нее. – Ну да, – он настаивал, – берите. Страшное невезение преследует того, кто отказывается лицензированному практикующему врачу, знаете ли. Я помогу с лошадей. У меня она когда-то была.

Теперь, когда он снова занялся рутинным делом старого сельского доктора, я поняла, что мы вне подозрений.

Группки людей наблюдали, как доктор провожал нас к фургону. Быстро он запряг коня цыганки в упряжку, и мы обе уселись на деревянную подставку, служившую одновременно подножкой к двери и сиденьем для кучера.

Старуха цокнула, и деревенские жители расступились в стороны, когда фургон тронулся с места и медленно покатился по тропинке через церковное кладбище. Со своего высокого места я видела множество поднятых вверх лиц, но Фели и Даффи среди них не было.

Хорошо, подумала я. Вероятнее всего, они сидят в какой-нибудь палатке, перемазав свои тупые физиономии сконсами и взбитыми сливками.

2

Мы гроыхали по центральной улице, вымощенной булыжником.

– Как его зовут? – спросила я, показывая на дряхлую клячу.

– Грай.

– Грей?

– Грай. «Конь» по-цыгански.

Я припрятала этот странный клочок знаний на будущее, с нетерпением ожидая, когда смогу вывалить его перед сестрой-всезнайкой Даффи. Разумеется, она притворится, что и раньше знала.

Должно быть, грохот, производимый нашей ездой, заставил мисс Кул, деревенскую разносчицу новостей, подбежать к витрине ее кондитерской лавки. Когда она увидела меня рядом с цыганкой, ее глаза расширились, и она прикрыла рот рукой. Несмотря на толстое зеркальное стекло в окнах ее магазина и разделявшую нас улицу, я почти услышала, как у нее перехватило дыхание. Зрелище того, как младшую дочь полковника Хэвиленда де Люса увозят в цыганском фургоне, как бы весело он ни был раскрашен, должно быть, стало для нее ужасным шоком.

Я помахала рукой, смешно растопылив пальцы веником, как будто говоря: «Как весело!» Чего я хотела на самом деле, так это вскочить на ноги, принять соответствующую позу и заорать какую-нибудь бодрую песню вроде тех, что всегда звучат в музыкальных фильмах, но я подавила желание и удовлетворилась ужасной улыбкой и прищелкиванием пальцев.

Новость о моем похищении скоро запорхает повсюду, словно птица, выпущенная в соборе. Деревни – они такие, и Бишоп-Лейси не исключение.

«Мы все живем в одном ботинке, – любила говорить миссис Мюллет, – в точности как старая матушка Хаббард⁹».

Резкий кашель вернул меня к реальности. Цыганка согнулась пополам, прижимая руки к ребрам. Я забрала у нее поводья.

– Вы приняли лекарство, которое дал вам доктор? – спросила я.

Она отрицательно покачала головой, и ее глаза вспыхнули двумя красными угольями. Чем скорее я доставлю этот фургон в Изгороди и эта женщина сможет лечь в кровать, тем лучше.

Теперь мы проезжали мимо «Тринадцати селезней» и Коровьего переулка. Чуть дальше на восток дорога поворачивает к Доддингсли. До Букшоу и Изгородей еще долго ехать.

Сразу за последним рядом домов узкая тропинка, которую местные называют Канавой, уходит под углом направо – просевшая в землю каменистая дорога окаймляла западный склон холма Гуджер и срезала путь через поля к южному углу Букшоу и Изгородам. Почти не думая, я потянула поводья и направила голову Грая в сторону узкой тропинки.

После относительно гладкой четверти мили фургон начал опасно крениться. Мы ехали, подпрыгивая на острых камнях, и путь становился все более узким и колеистым. По бокам были высокие насыпи, оплетенные вышедшими на поверхность спутанными корнями старых деревьев, так что как бы фургон ни качался, он не мог опрокинуться.

Прямо перед нами, словно шея гигантского зеленого лебедя, над дорогой выгнулась опутанная мхом огромная ветка древнего бука. Под ней едва можно было проехать.

– Воровской насест, – рассказала я. – Здесь разбойники с большой дороги когда-то захватывали почтовые кареты.

⁹ Миссис Мюллет имеет в виду знаменитый детский стишок о матушке Хаббард и ее псе, очень популярный в Англии XIX века.

Цыганка ничего не ответила, похоже, ей было неинтересно. А по мне, выражение «воровской насест» было очаровательным образчиком местного фольклора.

В XVIII веке Канава была единственной дорогой между Доддингсли и Бишоп-Лейси. Заносимая снегами зимой, затопляемая потоками воды весной и осенью, она приобрела сохранявшуюся вот уже двести лет репутацию довольно неприятного места, если не сказать опасного.

«Населенная призраками истории» – так однажды сказала мне Даффи, нанося ее на карту Букшоу и окрестностей, которую она рисовала.

С такого рода рекомендацией Канава должна была бы стать одним из моих любимых мест в Бишоп-Лейси, однако нет. Только один раз я почти целиком проехала ее на «Глэдис», моем верном велосипеде, когда особенное тревожное ощущение в затылке заставило меня оглянуться. День был мрачный, дул сильный порывистый ветер, лил ледяной дождь, и низко нависли тучи, в такой день...

Цыганка выхватила поводья у меня из рук и резко дернула.

– Тпру! – хрипло крикнула она и заставила лошадь остановиться.

Высоко на увитой мхом ветке восседал ребенок, решительно засунув палец в рот.

По рыжим волосам я определила, что это один из Буллов.

Цыганка перекрестилась и пробормотала что-то вроде «Хильда Мюир».

– Джа! – добавила она, шелкая поводьями. – Джа!

Грай стронул фургон с места. Когда мы медленно проезжали под веткой, ребенок опустил ноги и забарабанил пятками по крыше фургона, издавая жуткие гулкие звуки.

Будь моя воля, я бы залезла наверх и как минимум устроила бы маленькому поросенку хорошую выволочку. Но один взгляд на цыганку научил меня, что временами лучше молчать.

Грубые кусты ежевики цеплялись за фургон, подпрыгивающий и качающийся из стороны в сторону, но цыганка, казалось, ничего не замечала.

Она ссутулилась над поводьями, решительно уставившись водянистыми глазами куда-то за горизонт, как будто здесь и сейчас осталась только ее оболочка, а остальное скрылось в каком-то далеком туманном краю.

Дорога чуть-чуть расширилась, и через секунду мы медленно проехали мимо полуразрушенного частокола. За ним находился обветшалый дом, который, казалось, был собран из выброшенных дверей и старых ставней, по засыпанному песком огороду был разбросан всякий хлам, в том числе допотопная печь, старомодная детская коляска с двумя недостающими колесами, большое количество ископаемых автомобилей, и все вокруг устилал слой пустых жестянок. Там и сям грудились покосившиеся строения – навесы, сколоченные из сгнивших, заросших мхом досок, рассыпаны пригоршни гвоздей.

Над этим всем висела серая пелена едкого дыма, поднимающаяся от множества тлеющих куч мусора, из-за чего это место напоминало жуткий ад с гравюр викторианской Библии. В ванне посередине грязного двора сидел маленький ребенок, он вынул палец изо рта, как только увидел нас, и разразился громким ревом.

Все казалось покрытым ржавчиной. Даже рыжие волосы ребенка усиливали впечатление, что мы заблудились в незнакомой, пришедшей в упадок земле, где царило окисление.

Окисление, я никогда не уставала напоминать себе, – это то, что происходит под воздействием кислорода. Оно разрушает мою собственную кожу в этот самый момент и кожу сидящей рядом со мной цыганки, хотя легко увидеть, что она зашла по этому пути куда дальше, чем я.

Мои ранние химические опыты в лаборатории в Букшоу подтвердили, что в некоторых случаях, например, когда железо воспламеняется в атмосфере чистого кислорода, окисление – это волк, разрывающий пищу так жадно, что железо сгорает. То, что мы называем огнем, – в действительности не более чем наш старый друг окисление, работающий под накалом страстей.

Но, когда окисление пожирает медленнее – более нежно, по-черепашьи – мир вокруг нас, мы зовем его ржавчиной и порой редко замечаем, как оно делает свое дело, уничтожая все – от шпилек для волос до целых цивилизаций. Иногда я думаю, что если бы мы могли остановить окисление, мы бы остановили время и, возможно, смогли бы...

Мои приятные размышления прервал пронзительный крик.

– Цыгане! Цыгане!

Крупная рыжеволосая женщина в домашнем платье с пятнами пота под мышками выбежала, размахивая руками, из дома и устремилась через двор к нам. Рукава платья были закатаны, обнажая костлявые локти, как будто она готовилась к драке.

– Цыгане! Цыгане! Убирайтесь! – завопила она, и ее лицо стало таким же красным, как волосы. – Том, а ну иди сюда! Цыгане у ворот!

Каждый в Бишоп-Лейси отлично знал, что Том убрался давным-давно и вряд ли вернется. Женщина блефовала.

– Это вы украли моего ребенка, и не надо мне говорить, что не вы! Я видела, как вы тут шатались в тот день, и повторю эти слова в любом суде!

Исчезновение маленькой дочки Буллов несколько лет назад удивило всех, но постепенно неразгаданное происшествие отступило на задние страницы газет и стерлось из памяти.

Я бросила взгляд на цыганку, чтобы увидеть, как она держится под нападками громогласной обвинительницы. Она неподвижно сидела на своем месте, уставившись вперед, глухая ко всему миру. Эта реакция, кажется, привела крикунью в еще большее неистовство.

– Том, а ну иди сюда... и принеси топор! – завизжала она.

До этого времени женщина, похоже, не замечала меня, но теперь внезапно уставилась мне в глаза, и впечатление было драматическое.

– Я знаю тебя! – заорала она. – Ты из этих девиц де Люс из Букшоу, да? Я везде узнаю их холодные голубые глаза.

Холодные голубые глаза? Это стоит обдумать. Хотя отец часто замораживал меня на месте взглядом, я ни разу, ни на миг, не подумала, что и сама обладаю этим смертоносным оружием.

Я осознавала, конечно, что мы оказались в затруднительном положении, которое может вмиг стать угрожающим. Очевидно, что на цыганку нельзя было рассчитывать. Выпутываться из опасной ситуации придется мне.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – сказала я, задирая подбородок и прищуривая глаза для пушнего эффекта. – Меня зовут Маргарет Воул, и это моя двоюродная бабушка Джильда Дикинсон. Может, вы видели ее в кино? В «Алом коттедже»? В «Королеве луны»? Ну разумеется, как глупо с моей стороны: вы не признали ее в цыганском наряде, не так ли? И с толстым слоем грима? Простите, я, кажется, не расслышала ваше имя, мисс...

– Б-булл, – заикаясь, ответила женщина, слегка захваченная врасплох. – Миссис Булл.

Она уставилась на нас с крайним замешательством, как будто не верила своим глазам.

– Приятно познакомиться, миссис Булл, – сказала я. – Надеюсь, вы окажете нам содействие? Мы совершенно потерялись, видите ли. Мы должны были присоединиться к съемочной группе несколько часов назад в Мальден-Фенвике. Мы обе вполне беспомощны, когда дело касается направлений, не так ли, тетя Джильда?

От цыганки не было ответа.

Рыжеволосая женщина уже начала приглаживать влажные пряди волос.

– Идиоты вы, кто бы вы там ни были, – сказала она, указывая. – В этих местах нельзя развернуться. Тропинка слишком узкая. Вам придется ехать прямо до Доддингсли и затем возвращаться через Тенч.

– Ужасно благодарна, – произнесла я с непревзойденными интонациями деревенской дурочки, взяв поводья у цыганки и щелкнув ими.

– Джа! – крикнула я, и Грай сразу же тронулся.

Мы отъехали примерно на четверть мили, когда цыганка вдруг заговорила.

– Ты врешь прямо как мы, – заметила она.

Вряд ли я могла ожидать подобное замечание. Должно быть, она заметила удивленное выражение на моем лице.

– Ты лжешь, когда на тебя нападают ни за что... за цвет глаз?

– Да, – ответила я. – Полагаю, да. – Я никогда не думала об этом.

– Так что, – заявила она, внезапно оживившись, – ты врешь, как мы. Ты врешь, как цыганка.

– Это хорошо? – поинтересовалась я. – Или плохо?

Она медленно ответила:

– Это значит, что ты проживешь долгую жизнь.

Уголок ее рта изогнулся, как будто вот-вот должна была появиться улыбка, но она ее быстро подавила.

– Несмотря на разорванную звезду на моем холме луны? – не смогла удержаться я.

Ее трескучий смех застал меня врасплох.

– Мумбо-юмбо. Гадательная ерунда. Ты не купилась на нее, ведь так?

Смех спровоцировал очередной приступ кашля, и мне пришлось ждать, пока она восстановит дыхание.

– Но... женщина на горе... женщина, которая хочет вернуться из холода...

– Послушай, – сказала цыганка утомленно, как будто не привыкла говорить, – твои сестры подрядили меня на это дело. Намекнули о тебе и Харриет. Сунули мне пару шиллингов, чтобы я напугала тебя до смерти. Вот и все.

У меня кровь похолодела. Как будто кран, питающий мой мозг, внезапно переключили с горячего на холодный. Я уставилась на нее.

– Извини, если сделала тебе больно, – продолжила она. – Я вовсе не хотела...

– Без разницы, – сказала я, механически пожав плечами. Но мне было не все равно. Мысли завертелись. – Уверена, я найду, как им отплатить.

– Может, я смогу помочь? – предложила она. – Месть – это моя работа.

Она морочит мне голову? Разве эта женщина только что не призналась, что она мошенница? Я пытливо посмотрела в ее черные глаза в поисках знака.

– Не надо на меня так смотреть. Я сказала, что мне жаль, разве не так? И я правду сказала.

– Неужели? – спросила я довольно нахально.

– Не надо дуться. В мире и так довольно обиженных, ни к чему пополнять их число.

Она права. Хоть я пыталась удержать уголки рта внизу, они дернулись и начали подниматься. Я засмеялась, и цыганка засмеялась вместе со мной.

– Ты напомнила мне то создание, которое было в палатке перед тобой. Настоящая грозовая туча. Сказала ей, что в ее прошлом что-то похоронено; сказала, что оно хочет выйти наружу, хочет, чтобы все исправили. Она вышла белая как мел.

– Почему? Что ты увидела? – спросила я.

– Деньги! – сказала она со смешком. – То же, что всегда. Парочку совершенов, если я правильно раскину карты.

– И ты это сделала?

– Пф! Проклятый шиллинг – вот что она мне оставила, и ни пенни больше. Я говорила, она вышла вся покрытая мурашками, когда я ей это сказала. Выскочила из моей палатки, будто сидела на чертополохе.

Некоторое время мы ехали молча и вскоре почти достигли Изгородей.

Для меня Изгороди были неким утраченным и забытым уголком рая. В юго-восточной части поместья Букшоу, под пышным пологом зеленых ветвей, река аккуратным изгибом поворачивала к западу, образуя тихий болотистый участок, почти остров. Здесь восточный берег был чуть выше западного, а западный более болотист, чем восточный. Если точно знать, куда смотреть, среди деревьев можно до сих пор разглядеть симпатичные арки маленького каменного моста, датировавшегося временем основания Букшоу, елизаветинского особняка, который в 1600-х годах сожгли разъяренные жители деревни, сделавшие неверное предположение о религиозной лояльности нашей семьи.

Я повернулась к цыганке, желая поделиться с ней своей любовью к этому месту, но она, кажется, уснула. Я внимательно понаблюдала за ее веками, чтобы проверить, не притворяется ли она, но не увидела ни единого подергивания. Откинувшись на стенку фургона, она время от времени посапывала, так что я знала, что она еще дышит.

Почему-то я ощутила недовольство ее легкой дремой. Я прямо чесалась от желания развернуть перед ней, словно экскурсовод, некоторые из самых интересных страниц истории Букшоу. Но придется оставить это при себе.

Изгороди, как мы их называли, были прибежищем Никодимуса Флитча, портного, который в XVII веке основал религиозную секту хромцов. Так их называли потому, что они как-то по-особенному двигались, собираясь на свои молитвы. Верования хромцов основывались на очень нестандартных идеях вроде той, что небеса удобно расположены в шести милях над поверхностью земли и что Никодимус Флитч персонально выбран Богом в качестве его глашатая и в качестве такового получил привилегию проклинать души навечно, когда ему взбредет в голову.

Даффи рассказывала мне, что однажды, когда Флитч проповедовал в Изгородах, он призвал гнев Господень на голову одного нечестивца и тот упал замертво на месте – и что если я не начну немедленно орудовать вилкой над баночкой лакричного ассорти, присланного на мой день рождения тетушкой Фелисити, она призвет то же самое проклятие на мою голову.

«И не думай, что я не могу, – зловеще добавила она, постукивая указательным пальцем по книге, которую читала. – Инструкции прямо на этой странице».

Смерть нечестивца была совпадением, сказала я ей, и вероятнее всего, причиной стал сердечный приступ. Он, скорее всего, умер бы в любом случае, даже если бы решил остаться в этот день дома в постели.

«Не будь так в этом уверена», – проворчала Даффи.

В последние годы Флитч, изгнанный из Лондона с позором и уступающий позиции более привлекательным религиозным сектам вроде рантеров, шейкеров и квакеров, диггеров, левеллеров, слайдеров, сваддлеров, тумблеров, данкеров, танкеров и даже неиспорченников¹⁰, направил стопы в Бишоп-Лейси, где в этой самой излучине реки начал крестить обращенных в свою диковинную веру.

Миссис Мюллет, оглянувшись за оба плеча и понизив голос до вороватого шепота, однажды сказала мне, что странное вероучение Никодимуса Флитча до сих пор, говорят, испо-

¹⁰ Флавия смешала тут в кучу коней, людей и бог знает еще кого, то бишь секты, политические движения и вымысел. К тому же основная часть упомянутых организаций уже не существовала на момент действия в романе. На самом деле Брэдли этой фразой точно цитирует один из выпусков газеты «Политический реестр» – памфлет Уильяма Кобблетта (1763—1835). Рантеры – пантеистическая секта, существовавшая в Англии в XVII веке, проповедовавшая то, что Бог в каждом создании, и поэтому отрицавшая церковные институты. Шейкеры – американская секта, зародившаяся в Англии, проповедовавшая социальное равенство и отказ от секса; считали их главой Энн Ли новым воплощением Христа. Квакеры – конфессия, возникшая среди радикальных пуритан; утверждали ненасилие и гуманизм. Диггеры – движение сельской бедноты против частной собственности, возникшее в 1649 году. Левеллеры – радикальное политическое движение против монархии, появившееся в 1647 году. Сваддлеры – презрительное прозвище, данное ирландскими католиками методистам (англ. *swaddle* – пеленать). Данкеры – христианская конфессия, организовавшаяся в Германии в 1708 году, проповедовавшая непротивление и принимавшая в качестве священной книги только Новый Завет. Танкеры – то же, что и данкеры, исходное немецкое наименование, трансформировавшееся, когда конфессия распространилась в США. Слайдеры, тумблеры и неиспорченники – неведомы зверюшки.

ведуют в деревне, хотя теперь исключительно за закрытыми дверями и с опущенными занавесками.

«Они окунают детей в воду, держа их за пятки, – рассказывала она, широко открыв глаза. – Словно Киллеса за пятку в Стикс¹¹, говорит миссис Уоллер, ей сказал Берт. Не вздумай связываться с хромцами. Они пустят твою кровь на колбасу».

Тогда я ухмыльнулась, и теперь я тоже улыбалась, вспоминая ее слова, и одновременно вздрогнула, подумав об Изгородах и о тенях, поглощавших солнечный свет.

Последний мой визит на этот островок был весной, когда там цвел первоцвет – «пейгл», как его называет миссис Мюллет, – и примулы.

Сейчас рощица, должно быть, скрыта высокими кустами бузины, растущими вдоль речного берега. Сезон, когда можно было вдыхать нежный аромат бузины, уже миновал. Ее белые цветки, словно толпа японских зонтиков, покоричневели и исчезли с июньскими дождями. Но радовала мысль о том, что пурпурно-черные ягоды скоро придут им на смену, повиснув идеальными гроздьями.

Это в Изгородах, во времена кого-то из первых Георгов, речку Ифон отклонили, чтобы образовать декоративное озеро и питать фонтаны, остатки которых усеивают лужайки и террасы Букшоу. Во время сооружения это чудо подземного гидравлического искусства спровоцировало бесконечную неприязнь между моей семьей и местными землевладельцами, так что один из моих предков, Люциус де Люс, впоследствии стал известен половине окрестностей как Протекающий де Люс. На портрете, висящем в картинной галерее Букшоу, он со скучающим видом смотрит на северо-западную часть озера с Причудой, фонтанами и – давно развалившимся – греческим храмом. Люциус опирается костлявыми костяшками пальцев одной руки на стол, на котором разложены компас, карманные часы, яйцо и угломерный инструмент, предназначенный для определения направлений и измерения именуемый «теодолит». В деревянной клетке – канарейка с открытым клювом. Она то ли поет, то ли пищит о помощи.

Мои жизнерадостные мечтания были прерваны лающим кашлем.

– Дай сюда, – сказала цыганка, выхватывая поводья из моих рук.

Ей краткий сон, должно быть, помог, подумала я. Несмотря на кашель, на ее смуглых щеках появился слабый румянец, и глаза, казалось, горели ярче, чем когда-либо.

Цокнув Граю, с быстротой и непринужденностью, выдававшей ее знакомство с этим местом, она направила фургон в сторону с узкой дорожки, под густой лиственный покров и к маленькому мостику. Через несколько секунд мы остановились на опушке.

Цыганка тяжело слезла со своего места и начала распрягать Грая. Пока она занималась стариком-конем, я воспользовалась возможностью полюбоваться окрестностями.

Островки маков и крапивы росли там и сям, освещенные падающими косыми лучами послеполуденного солнца. Зелени более яркой просто не могло быть.

Грай это тоже заметил и, довольный, пасся в высокой траве.

Фургон внезапно накренился, и раздался звук, будто кто-то споткнулся.

Я спрыгнула и обежала фургон с другой стороны.

Было очевидно, что я неправильно оценила состояние цыганки. Она сползла на землю и изо всех сил цеплялась за спицы высокого деревянного колеса. Когда я подошла к ней, она снова закашлялась, еще ужаснее, чем раньше.

– Вы измучились, – сказала я. – Вам надо лечь.

Она что-то пробормотала и закрыла глаза.

Вмиг я запрыгнула на оглобли фургона и открыла дверь.

Но, каковы бы ни были мои ожидания, они не оправдались.

¹¹ Образованный читатель наверняка догадался, что не испорченная эрудицией миссис Мюллет имела в виду Ахиллеса, которого мать купала в реке Стикс, держа за пятку, чтобы он стал неуязвимым.

Внутри фургон был сказкой на колесах. Хотя я успела только окинуть его быстрым взглядом, я заметила изящную чугунную плиту в стиле королевы Анны, а над ней – полку с синим фарфором с ивовым рисунком. Горячая вода и чай – предметы первой необходимости во всех чрезвычайных обстоятельствах. Кружевные занавески висели на окнах, давая возможность использовать их в качестве бинтов в случае необходимости, и пара серебряных керосиновых ламп с красным стеклом обеспечивали постоянный свет, немного тепла и пламя для стерилизации иглол. Моя подготовка в организации девочек-скаутов, какой бы короткой она ни была, не прошла совсем даром. В задней части находилась пара полуоткрытых резных деревянных панелей, демонстрируя просторную двухъярусную кровать почти во всю ширину фургона.

Я помогла цыганке подняться на ноги, закинув ее руку себе на плечо.

– Я опустила ступеньки, – сказала я ей. – Помогу вам добраться до кровати.

Как-то я умудрилась довести ее до передней части фургона, подталкивая и затаскивая, и, положив ее руки на нужные опоры, я наконец сумела устроить ее. Во время этих манипуляций она, казалось, не осознавала, ни где находится, ни кто я. Но, оказавшись в кровати, она вроде немного ожила.

– Я пойду за врачом, – сказала я. Поскольку на празднике я оставила «Глэдис» у задней стены приходского зала, мне придется позже сходить за ней пешком из Букшоу.

– Нет, не надо, – сказала она, решительно хватая меня за руку. – Сделай мне чашку чаю и иди. Мне просто надо хорошенько поспать.

Должно быть, она увидела скептическое выражение моего лица.

– Давай лекарство, – сказала она. – Попробую его. Ложку в чай.

Сначала – главное, подумала я, найдя среди беспорядочно расставленного столового серебра подходящую плошку и наливая в нее патокообразный сироп от кашля.

– Открой ротик, птичка, – произнесла я с улыбкой. Это формула, которую миссис Мюллет использовала, чтобы заставить меня глотать эти противные тоники и масла, которые отец требовал, чтобы давали его дочерям. Уставившись мне в глаза (это мое воображение или ее взгляд чуть-чуть потеплел?), цыганка послушно открыла рот и позволила мне влить полную до краев ложку.

– Глотай, глотай, улетай, – сказала я, произнося заключительные слова стишка и обращая внимание на прелестную маленькую плиту. Ненавижу признаваться в собственном невежестве, но я понятия не имела, как ее зажечь. С тем же успехом можно было попросить меня разогреть паровой котел времен королевы Елизаветы.

– Не здесь, – сказала цыганка, заметив мое замешательство. – Снаружи. Разведи костер.

Спустившись по ступенькам, я остановилась, чтобы окинуть быстрым взглядом окрестности.

Кусты бузины, как я уже говорила, росли повсюду. Я потянула за пару веток, пытаюсь оторвать их, но это была нелегкая задача.

Слишком полные жизни, подумала я, слишком упругие. Позанимавшись чем-то вроде перетягивания каната, только после энергичного прыгания на парочке нижних веток я сумела разжиться несколькими.

Через пять минут я набрала достаточно хвороста и веток, чтобы развести приличный костер посреди опушки.

Полная надежды, бормоча молитву девочек-скаутов («Гори, черт тебя дери!»), я зажгла одну из спичек, найденных в шкафчике в фургоне. Как только пламя коснулось хвороста, оно зашипело и погасло. То же самое и со второй спичкой.

Поскольку я не славлюсь терпением, я позволила себе слегка выругаться.

Если бы мы были дома в химической лаборатории, я бы могла поступить как цивилизованная личность и воспользоваться бунзеновской горелкой, чтобы вскипятить воду для чая, вместо того чтобы ползать на коленях с охапкой дурацких зеленых веток.

Правда, перед тем, как я довольно неожиданно покинула организацию девочек-скаутов, я научилась разжигать походные костры, но поклялась, что никогда больше не окажусь в ситуации, когда надо добыть огонь с помощью спички и шнура от туфли или двух сухих палок, которые надо тереть друг о друга.

Как упоминалось, у меня были все ингредиенты для пылающего костра – все, кроме одного.

Там, где есть керосиновые лампы, поблизости должен быть керосин. Я опустила прикрепленную крючками боковую панель фургона, и там, к моей радости, был галлон с этой штукой. Я открыла крышку банки, плеснула чуть-чуть на ожидающие дрова, и не успели бы вы сказать «Баден-Пауэлл», как чайник весело кипел.

Я была горда собой. Правда.

«Флавия изобретательная, – думала я, – Флавия – разносторонняя умница».

И тому подобное.

Я забралась по крутым ступенькам фургона с чаем в руках, балансируя на носках, словно канатоходец.

Подавала чашку цыганке и наблюдала, как она глотает дымящуюся жидкость.

– Ты шустрая, – заметила она.

Я скромно пожала плечами. Нет необходимости говорить ей о керосине.

– Ты нашла сухие щепки в ящике? – спросила она.

– Нет, – сказала я, – я...

Ее глаза расширились от ужаса, и она вытянула руку с чашкой.

– Только не кусты! Ты не трогала кусты бузины?

– Что ж, да, – честно сказала я. – Это было совсем не сложно, я...

Чашка выскользнула из ее рук, и обжигающий чай брызнул во всех направлениях. Она спрыгнула с кровати с поразительной прытью и забилась в угол.

– Хильда Мюир! – Она завела жуткий отчаянный плач, усиливавшийся и ослабевавший, словно воздушная сирена. – Хильда Мюир! – Она указывала на дверь. Я оглянулась, но там никого не было.

– Уходи от меня! Убирайся! Убирайся! – Ее рука дрожала, словно мертвый лист.

Я стояла ошеломленная. Что я сделала?

– О Боже! Хильда Мюир! Мы все мертвы! – застонала она. – Теперь мы все мертвы!

3

В юго-западном крыле располагается будуар Харриет, тихий заповедник, который сохраняется точно в таком виде, как в тот ужасный день десять лет назад, когда новость о ее трагической гибели достигла Букшоу. Несмотря на итальянское кружево на окнах, внутри комната представляет собой удивительно стерильное помещение, как в Британском музее, когда команда безмолвных, одетых в серое уборщиков приходит в ночи вымести все признаки жизни вроде паутины или пыли.

Хотя мне кажется это маловероятным, мои сестры считают, что это отец хранит святилище Харриет. Однажды, прячась под лестницей, я подслушала, как Фели рассказывает Даффи: «Он делает уборку ночью во искупление своих грехов».

«Кровавые пятна и всякое такое», – драматически прошептала Даффи.

Я слишком сгорала от любопытства, чтобы уснуть, и поэтому долго лежала в постели с открытыми глазами и думала, что же она имела в виду.

В юго-восточном крыле дома верхние окна моей химической лаборатории отражают медленно плывущие облака. Они дрейфуют по темному стеклу, словно жирные овцы на голубом лугу, не давая ни малейшего намека внешнему миру на то, какой дворец наслаждений таится внутри.

Я радостно взглянула на окна, обвив себя руками и думая о сверкающих колбах и ретортах, готовых доставить мне удовольствие. Снисходительный отец моего двоюродного дедушки Тарквина де Люса построил эту лабораторию для своего сына во время правления королевы Виктории. Дядюшку Тара выгнали из Оксфорда в разгар какого-то скандала, не уточнялось, какого именно – по крайней мере в моем присутствии, – и именно здесь, в Букшоу, он начал свою славную, хоть и отшельническую карьеру химика.

После смерти дяди Тара лаборатория осталась наедине со своими секретами, запертая и позабытая людьми, которых больше интересовали налоги и канализация, чем стеклянные сосуды затейливой формы.

Пока не пришла я и, так сказать, не предъявила на нее права.

Я наморщила нос, с удовольствием вспоминая, как это произошло.

Приблизившись к кухонной двери, я возгордилась тем, что сообразила использовать наименее заметный вход. Помня о Даффи и Фели, которые вечно строят козни и заговоры против меня, осторожность не может быть чрезмерной. Но возбуждение от праздника и доставки фургона цыганки в Изгороди заставило меня забыть об обеде. Прямо сейчас даже ломтик вызывающего бурление в животе пирога с кабачками миссис Мюллет, вероятно, пришелся бы кстати, если выпить стакан ледяного молока, чтобы заморозить вкусовые рецепторы. В это время дня миссис Мюллет должна уже уйти домой, и кухня будет предоставлена мне.

Я открыла дверь и вошла внутрь.

– Попалась! – проскрежетал голос мне на ухо, и все вокруг потемнело, когда мне на голову натянули мешок.

Я сопротивлялась, но безуспешно. Мои руки и ладони оказались бесполезны, когда отверстие мешка туго завязали вокруг бедер.

Не успела я закричать, как нападавшие – которых было двое, я была вполне уверена, судя по количеству ладоней, схвативших мои конечности, – перевернули меня вверх тормашками. Теперь я стояла на голове, и кто-то держал меня за щиколотки.

Я задыхалась, мои легкие наполнились острым земляным запахом картошки, хранившейся в мешке. Кровь прилила к голове.

Проклятье! Мне следовало раньше сообразить, что надо пинаться. Теперь уже слишком поздно.

– Шуми сколько хочешь, – прошипел второй голос. – Никто тебя не спасет.

С отчаянием я поняла, что это правда. Отец уехал на день в Лондон на филателистический аукцион, и Доггер отправился с ним, чтобы купить секаторы и крем для обуви.

Мысль о грабителях в Букшоу была неправдоподобна.

Оставались Даффи и Фели.

Странное ощущение, но я пожалела, что это не грабители.

Я припомнила, что в целом доме только одна дверная ручка, которая скрипит: на двери, ведущей на лестницу в подвал.

Она скрипнула.

Через миг, словно подстреленного оленя, меня взгромоздили на плечи моих пленителей и поволокли вперед головой в подвал.

Внизу меня грубо повалили на плитки, и я ударилась локтем, мой крик боли отразился эхом от сводчатых потолков, и следом послышалось чье-то тяжелое дыхание.

Чьи-то туфли шаркнули по камню недалеко от того места, где я лежала.

– Молю о молчании! – прокаркал замогильный голос, прозвучавший искусственно, будто исходил от жестяного робота.

Я издала еще один вопль и, боюсь, могла даже не сдержать всхлип.

– Молю о молчании!

То ли от неожиданного шока, то ли от липкого холода подвала, я не уверена, но я начала дрожать. Примут ли они это за проявление слабости? Говорят, что некоторые маленькие животные инстинктивно притворяются мертвыми в случае опасности, и я осознала, что я такая же.

Я делала неглубокие вдохи и старалась не шевелить ни единой мышцей.

– Освободи ее, Гарбакс!

– Да, о Трехглазая!

Иногда мои сестры развлекались, внезапно примеряя роли неких эксцентричных созданий, еще более эксцентричных, чем они были в повседневной жизни. Они обе знали, что это развлечение почему-то особенно меня расстраивает.

Я уже узнала, что сестринские отношения, словно Лох-Несс, таят в себе нечто необъяснимое, но полагаю, что только сейчас я осознала, что из всех невидимых связей, объединивших нас троих, темные – наиболее сильные.

– Прекрати, Даффи! Прекрати, Фели! – закричала я. – Вы меня пугаете!

Я несколько раз убедительно по-лягушечьи дернула ногами, как будто была на грани припадка.

Мешок неожиданно сдернули, перевернув меня лицом вниз, на камни.

Единственная свеча, стоящая на деревянном бочонке, прерывисто мерцала, ее бледный свет отбрасывал темные тени, танцующие среди каменных арок подвала.

Когда мои глаза приспособились ко мраку, я увидела лица сестер, гротескно светившиеся в тенях. Они нарисовали черные круги вокруг глаз и ртов горелой пробкой, и я сразу же поняла послание, которое они должны были передать: «Берегись! Ты в руках дикарей!»

Теперь я видела, откуда взялся искаженный голос робота, который я слышала: Фели говорила в отверстие пустой банки из-под какао.

– Французский черный янтарь – просто стекло, – плюнула она, швырнув банку на пол. – В точности твои слова. Что ты сделала с маминой брошью?

– Это была случайность, – неубедительно заняла я.

Ледяное молчание Фели придало мне немного уверенности.

– Я уронила ее и наступила. Если бы это был настоящий янтарь, он бы не раскололся.

– Дай ее сюда.

– Не могу, Фели. Ничего не осталось, кроме мелких осколков. Я растворила их на окалину.

На самом деле я расколотила эту штуку молотком и превратила в черный песок.

– Окалину? Зачем тебе окалина?

Было бы ошибкой рассказывать ей, что я работаю над новым видом керамической колбы, которая сможет выносить температуры, производимые сверхнасыщенной кислородом бунзенновской горелкой.

– Ни зачем, – ответила я. – Я просто дурачилась.

– Довольно странно, но я тебе верю, – сказала Фели. – Это то, что вам, подменышам эльфов, удастся лучше всего, не так ли? Дурачиться.

Должно быть, замешательство на моем лице было очевидным.

– Подменыши, – продолжила Даффи потусторонним голосом. – Эльфы приходят ночью и похищают здорового ребенка из колыбельки. Взамен оставляют уродливого сморщенного подменыша вроде тебя, и мать впадает в отчаяние.

– Если не веришь, – добавила Фели, – посмотри в зеркало.

– Я не подменыш, – возразила я, начиная сердиться. – Харриет любила меня больше, чем вас двоих, идиотки!

– Правда? – презрительно усмехнулась Фели. – Тогда почему она оставляла тебя спать у открытого окна каждую ночь, в надежде, что эльфы принесут обратно настоящую Флавию?

– Она этого не делала! – крикнула я.

– Боюсь, что делала. Я там была. Видела. Помню.

– Нет! Это неправда!

– Да, правда. Я, бывало, цеплялась за нее и плакала: «Мама! Мама! Пожалуйста, заставь эльфов вернуть мою крошку-сестру!»

– Флавия? Дафна? Офелия?

Отец!

Его голос, громкий, как у сержанта на плацу, донесся со стороны кухонной лестницы, усиленный каменными стенами и эхом от арки к арке.

Наши три головы повернулись вбок как раз вовремя, чтобы лицезреть, как сначала появляются его ботинки, потом брюки, потом верхняя часть тела и, наконец, лицо, по мере того как он спускается по лестнице.

– Что все это значит? – спросил он, окидывая нас взглядом в полумраке. – Что вы с собой сделали?

Тыльными сторонами ладоней и предплечьями Фели и Даффи уже пытались стереть черные отметины с лиц.

– Мы просто играли в «Креветки и треножник», – нашла Даффи, пока я не успела ответить. И обвиняюще указала на меня. – Она устраивает нам хорошенькую взбучку, когда ее очередь играть бегуму¹², но, когда очередь наша, она...

Хорошая работа, Дафф, подумала я. Я бы и сама не смогла сочинить лучшее объяснение в спешке.

– Я удивлен тобой, Офелия, – произнес отец. – Я бы не подумал...

И тут он умолк, не в состоянии подобрать нужные слова. Временами казалось, будто он... Как это сказать? Боится мою старшую сестру.

Фели терла лицо, жутко размазывая жженую пробку. Я чуть громко не рассмеялась, но вовремя поняла, что она творит. В попытке вызвать сочувствие она растерла краску так, что получились темные театральные круги под глазами.

¹² Бегума – знатная дама в Индии.

Мегера! Как актриса, гримирующаяся прямо на сцене, смелое, нахальное представление, которым я не могла не восхититься.

Отец замороженно смотрел. Как человек, зачарованный коброй.

– Ты в порядке, Флавия? – спросил он, все еще стоя на третьей ступеньке снизу.

– Да, отец, – ответила я.

Я чуть было не добавила «Спасибо, что спросил», но вовремя остановилась, боясь перестараться.

Отец молча окинул печальным взглядом каждую из нас по очереди, как будто в мире не осталось подходящих слов.

– В семь часов будет совещание, – наконец сказал он. – В гостиной.

Бросив последний взгляд на нас, он развернулся и медленно побрел по лестнице вверх.

– Дело в том, – говорил отец, – что вы, девочки, просто не понимаете...

И он был прав: мы не больше понимали его мир, чем он наш.

Его мир был миром конфетти: ярко раскрашенная вселенная королевских профилей и живописных видов на липких клочках бумаги; мир пирамид и линкоров, шатких висячих мостов в отдаленных уголках земного шара, глубоких гаваней, одиноких сторожевых башен и изображений голов знаменитых людей. Проще говоря, отец был коллекционером марок, или филателистом, как он предпочитал себя именовать и чтобы его именовали другие.

Каждый миг своего бодрствования он тратил на то, чтобы всматриваться в клочки бумаги через увеличительное стекло в вечном поиске дефектов. Открытие единственной микроскопической трещинки на эстампе, из-за чего на подбородке королевы Виктории мог появиться нежеланный волосок, приводило его в восторг.

Сначала будет официальное фотографирование и экстаз. Он принесет из кладовки и установит в кабинете треногу, древний пластиночный фотоаппарат с особенным приспособлением, именуемым макроскопической линзой, позволяющей ему снимать крупный план образца. В результате после проявки получалось изображение, достаточно большое, чтобы занять целую книжную страницу. Иногда, пока он радостно проделывал эти манипуляции, мы, бывало, улавливали напевы из «“Пинафора” ее величества» или «Гондольеров»¹³, дрейфующие по дому, словно беженцы.

Затем наступал черед письма, которое он отсылал в журнал «Лондонский филателист» или аналогичные места, и вместе с ним приходил черед кое-каких чудачеств. Каждое утро отец начинал приносить к столу кучи писчей бумаги, которые усердно исписывал, страницу за страницей, бисерным почерком.

Неделями он бывал недоступен и оставался таковым до того момента, пока не дописывал последнее слово на тему «лишних усов» королевы.

Однажды, когда мы валялись на южной лужайке, глядя в голубой свод идеального летнего неба, я сказала Фели, что отцовские поиски несовершенств не ограничиваются марками, а временами распространяются на его дочерей.

«Захлопни свой грязный рот!» – отрезала она.

– Дело в том, – повторил отец, возвращая меня к настоящему, – что вы, девочки, не понимаете серьезность ситуации.

Главным образом он имел в виду меня.

Фели, конечно же, донесла на меня, история о том, что я растворила одну из жутких викторианских брошей Харриет, журчала из ее уст так же радостно, как гомон ручья.

¹³ «Пинафор» ее величества» и «Гондольеры» – комические оперы известного английского дуэта-композитора А. Салливана и либреттиста У.С. Гилберта, впервые поставленные в 1878 и 1889 годах, обе имели оглушительный успех.

– Ты не имела права брать ее из гардеробной твоей матери, – произнес отец, и на миг его холодные голубые глаза устремились на мою сестру.

– Прости, – ответила Фели. – Я хотела надеть ее в церковь в воскресенье, чтобы произвести впечатление на Дитера. Это неправильно с моей стороны. Мне следовало бы попросить разрешения.

«Неправильно с моей стороны»? Я услышала то, что услышала, или у меня слуховые галлюцинации? Скорее солнце и луна пустятся в веселую джигу в небесах, чем одна из моих сестер извинится. Просто неслыханно.

Дитер, о котором упомянула Фели, – это Дитер Шранц с фермы «Голубятня», бывший немецкий военнопленный, решивший остаться в Англии после прекращения военных действий. Фели имела на него виды.

– Да, – сказал отец. – Тебе следовало бы.

Когда он снова обратил внимание на меня, я не могла не заметить, что складки во внешних уголках его глаз – складки, которые, как я часто думала, придают ему аристократичность, – были еще тяжелее, чем обычно, делая его печальным.

– Флавия, – произнес он усталым, невыразительным голосом, ранившим меня сильнее, чем острое оружие.

– Да, сэр?

– Что с тобой делать?

– Извини, отец. Я не хотела разбивать брошь. Я уронила ее и случайно наступила, и она просто раскололась. Боже, должно быть, она была очень старая, раз оказалась такой хрупкой!

Он почти незаметно вздрогнул, и за этим последовал один из тех взглядов, которые подразумевают, что я коснулась темы, закрытой для обсуждения. С долгим вздохом он посмотрел в окно. Что-то в моих словах заставило его сознание улететь куда-то в холмы.

– Хорошо ли ты съездил в Лондон? – отважилась я. – Имею в виду на филателистическую выставку?

Слово «филателистическая» быстро вернуло его к реальности.

– Надеюсь, ты нашел несколько приличных марок для своей коллекции?

Он издал еще один вздох, на этот раз напоминающий предсмертный хрип.

– Я ездил в Лондон не покупать марки, Флавия. Я ездил продавать.

Даже у Фели перехватило дыхание.

– Наши дни в Букшоу, возможно, подходят к концу, – сказал отец. – Как вы хорошо знаете, дом принадлежал вашей матери, и когда она умерла, не оставив завещания...

Он развел руки в жесте беспомощности, напомнив мне наколотую на булавку бабочку.

Из него так внезапно вышел воздух, что я едва могла в это поверить.

– Я надеялся отвезти ее брошь к кому-нибудь, кого я знаю...

Несколько минут его слова не могли до конца дойти до меня.

Я знала, что в последние годы содержание Букшоу стало довольно разорительным, не говоря уже о нависшем налоге на наследство и прочих налогах. Годами отец умудрялся отчаянно защищаться от «рычащих налоговых инспекторов», как он их именовал, но теперь волки, должно быть, снова были у порога.

Время от времени были намеки на наше затруднительное положение, но угроза всегда казалась нереальной, не более чем далекое облачко на летнем горизонте.

Я вспомнила, что одно время отец возлагал надежды на тетюшку Фелисити, свою сестру, живущую в Хэмпстеде. Даффи предположила, что многие из его так называемых «филателистических поездок» были на самом деле визитами к тетюшке с целью выпросить у нее денег взаймы – или умолить ее раскошелиться на остатки фамильных драгоценностей.

В итоге его сестра, должно быть, дала от ворот поворот. Совсем недавно мы собственными ушами слышали, как она говорила ему, чтобы он подумал о продаже своей филателистической коллекции. «Этих нелепых почтовых марок», как она назвала их, если быть точной.

– Что-нибудь подвернется, – жизнерадостно заметила Даффи. – Так всегда бывает.

– Только у Диккенса, Дафна, – сказал отец. – Только у Диккенса.

Даффи перечитывала «Дэвида Копперфилда» в энный раз. «Зубрю информацию о ломбардах», – ответила она, когда я спросила ее зачем.

Только теперь до меня дошло, что отец намеревался отвезти брошь Харриет – ту, что я уничтожила, – в ломбард.

– Можно мне выйти? – спросила я. – Мне вдруг стало нехорошо.

Это была правда. Я, должно быть, уснула, как только моя голова коснулась подушки.

Теперь, несколько часов спустя, я проснулась. Стрелки будильника, которые я аккуратно покрасила флуоресцирующей краской собственного изобретения, показывали начало третьего.

Я лежала в постели, наблюдая, как темные тени деревьев без устали изгибаются на потолке. С того времени, как территориальный спор между двумя моими далекими предками закончился горьким безвыходным тупиком – и черной линией, проведенной посередине вестибюля, – это крыло дома оставалось неотапливаемым. Время и погода собрали свою дань, из-за чего обои почти в каждой комнате – в моей они были горчично-желтые, с алыми червяками – отставали большими участками, а на потолке обои болтались огромными неряшливыми гирляндами, о содержимом которых, вероятно, лучше не думать.

Временами, особенно зимой, я любила притворяться, что живу под айсбергом в Северном Ледовитом океане, что холод – это не более чем сон и что, когда я проснусь, в покрытом ржавчиной камине будет гореть яркий огонь и горячий пар будет подниматься из оловянной ванны, стоящей в углу комнаты.

Разумеется, этого никогда не происходило, но на самом деле мне не на что жаловаться. Я спала здесь по собственному выбору, а не из необходимости. Здесь, в восточном крыле – так называемом «крыле Тара», – в химической лаборатории, – я могла работать в свое удовольствие сколько угодно. Поскольку окна выходили на юг и восток, свет, горящий в них, не виден никому снаружи – никому, за исключением разве что лис и барсуков, населявших остров и развалины Причуды посреди декоративного озера, или, может быть, случайных браконьеров, их следы и использованные гильзы я иногда находила, блуждая по Изгородам.

Изгороди! Чуть не забыла!

Нападение Фели и Даффи в дверях кухни, последовавший затем плен в подвале, позор перед отцом и, наконец, усталость – все это заставило меня начисто выбросить цыганку из головы.

Я соскочила с кровати, несколько удивившись тому, что полностью одета. Ничего себе, как я устала!

С туфлями в руках я прокралась по большой витой лестнице в вестибюль, где остановилась посреди бескрайней глади из черно-белой плитки и прислушалась. Наблюдателю с верхних галерей я, должно быть, показалась бы пешкой в какой-нибудь великой готической шахматной партии.

Пешкой? Фи, Флавия! Признай, наверняка ты нечто большее, чем пешка!

В доме царила абсолютная тишина. Отец и Фели, я знала, спят и видят сны: отец – о перфорированных клочках бумаги, а Фели – о замке, построенном исключительно из зеркал, в которых она без конца разглядывает свои отражения во всех мыслимых ракурсах.

Хотя наверху, в дальнем конце западного крыла, Даффи может еще не спать, тарашась в свете свечи, как она любит, на гравюры Гюстава Доре в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Я обнаружила этот пухлый томик в обложке из телячьей кожи под ее матрасом, когда обыскивала

ее комнату в поисках упаковки жевательной резинки, которую Фели подарил американский военный. Она наткнулась на него однажды утром, когда шла в деревню отправить письмо. Его звали Карл, и он был из Сент-Луиса в Америке. Он сказал ей, что она вылитая Элизабет Тейлор в «Национальном бархате». Фели, конечно же, пришла домой гордая и спрятала резинку, как она всегда поступает с подобными подношениями, в бельеовом ящике, откуда Даффи ее утащила. А теперь была моя очередь.

Неделями после этого было слышно: «Карл то», «Карл сё», Фели без конца щебетала о мутной Миссисипи, ее длине, изгибах и поворотах и как правильно написать название реки, не выставив себя дурочкой. У нас появилось отчетливое ощущение, что именно Фели лично задумала и создала эту великую реку, а Бог беспомощно стоял на подхвате, немногим более чем помощник водопроводчика.

Я улыбнулась при мысли об этом.

И вдруг я услышала это – металлический щелчок.

Пару ударов сердца я стояла совершенно неподвижно, пытаюсь определить, с какого направления он донесся.

Из гостиной, подумала я и тут же начала красться на цыпочках в том направлении. Босиком я могла двигаться абсолютно бесшумно, прислушиваясь к малейшим звукам. Хотя временами я проклинала болезненно острый слух, который унаследовала от Харриет, это был не тот случай.

Когда я черепашным шагом ползла по коридору, в щели под дверью гостиной внезапно появился свет. Кто может быть там в это время суток? Кто бы это ни был, определенно это не де Люс.

Надо ли мне позвать на помощь или самой поймать незваного гостя?

Я взялась за дверную ручку, повернула ее как можно медленнее и открыла дверь – рискованный поступок, полагаю, но, в конце концов, разве я не у себя дома? Нет смысла позволять Даффи или Фели приписать себе заслугу в поимке взломщика.

Привыкшие к темноте, мои глаза были несколько ослеплены светом старой керосиновой лампы, которую держали на случай отключения электричества, так что сначала я никого не увидела. На самом деле мне потребовалась секунда, чтобы понять, что кто-то – незнакомец в резиновых сапогах – согнулся у камина, касаясь рукой медной подставки для дров, отлитой в форме шпага.

Белки его глаз сверкнули, когда он взглянул вверх в зеркало и увидел, что я стою за его спиной в дверном проеме.

Он вскочил на ноги и быстро обернулся. Я заметила на нем молескиновое пальто и алый шарф.

– Ну надо же, девчонка! У меня из-за тебя чуть сердечный приступ не случился!

Это был Бруки Хейрвуд.

4

Мужчина был пьян. Я сразу же это заметила. Даже с того места, где я стояла, я чувствовала запах алкоголя – и еще сильный рыбный запах, который сопровождает человека, носящего рыбную корзину так же горделиво, как другой может носить килт и спорран¹⁴.

Я тихо прикрыла дверь за своей спиной.

– Что вы здесь делаете? – требовательно спросила я, принимая наисуровейший вид.

На самом деле я думала, что Букшоу в предзвездные часы, в сущности, становится вокзалом Паддингтон. Не прошло и пары месяцев с тех пор, как я стала свидетельницей горячей ночной ссоры Горация Бонепенни и отца. Что ж, Бонепенни теперь в могиле, но на его место пришел другой незванный гость.

Бруки поднял кепку и потянул себя за прядь волос, спадающих на лоб, – древний знак подчинения сильнейшему. Если бы он был собакой, это все равно что распластаться на земле брюхом кверху.

– Отвечайте, пожалуйста, – сказала я. – Что вы здесь делаете?

Он повозился немного с ивовой корзиной на бедре, перед тем как ответить.

– Вы поймали меня на горячем, мисс, – сказал он, стреляя в меня обезоруживающей улыбкой. К своему вящему раздражению, я заметила, что у него идеальные зубы.

– Но я не хотел никому навредить. Признаюсь, я пришел в усадьбу в надежде разжиться кроликом-другим. Ничто не может быть лучше для слабой груди, чем горшок со славным тушеным кроликом, не так ли?

Он стукнул себя кулаком в грудь и выдавил кашель, который не обманул меня ни на миг, поскольку я и сама его часто имитирую. Браконьерские речи тоже не ввели меня в заблуждение. Если, как утверждала миссис Мюллет, мать Бруки – светская художница, он, вероятно, учился в Итоне или в аналогичном месте. Голос с надрывом должен был вызвать сочувствие к нему. Тоже старый фокус. Я сама его использовала и поэтому терпеть его не могла.

– Полковник не охотник, – продолжал он, – и это знает весь мир. Так что какой вред в том, чтобы прочесать это место на предмет вредителей, которые лишь объедают ваш сад и выкапывают ямы в кустарнике? Какой вред, а?

Я обратила внимание, что он повторяется, – почти верный признак того, что лжет. Я не знала, как ответить на его вопрос, так что продолжала молчать, скрестив руки.

– Но потом я заметил свет в доме, – говорил он. – «Эй! – сказал я себе. – Что это, Бруки? Кто может быть на ногах в эту несусветную рань? – так я сказал. – Может, кто-то болен?» Я знаю, что полковник не водит машину, видишь ли, и тогда я подумал: «Что, если кому-то понадобится сбежать в деревню за доктором?»

В его словах была правда. Старый «роллс-ройс» Харриет – «Фантом II» – хранился в каретном сарае, словно некая личная часовня, место, куда уходили отец и я – хотя никогда одновременно, конечно же, – когда мы хотели сбежать от того, что отец называл «тяготами повседневной жизни».

Он имел в виду, само собой, Даффи и Фели – и временами меня.

Хотя отцу ужасно не хватало Харриет, он никогда о ней не говорил. Его горе было настолько глубоким, что имя Харриет было поставлено на первое место в черном списке Букшоу – списке вещей, о которых никогда нельзя упоминать, если тебе дорога жизнь.

Сознаюсь, что слова Бруки сбили меня с толку. Не успела я сформулировать ответ, как он продолжил:

¹⁴ Спорран – кожаная сумка мехом наружу с кисточками, часть национального костюма шотландского горца.

– Но потом я подумал: «Нет, это не просто так. Если в Букшоу кто-то болен, горело бы больше огней. Был бы свет на кухне – кто-то грел бы воду, кто-то суеился...»

– Мы могли бы позвонить по телефону, – возразила я, инстинктивно сопротивляясь попытке Бруки сплести свою паутину.

Но он говорил дело. Отец презирал телефон и позволял им пользоваться только в крайних случаях. В полтретьего утра было бы быстрее съездить на велосипеде – или даже сбегать – в Бишоп-Лейси, чем будить мисс Рансиман на телефонном узле и просить ее дозвониться спящему доктору Дарби.

К тому времени, как эта нудная игра в «кнопка-кнопка-кто нажал на кнопку» будет закончена, мы все можем умереть.

Как будто это он был владельцем, а я непрошеным гостем, Бруки широко расставил ноги в резиновых сапогах и сцепил руки за спиной, заняв положение перед камином, посередине между двумя медными шпагами, принадлежавшими деду Харриет. Он не опирался локтем на каминную полку, но с него бы случилось.

Не успела я сказать и слова, как он бросил быстрый нервный взгляд направо и налево и понизил голос до хриплого шепота:

– «Но погоди, Бруки, старик, – подумал я. – Постой, Бруки, дружище. А вдруг это знаменитая Серая леди из Букшоу?» В конце концов, мисс, все знают, что временами здесь виден свет, природу которого нельзя легко объяснить.

Серая леди из Букшоу? Никогда не слышала о таком привидении. Эти деревенские жители суеверны до смехотворности! Или он делает из меня идиотку?

– Или фамильный призрак не упоминается в приличном обществе?

Фамильный призрак? У меня внезапно возникло ощущение, будто на мое сердце опрокинули ведро ледяной воды.

Может, Серая леди из Букшоу – это призрак моей матери Харриет?

Бруки рассмеялся.

– Глупо, не так ли? – И продолжил: – Какие еще призраки, нет уж, спасибо! Скорее всего, это домушник, положивший глаз на серебро полковника. В наше время таких много, с тех пор как война закончилась.

– Думаю, вам лучше уйти, – сказала я дрожащим голосом. – Отец спит очень чутко. Если он проснется и обнаружит вас здесь, нет сомнений, что он сделает. Он спит с боевым оружием на ночном столике.

– Что ж, тогда я пойду, – беспечно ответил Бруки. – Рад, что в вашей семье все в порядке. Мы очень о вас беспокоимся, все мы в деревне. Трудно сказать, что может случиться, когда вы так далеко, отрезанные...

– Спасибо, – произнесла я. – Мы очень благодарны, разумеется. А теперь, если не возражаете...

Я открыла перед ним французскую дверь.

– Спокойной ночи, мисс, – сказал он и с ухмылкой исчез в темноте.

Я медленно сосчитала до десяти – и последовала за ним.

Бруки нигде не было видно. Тени поглотили его целиком. Несколько секунд я прислушивалась, стоя на террасе, однако ночь была сверхъестественно тихой.

Над головой звезды мерцали, словно миллион крошечных лампочек, и я узнала созвездие Плеяды, Семь Сестер, названное так в честь девушек в греческой мифологии, которые так опечалились из-за участи своего отца – он был знаменитым Атласом, которого приговорили держать на плечах небесный свод, – что совершили самоубийство.

Я вспомнила о дождливом дне, который провела в оранжерее с Доггером, помогая ему отрывать глазки у небольшой горы картофеля и слушая историю, которую передавали из уст в уста тысячи лет.

«Какая глупость! – сказала я. – Зачем они убили себя?»

«Греки – народ, склонный к драматизму, – ответил Доггер. – Они придумали драму».

«Откуда ты все это знаешь?»

«Сведения плавают у меня в голове, – сказал он, – словно дельфины». И затем он погрузился в привычное молчание.

Где-то на той стороне лужайки ухнула сова, вернув меня из прошлого в настоящее. До меня дошло, что я до сих пор держу туфли в руках. Какой дурочкой, должно быть, я показалась Бруки Хейрвуду!

За моей спиной, если не считать керосиновую лампу, до сих пор горевшую в гостиной, Букшоу был погружен во мрак. Слишком рано для завтрака и слишком поздно, чтобы возвращаться в кровать.

Я зашла обратно в дом, обула туфли и прикрутила фитиль лампы. Цыганка, должно быть, уже отдохнула и справилась со страхом. Если мне повезет, я смогу заполучить приглашение на цыганский завтрак на открытом огне. Если мне повезет еще больше, я, может, даже узнаю, кто такая Хильда Мюир и почему мы все мертвы.

Я помедлила на краю Изгородей, ожидая, пока глаза приспособятся к глубокому мраку между деревьями.

Лесистая опушка в темноте – зловещее место, подумала я, место, где может случиться что угодно.

Эльфы... Хильда Мюир... Серая леди из Букшоу...

Я мысленно встряхнула себя. «Прекрати, Флавия!» – сказал внутренний голос, и я последовала его совету.

Фургон оставался на том же месте, я видела ступеньки и кусочек Млечного Пути, отраженный в занавешенном окне. Звук чавканья в темноте сказал мне, что Грай пасется поблизости.

Я медленно приблизилась к фургону.

– При-вет! – пропела я осторожно, с учетом недавнего расположения духа цыганки. – Это я, Флавия. Тук-тук. Кто-нибудь дома?

Ответа не было. Я подождала секунду, затем обошла вокруг фургона. Когда я прикоснулась к его деревянному боку, чтобы успокоиться, моя рука намочила от холодной росы.

– Есть кто-нибудь? Это я, Флавия. – Я легко постучала костяшками пальцев.

В заднем окне был слабый свет – такой свет, какой бывает, когда лампу приглушают на ночь.

Внезапно что-то мокрое, ужасное и слюнявое коснулось моей щеки. Я отпрыгнула, размахивая руками.

– Ой! – вскрикнула я.

Послышался хруст, и горячее дыхание, за которым последовал сладковатый запах влажной травы, обдало мой затылок.

Затем Грай ткнулся носом мне в ухо.

– Подкрадываешься, Грай! – сказала я, оборачиваясь. – Подкрадываешься!

Я прикоснулась к его теплой морде в темноте и обнаружила, что это странным образом успокаивает, намного сильнее, чем я могла бы предположить. Я прислонилась лбом к его боку, и несколько секунд, пока мое сердце утихомиривалось, мы так стояли, общаясь способом, намного более древним, чем слова.

Если бы ты только умел разговаривать, подумала я. Если бы только умел.

– При-вет! – снова окликнула я, последний раз похлопав Грая по морде и поворачиваясь к фургону. Но ответа так и не было.

Фургон слегка покачнулся на рессорах, когда я встала на оглобли и полезла вверх на место кучера. Резная ручка двери похолодила ладонь, когда я повернула ее. Дверь распахнулась – она не была заперта.

– Ау?!

Я вошла и потянулась к керосиновой лампе, слабо светившейся над плитой. Повернула фитиль, и стекло засияло жутким липким красным блеском.

Кровь! Повсюду была кровь! Плита и занавески были забрызганы кровью. Абажур тоже был в крови – и мои руки теперь тоже.

Что-то капнуло с потолка мне на лицо. Я дернулась с отвращением – и, возможно, с долей испуга.

И затем я увидела цыганку – она лежала у моих ног: черный ворох тряпок, совершенно неподвижно скорчившийся в луже крови. Я чуть не наступила на нее.

Я встала на колени рядом с ней и взяла ее запястье большим и указательным пальцами. Может ли это шевеление быть пульсом?

Если да, мне нужна помощь, и быстро. Промедление не доведет до добра.

Я уже собиралась выйти, когда что-то остановило меня. Я понюхала воздух, острый от металлического запаха крови.

Кровь, да, но не только кровь. Что-то, не соответствующее месту. Я снова принюхалась. Что бы это могло быть?

Рыба! Фургон вонял кровью и рыбой.

Цыганка ловила и готовила рыбу в мое отсутствие? Вряд ли, нет никаких признаков огня и рыболовных принадлежностей. Кроме того, подумала я, она была слишком слабая и уставшая, чтобы заниматься этим. И в фургоне определенно не было запаха рыбы, когда я уходила отсюда.

Я вышла наружу, закрыла за собой дверь и прыгнула на землю.

Бежать назад в Букшоу за помощью смысла нет. Слишком долго. Пока я смогу разбудить кого надо и вызвать доктора Дарби, цыганка может умереть – если еще не умерла.

– Грай! – окликнула я, и старый конь, волоча ноги, подошел ко мне. Без дальнейших размышлений я вскочила ему на спину, обвила руками шею и ласково толкнула его пятками в ребра. Через несколько секунд мы пробежали рысью через мост, затем повернули на север, в Канавы.

Несмотря на темноту, Грай шел уверенно, как будто знал эту изборожденную тропу. Сидя верхом, я быстро наловчилась сохранять равновесие на его костлявой спине, пригибаясь, когда ветки нависали слишком низко, и жалея, что я не оказалась настолько дальновидной, чтобы захватить свитер. Я забыла, какими холодными бывают ночи в конце лета.

Мы бежали и бежали, конь цыганки превзошел самого себя. Возможно, предвкушал сытную еду в конце пути.

Вскоре мы минуем полуразрушенное обиталище Буллов, и я знала, что мы не останемся незамеченными. Даже в разгар дня путешественники на этой узкой тропе были редкими. Посреди ночи непривычный цокот копыт наверняка услышит кто-то из полубезумной Булловой семейки.

Да, вот оно, прямо перед нами по правой стороне. Я ощущала носом. Даже в темноте я видела серую пелену дыма, висящую над этим местом. Там и сям во дворе тлели кучи мусора, сиявшие в ночи, словно красные глаза. Несмотря на столь поздний час, в окнах дома горел свет.

Не стоит просить о помощи здесь. Миссис Булл не церемонилась, демонстрируя ненависть к цыганам.

Захватив в горсть густую гриву Грая, я ласково потянула. Как будто его с рождения обучали этим примитивным способам управления, старый конь замедлил ход. При этом одно из его копыт стукнуло по камню на дороге.

– Шшш! – прошептала я ему на ухо. – На цыпочках!

Я знала, что мы должны продолжать двигаться. Цыганка отчаянно нуждается в помощи, и дом Буллов – не то место, где ее можно получить.

Хлопнула дверь, когда кто-то вышел во двор.

Грай немедленно остановился и отказался двигаться дальше. Я хотела прошептать ему на ухо, чтобы он продолжал идти, что он хороший конь, замечательный конь, но я едва осмеливалась дышать. А Грай стоял на тропинке так же неподвижно, как если бы он был чистокровным пойнтером. Может ли конь цыганки быть хитрее, чем я? За годы странствий по неприветливым дорогам он усвоил больше уловок, чем я за свою жизнь?

Я взяла на заметку подумать об этом, когда мы окажемся вне опасности.

Судя по звукам, человек во дворе копался в куче старых горшков, что-то бормоча себе под нос, когда они переставали грохотать. Свет из дома, я знала, погружает меня в еще большую темноту. Хотя лучше стать кем-то менее заметным, чем всадник на лошади.

Я подождала, когда горшки снова загремят, и бесшумно соскользнула на землю. Прикрываясь Граем как щитом, я пригнулась, чтобы мое белое лицо не было заметно в темноте.

Когда вы в затруднительном положении, время замедляется и еле ползет. Я не удержалась и начала гадать, сколько времени мы стоим, застыв на одном месте; вероятно, несколько минут. Я неловко переносила вес с одной ноги на другую и дрожала в темноте, в то время как Грай, старичок, по-видимому уснул. Он не шевелил ни единой мышцей.

И тут шум резко прекратился.

Неужели человек во дворе заметил наше присутствие? Вдруг кто-то лежит и выжидает, готовый к прыжку?

Время утекало из рук. Я не могла пошевелиться. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось невозможным, чтобы кто бы там ни был во дворе Буллов не услышал нас.

Должно быть, они просто затаились... прислушиваются, как и я.

Внезапно моих ноздрей достиг резкий запах горящей спички: узнаваемая едкая вонь фосфора, вступающего в реакцию с хлоратом калия. Следом я уловила запах зажженной сигареты.

Я улыбнулась. Миссис Булл отдыхала от своих дурно воспитанных детей.

Но недолго. Дверь хлопнула, и темная фигура засуетилась за занавешенным окном.

Я сразу же двинулась по тропинке, сначала медленно, потом все быстрее. Грай тихо шел рядом со мной. Когда мы достигли деревьев в дальнем конце владений, я забралась ему на спину и начала подгонять.

– Кабинет доктора Дарби, – сказала я ему. – Мигом!

Как будто он понял.

Кабинет доктора располагался на центральной улице прямо за углом после Коровьего переулка. Я приподняла дверной молоток – медную змею на палке – и громко постучала. Почти сразу же, или мне так показалось, окно наверху распахнулось с резким деревянным треском, и появилась голова доктора Дарби с взъерошенными со сна седыми тонкими волосами.

– Колокольчик, – сварливо сказал он. – Пожалуйста, пользуйтесь колокольчиком.

Я символически нажала на кнопку большим пальцем, и где-то в глубине дома приглушенно зазвонило.

– Это цыганка! – крикнула я ему наверх. – Та, что с праздника. Кажется, кто-то пытался ее убить.

Окно захлопнулось.

Прошло не больше минуты, потом входная дверь открылась, и доктор Дарби вышел на улицу, на ходу надевая пиджак.

– Моя машина сзади, – сказал он. – Пойдем.

– Но как насчет Грая? – спросила я, указывая на старого коня, спокойно стоявшего на улице.

– Отведи его за угол в конюшню, – сказал он. – Эскулап будет рад его обществу.

Эскулап был дряхлой клячей, возившей легкий экипаж доктора Дарби до того, как десять лет назад доктор наконец уступил давлению пациентов и купил усталый старый «моррис» с бычьей мордой – открытый двухместный автомобиль, который Даффи именovala «Крушением “Гесперуса”».

Я обняла шею Грая, когда он вошел в стойло с еле слышным вздохом.

– Быстро, – сказал доктор Дарби, бросая чемоданчик назад, за сиденья.

Через несколько секунд мы свернули с центральной улицы в Канаву.

– Изгороди, говоришь?

Я кивнула, держась изо всех сил. Один раз мне показалось, что доктор Дарби украдкой бросил взгляд на мои окровавленные руки, но что бы он ни подумал, он оставил это при себе.

Мы неслись по узкой тропинке, передние фары «морриса» освещали зеленый туннель из деревьев и изгородей. Мы пролетели мимо владений Буллов так быстро, что я едва успела это заметить, хотя мой мозг сумел зарегистрировать факт, что дом теперь был погружен в полную темноту.

Когда мы летели по каменному мостику, «моррис» чуть не оторвался от земли. Наконец доктор Дарби резко затормозил. Мы были в нескольких дюймах от фургона цыганки. Его знание дорог Бишоп-Лейси и окрестностей впечатляло.

– Оставайся тут, – рявкнул он. – Если мне понадобится твоя помощь, я позову.

Он распахнул водительскую дверь, быстро обошел фургон и скрылся.

Оставшись одна в темноте, я невольно вздрогнула.

Если быть абсолютно честной, в животе у меня слегка крутило. Я не обращаю внимание на смерть, но раны заставляют меня нервничать. Все зависит от того, что доктор Дарби найдет в фургоне.

Я беспокойно ерзала в «моррисе». Интересно, цыганка мертва? Мысль об этом повергала в ужас.

Смерть и я не были старыми друзьями, нас связывало поверхностное знакомство. Два раза в жизни я сталкивалась с трупами, и каждый дал мне...

– Флавия! – Доктор был в дверях фургона. – Принеси отвертку. Она в багажнике, в коробке с инструментами.

Отвертку? Какую отвертку?

Опять меня отвлекли от размышлений.

– Быстро. Неси ее сюда.

В другой раз я бы могла заартачиться в ответ на такую наглость, когда мне приказывают, словно лакею, но я прикусила язык. На самом деле я даже почти простила.

Пока доктор Дарби ослаблял шурупы на дверных петлях, я не могла не думать, насколько у него сильные руки для такого пожилого мужчины. Если бы он не использовал их для спасения людей, мог бы стать чудесным плотником.

– Открути последние винты, – сказал он. – Я придержу дверь. Вот так... умница.

Даже не зная, что мы делаем, я была его послушной рабыней.

Пока мы трудились, я бросала взгляды на цыганку и внутренности фургона. Доктор Дарби переложил ее с пола на кровать, где она лежала без движения с забинтованной головой. Я не могла определить, жива она или мертва, а спросить было неловко.

Наконец дверь высвободилась из проема, и доктор Дарби поднял ее перед собой, словно щит. В моем мозгу промелькнул образ крестоносца.

– Легче, кладем ее сюда.

Он осторожно опустил тяжелую дверь на пол фургона, где она заняла все место между плитой и мягкими креслами, не оставив ни дюйма. Затем, взяв две подушки с кровати, он положил их вдоль двери, закутал цыганку в простыню и как можно бережнее переложил ее с койки на импровизированные носилки.

Я снова поразилась, сколько силы заключено в его компактном теле. Женщина, должно быть, весит почти столько же, сколько и он.

– Теперь быстро, – сказал он. – Мы должны отвезти ее в больницу.

Ага! Цыганка жива. Планы смерти нарушены, по крайней мере на этот раз.

Сняв вторую простыню с кровати, доктор Дарби порвал ее на длинные полосы, ловко просунул их под дверь и привязал цыганку, после чего закрепил концы серией умелых узлов.

Он уложил ее ногами к дверному проему, и теперь я наблюдала, как он аккуратно выбирается из фургона и соскакивает на землю.

Я услышала, как заводится «моррис». Мотор зарычал, и через несколько секунд я увидела, как доктор сдает задом к фургону.

Он снова забрался внутрь.

– Возьми за этот конец, – сказал он, указывая на ноги цыганки. – Он легче.

Он пролез мимо меня, взялся за конец двери у нее под головой и начал двигать его к выходу.

– На правое сиденье, – сказал он. – Вот так... осторожно.

Я внезапно поняла, что он пытается сделать, и, когда доктор Дарби приподнял изголовье, я направила ноги в пространство между пассажирским сиденьем и приборной панелью.

С удивительной легкостью наша задача была выполнена.

С цыганкой, жестко зафиксированной в машине, маленький «моррис» напоминал деревянный парашют, а сама цыганка выглядела словно мумия, привязанная к борту.

Не самое удачное сравнение, но сойдет.

– Тебе придется остаться здесь, – сказал доктор Дарби, втискиваясь за руль. – Здесь нет места для троих, в этом старичке. Побудь здесь и ничего не трогай. Я пришлю полицию, как только смогу.

Что он имел в виду, конечно же, так это то, что я была в меньшей физической опасности, оставаясь на месте, чем рискуя наткнуться на напавшего на цыганку, пока буду идти одна в Букшоу.

Я без энтузиазма продемонстрировала доктору поднятые большие пальцы. Большее проявление чувств будет неуместным.

Он выжал сцепление, и машина со своим жутковатым грузом медленно тронулась по опушке. Когда она проезжала по горбтому мостику, я в последний раз взглянула на цыганку, ее лицо было мертвенно-бледным в свете луны.

5

Теперь я была действительно одна.

Или нет?

Не шевелился ни единый листик. Что-то булькнуло в воде поблизости, и я затаила дыхание. Может, выдра? Или кое-что похуже?

Может, напавший на цыганку до сих пор в Изгородах? До сих пор прячется... следит... откуда-то между деревьев?

Глупая мысль, и я сразу это поняла. Я довольно рано в жизни узнала, что ничто разум не любит больше, чем нервировать себя странными историями, как будто наши извилины – не более чем отряд маленьких пухленьких девочек-скаутов, собравшихся над походным костром в темноте черепа.

Тем не менее я слегка вздрогнула, когда луна скользнула за облако. Было довольно прохладно, когда я первый раз пришла сюда с цыганкой, холодно, когда я ехала верхом на Грае в деревню за доктором Дарби, а теперь я адски замерзла.

Свет в фургоне приветственно горел теплым оранжевым пятном на фоне синего мрака. Если бы из каминной трубы поднимались клубы дыма, пейзаж был бы как на отрывных гравюрах, которые печатают в еженедельных журналах и которые можно повесить в рамку, например, «Цыганская луна».

Это доктор Дарби оставил лампу включенной. Надо ли мне забраться внутрь и потушить ее?

Туманные мысли насчет экономии керосина промелькнули у меня в голове, и еще более туманные мысли о том, что надо быть хорошим гражданином.

Святые на лыжах! Я ищу предлог, чтобы залезть в фургон и хорошенько рассмотреть сцену преступления. Почему не признать это?

«Ни к чему не прикасайся», – сказал доктор Дарби. Что ж, я не стану. Я буду держать руки в карманах.

Кроме того, мои следы уже есть повсюду на полу. Какой вред причинят еще несколько отпечатков? Сможет ли полиция отличить кровавые следы, оставленные с разницей менее часа? Посмотрим.

Забираясь на подножку, я поняла, что должна пошевеливаться. Доехав до больницы в Хинли, доктор Дарби вскоре позвонит в полицию – или проинструктирует кого-то позвонить туда.

Нет ни секунды лишней.

Быстрый осмотр показал, что цыганка живет скромной жизнью. Насколько я обнаружила, нет ни личных бумаг, ни документов, ни писем, ни книг – даже Библии. Я видела, как она перекрестилась, и мне показалось странным, что в ее доме на колесах нет ни единого экземпляра Священного Писания.

В корзине рядом с плитой находился запас грязных овощей, по виду которых можно было предположить, что их скорее торопливо насобирали на поле какого-нибудь фермера, чем купили отмытыми на деревенском рынке: картофель, свекла, репа, лук – все вперемешку.

Я сунула руку в корзину и покопалась на дне. Ничего, кроме покрытых землей овощей.

Я не знаю, что ищу, но пойму, если найду. Если бы я была цыганкой, подумала я, дно овощной корзины запросто могла бы использовать как тайник.

Теперь мои руки были перемазаны не только высохшей кровью, но и землей. Я вытерла их грязным полотенцем, висевшим на ближайшем гвозде, но сразу же увидела, что этого недостаточно. Я повернулась к оловянной раковине, взяла с полки кувшин, разрисованный розами с

шипам, и по очереди полила водой свои грязные руки. Частицы земли и свернувшейся крови быстро превратились в красную грязь.

Мурашки побежали по моему телу, и меня пробрала дрожь. Красные кровяные клетки, вспомнила я из своих химических экспериментов, – на самом деле не более чем супчик из воды, соды, калия, хлорида и фосфора. Соедините эти вещества в нужных пропорциях, и они образуют вязкое жидкое желе: желе с загадочными свойствами, содержащее в своих алых переплетениях не только благородство, но и предательство.

Я снова вытерла руки полотенцем и собралась было высыпать содержимое корзины на траву перед фургоном, как меня осенило: не будь идиоткой, Флавия! Ты оставляешь хвост улики, такой же очевидный, как рекламное объявление на щите!

Инспектор Хьюитт будет в ярости. И у меня нет никаких сомнений, что это он – в четыре утра или нет – ответит на телефонный звонок доктора.

Если его спросят, доктор Дарби наверняка вспомнит, что я не смывала и не вытирала кровь с рук в его присутствии. И, разве что меня выдадут улики, я едва ли смогу сознаться, что не послушалась его приказа не входить в фургон после его отъезда.

Словно канатоходец, я, покачиваясь, сошла с оглоблей фургона, держа корзину перед собой на вытянутых руках, словно подношение.

Я дошла до реки, опустила корзину и расшнуровала ботинки. Порча еще одной пары обуви сведет отца с ума.

Босиком я забрела в воду, морщась от внезапного холода. Ближе к середине, где вялое течение становилось чуть сильнее, – самое безопасное место для того, чтобы опустошить корзину: если сделать это ближе, могут остаться предательские следы на травянистом берегу, и первый раз в жизни я вознесла благодарность за удобство короткой юбки.

По колено в проточной воде, я опустила корзину и позволила течению смыть предательские следы. Когда окровавленное содержимое соединилось с рекой и уплыло бог знает куда, я с облегчением вздохнула. Улики – по крайней мере их часть – теперь за пределами досягаемости инспектора Хьюитта и его людей.

Выбираясь на берег, я налетела на подводный камень и ушибла палец на ноге. Я чуть не упала лицом в воду и удержалась только благодаря неуклюжему размахиванию руками. Корзина тоже сыграла роль противовеса, и я, запыхавшись, но не упав, добралась до берега.

Но постойте! Полотенце! Отпечатки моих грязных окровавленных рук по всему полотну!

Я рванулась обратно к фургону. Как я и полагала, на полотенце была пара замечательно четких отпечатков ладоней Флавии. Поразительное везение.

Еще один поход к реке; еще один заход в холодную воду, где я терла и полоскала полотенце несколько раз, корча гримасы, когда на удивление яростно выжимала его. Только когда вода, стекавшая обратно в речку, стала идеально чистой в лунном свете, я вернулась на берег.

Вернув полотенце в целости и сохранности обратно на гвоздь, я начала нормально дышать. Даже если полиция сделает анализ хлопковых нитей, они не найдут ничего необычного. Я удовлетворенно фыркнула.

Посмотрите на меня. Вот она я, веду себя как преступница. Наверняка полиция никогда не заподозрит меня в нападении на цыганку. Или заподозрит?

В конце концов, разве не меня последнюю видели в ее обществе? Наш отъезд с праздника так же бросался в глаза, как цирковой парад. И потом эта стычка в Канаве с миссис Булл, которая, как я подозревала, будет только счастлива сфабриковать улики против члена семьи де Люс.

Что там она сказала? «Ты из этих девиц де Люс из Букшоу. – В моих ушах до сих пор звучал ее грубый голос. – Я везде узнаю их холодные голубые глаза».

Резкие слова, однако. Какую обиду она могла затаить на нас?

Мои мысли прервал отдаленный звук – шум автомобиля, ударяющегося брюхом о каменную дорогу. За этим последовал механический скрежет, как будто понижали передачу.

Полиция!

Я соскочила на землю и побежала к мосту. Было достаточно времени – но впредь, – чтобы принять позу преданного высматривания. Я залезла на каменный парапет и устроилась так, будто позировала для статуи Венди из «Питера Пэна»: приняла важный вид, слегка подавалась вперед, якобы в ожидании, прижала ладони к камню для опоры, обеспокоенно нахмурила брови. Надеюсь, я выгляжу не слишком подобострастно.

Как раз вовремя. Передние фары машины уже вспыхивали между деревьев слева от меня, и через несколько секунд синий «воксхолл» резко затормозил у моста.

Оказавшись в луче яркого света, я повернула лицо в их сторону, при этом подняв руку, чтобы прикрыть глаза от пронзительных безжалостных фар.

Я не могла не думать, как это выглядит со стороны инспектора.

Повисла нервнирующая пауза, очень похожая на те, которые бывают после того, как выключают освещение зрительного зала, а оркестр еще не заиграл первые ноты увертюры.

Тяжело хлопнула дверь, и инспектор Хьюитт медленно вышел на свет фар.

– Флавия де Люс, – произнес он невыразительным сухим голосом: слишком невыразительным, чтобы можно было определить, он просто удивлен или недоволен, обнаружив, что я жду его на месте преступления.

– Доброе утро, инспектор, – сказала я. – Очень рада вас видеть.

Я отчасти надеялась, что он скажет что-нибудь приятное в ответ, но нет. Недавно я помогла ему в одном запутанном расследовании. По правилам ему следует пузыриться благодарностью, и где она?

Инспектор остановился на самой середине горбатого мостика.

– Ты оставила свои следы, – заметил он.

Я посмотрела туда же, куда он, и таки да: в низком свете фар «воксхолла», хотя следы доктора Дарби и колес его машины немного поблекли, каждый мой шаг отпечатался четко на мокрой серебристой траве опушки, ведя прямо к дверям фургона.

– Мне надо было сходить по нужде, – сказала я. Классическая женская отговорка, и ни один мужчина никогда не подвергал ее сомнению.

– Ясно, – произнес инспектор и оставил эту тему.

Позже я быстро сбегаю пописать за фургон на всякий случай. Никто ничего не поймет.

Повисло молчание, мы оба ждали, полагая, что скажет другой. Это словно игра: кто первый заговорит, тот дурак.

Им оказался инспектор Хьюитт.

– У тебя мурашки, – сказал он, внимательно глядя на меня. – Лучше иди сядь в машину.

Он уже перешел мостик, когда обернулся:

– В багажнике есть одеяло, – сказал он и скрылся в тени.

Я начала сердиться. Вот этот человек – человек в обычном деловом костюме, даже без значка полицейского – прогоняет меня с места преступления, которое я начала считать своим собственным. В конце концов, разве не я первая обнаружила это?

Марию Кюри тоже прогоняли после открытия полония? Или радия? Кто-то говорил ей: иди побегай?

Это просто нечестно.

Сцена преступления, конечно же, не сравнится с открытием расщепления атома, но инспектор мог бы по крайней мере сказать спасибо. В конце концов, разве нападение на цыганку произошло не на территории Букшоу, моего фамильного дома? Разве ее жизнь спасена не благодаря моей верховой экспедиции в ночи?

Наверняка я заслужила хотя бы кивок. Но нет...

– Иди садись в машину, – повторил инспектор Хьюитт, и тут, когда я с сосущим чувством обиды осознала, что закону неведомо значение слова «благодарность», мои пальцы медленно сжались в кулаки.

Хотя он был на месте всего ничего, я знала, что между нами все кончено. Если этот человек хочет сотрудничества с Флавией де Люс, ему придется чертовски потрудиться.

6

Вот наглец!

Я решила ничего ему не рассказывать.

На опушке, по ту сторону горбатого мостика, я видела, как его тень медленно движется за занавешенным окном фургона. Я представляла, как он осторожно ступает между кровавыми пятнами на полу.

К моему удивлению, свет погас, и через несколько секунд инспектор подошел к мосту.

Он, кажется, удивился, увидев меня на том же месте, где оставил. Не говоря ни слова, он подошел к багажнику, достал шотландский плед и обернул его вокруг моих плеч.

Я сбросила ткань и протянула обратно ему. К моему удивлению, мои руки дрожали.

– Мне не холодно, спасибо, – ледяным голосом сказала я.

– Может, и не холодно, – сказал он, снова закутывая меня в плед, – но у тебя шок.

Шок? У меня никогда раньше не было шока. Это что-то новенькое.

Держа меня одной рукой за плечо и второй – за предплечье, инспектор Хьюитт подвел меня к машине и открыл дверь. Я упала на сиденье как камень и внезапно затряслась как лист.

– Лучше отвезти тебя домой, – сказал он, забираясь на водительское сиденье и включая зажигание. Когда поток горячего воздуха из печки окутал меня, я, кажется, удивилась, как он мог согреться так быстро. Наверное, это особая модель, изготавливаемая исключительно для полиции... что-то, специально сделанное, чтобы вводить в ступор. Может быть...

И я ничего больше не помнила, пока мы не затормозили перед главным входом в Букшоу. Я не могла припомнить, как меня везли по Канаве, затем вдоль центральной улицы, мимо Святого Танкреда. Но мы здесь, значит, мы проехали все это.

Доггер, как ни странно, был в дверях – как будто провел на ногах всю ночь. С прежде-временными поседевшими волосами, освещенными сзади огнями из вестибюля, он казался мне суровым святым Петром у жемчужных врат¹⁵, приветствующим меня.

– Я бы могла дойти пешком, – сказала я инспектору. – Здесь не больше полумили.

– Конечно, могла, – ответил инспектор Хьюитт. – Но эта поездка – за счет его величества.

Он меня дразнит? Дважды за последнее время инспектор подвозил меня домой и в каждом случае давал понять, что, когда дело касается расхода бензина, казна короля не бездонная.

– Вы уверены? – спросила я, странно одурманенная.

– Прямо из его личного кошелька для мелочи.

Как будто во сне, я обнаружила, что тяжело тащусь вверх по ступенькам к входной двери. Когда я добралась до верха, Доггер засуетился, поправляя плед вокруг моих плеч.

– Идите в кровать, мисс Флавия. Я сейчас приду с горячим питьем.

Утомленно поднимаясь по витой лестнице, я услышала, как Доггер и инспектор обменялись парой слов, но не смогла ничего расслышать.

Наверху, в восточном крыле, я вошла в спальню и, даже не сняв шотландский плед его величества, упала лицом вниз на постель.

Я рассматривала чашку с какао на прикроватном столике.

Когда я сосредоточила взгляд на густой коричневой пенке, образовавшейся на поверхности, словно лед на грязном пруду, во рту появился неприятный привкус, и желудок перевернулся. Не так много вещей на свете я терпеть не могу, но пенка на молоке – главнейшая из них. Ненавижу ее страстно.

¹⁵ Жемчужные врата – это врата рая.

Даже мысль о чудесном химическом изменении, формирующем эту гадость, – молочные белки вспениваются и разрываются на части жаром от кипячения и снова собираются по мере остывания в желеобразную пенку – недостаточна для того, чтобы меня утешить.

Конечно, сейчас какао остыло, как вода в канаве. По различным сложным причинам, тянущимся в прошлое моей семьи, восточное крыло Букшоу, как я говорила, не отапливается, но я вряд ли могу жаловаться. Я заняла эту часть дома по выбору, а не по необходимости. Доггер, должно быть...

Доггер!

Вмиг все события минувшего дня ворвались в мое сознание, словно неуправляемый удар грома, и, словно те яростные острые вспышки молнии, которые, как говорят, ударяют с земли в небо, так и мысли пришли в странно обратном порядке: сначала инспектор Хьюитт и доктор Дарби, канава и потом кровь – кровь! Мои сестры Даффи и Фели, цыганка и Грай, ее конь и, наконец, церковный праздник – все это громоздилось одно на другое рваными, но тем не менее остро режущими подробностями.

Меня ударила молния? Вот почему я чувствую себя такой странно наэлектризованной, словно расческа, натертая папиросной бумагой?

Нет, дело не в этом – но что-то в моем мозгу уклонялось само от себя.

О, ладно, я перевернусь и продолжу спать.

Но не получилось. На утреннее солнце, лившееся в окно, было больно смотреть, и глаза пекло, будто в них насыпали ведро песка.

Возможно, ванна взбодрит меня. Я улыбнулась при мысли об этом. Даффи остолбенела бы, если бы узнала, что я принимаю ванну без угроз. «Грязнуля Флавия» – так она меня называла, по крайней мере когда отца не было поблизости.

Сама Даффи больше всего любила лежать в дымящейся ванне с книжкой, оставаясь там, пока вода не остывала.

Я не разделяла ее энтузиазма.

Легкий стук в дверь прервал мои размышления. Я плотно закуталась в шотландский плед и, как пингвин, пошлепала по комнате.

Это был Доггер со свежей чашкой дымящегося какао в руке.

– Доброе утро, мисс Флавия, – сказал он. Он не спросил, как я себя чувствую, но тем не менее я ощущала его испытующий взгляд.

– Доброе утро, – ответила я. – Пожалуйста, поставь на столик. Прости за ту чашку, что ты принес ночью. Я слишком устала, чтобы ее выпить.

Кивнув, Доггер поменял чашки.

– Полковник желает видеть вас в гостиной, – сказал он. – С ним инспектор Хьюитт.

Проклятье и двойное проклятье! Я не успела ничего обдумать. Что я собираюсь рассказать инспектору и о чем умолчать?

Не говоря уже об отце! Что он скажет, когда услышит, что его младшая дочь отсутствовала дома всю ночь, шляясь вся в крови цыганки, которую он когда-то выгнал из поместья?

Доггер, должно быть, почувствовал мою неловкость.

– Полагаю, инспектор зашел узнать о вашем здоровье, мисс. Я скажу им, что вы сейчас спуститесь.

Искупавшись и нарядившись в полосатое платье, я медленно сошла по лестнице. Фели повернулась от зеркала в фойе, в котором изучала свое лицо.

– Ну теперь ты получишь, – сказала она.

– Отвали, – любезно ответила я.

– Половина полицейских Хинли у тебя на хвосте, и у тебя все равно есть время хамить сестре. Надеюсь, ты не ожидаешь, что я буду навещать тебя, когда тебя посадят за решетку.

Я проплыла мимо нее со всем достоинством, которое смогла изобразить, пытаюсь собраться с мыслями. В дверях гостиной я остановилась, чтобы быстренько помолиться: «Благослови меня Господь и сохрани меня, и пусть его лик воссияет надо мной; пусть он наполнит меня великой привлекательностью и молниеносной сообразительностью».

Я открыла дверь.

Инспектор Хьюитт поднялся на ноги. Он сидел в мягком кресле, где Даффи обычно сидела, свесив ноги набок, с книгой. Отец стоял перед камином, затемненная сторона его лица отражалась в зеркале.

– А, Флавия, – сказал он. – Инспектор как раз рассказывал мне, что жизнь женщины была спасена благодаря твоей расторопности. Хорошая работа.

Хорошая работа? Хорошая работа?

Это что, мой отец говорит? Или кто-то из старых богов просто использует его как чревовещатель куклу, чтобы передать мне персональную благодарность с горы Олимп?

Но нет, отец – весьма маловероятный посланец. Ни разу за одиннадцать лет я не могла припомнить, чтобы он меня хвалил, и, когда сейчас он это сделал, я понятия не имела, как реагировать.

Инспектор спас меня от неудобной ситуации.

– Хорошая работа, и правда, – сказал он. – Мне сказали, что, несмотря на жестокость нападения, она отделалась лишь трещиной в черепе. В ее возрасте, разумеется...

Отец перебил его:

– Доктор Дарби звонил, чтобы передать благодарность, Флавия, но Доггер сказал, что ты спишь. Я сам принял сообщение.

Отец по телефону? Я не верила своим ушам! Отец позволил «инструменту», как он называл телефон, находиться в доме, недвусмысленно обозначив, что он должен использоваться только в самых крайних случаях, например, если наступит конец света.

Но доктор Дарби был другом отца. В надлежащее время, я знала, доктору прочитают суровую лекцию по поводу нарушения домашнего регламента, но он переживет, чтобы потом рассказать об этом.

– Тем не менее, – продолжил отец, слегка нахмурившись, – тебе следует объяснить, почему ты бродила по Изгородам посреди ночи.

– Та бедная цыганка, – сказала я, меняя тему. – Ее палатка сгорела во время праздника. Ей некуда было идти.

Говоря, я наблюдала за лицом отца в поисках признаков каких-то чувств. Разве не он, в конце концов, выгнал Джонни Фаа с земель Букшоу? Он забыл об этом происшествии? Он почти наверняка не осознавал, что его поступок привел к смерти мужа цыганки посреди дороги, и я не собиралась об этом рассказывать.

– Я вспомнила проповедь викария, ту, что о христианском милосердии...

– Да-да, Флавия, – сказал отец. – Весьма похвально.

– Я сказала ей, что она может остановиться в Изгородах, но только на одну ночь. Я знала, ты...

– Спасибо, Флавия, вполне достаточно.

– ...одобришь.

Бедный отец: его обошли с флангов и поймали в западню. Мне почти было жалко его.

Он согнул палец и по очереди разгладил подстриженные усы, сначала правый ус, потом левый – разновидность сдержанного нервного прихорашивания, которую, вероятно, практикуют военные с незапамятных времен. Готова поспорить, что если бы у Юлия Цезаря были усы, он бы разглаживал их точно так же.

– Инспектор Хьюитт хочет переговорить с тобой. Поскольку пойдет конфиденциальный разговор о людях, с которыми я не знаком, я оставлю вас наедине.

Кивнув инспектору, отец вышел из комнаты. Я услышала, как дверь его кабинета открылась и затем закрылась. Он нашел убежище среди почтовых марок.

– Итак, – приступил инспектор, открывая записную книжку и снимая колпачок с ручки «Биро». – С самого начала.

– Я не могла уснуть, видите ли, – начала я.

– Не с этого начала, – сказал инспектор Хьюитт, не поднимая глаз. – Расскажи мне о церковном празднике.

– Я пошла в палатку цыганки, чтобы она предсказала мне будущее.

– И она предсказала?

– Нет, – соврала я.

Последнее на земле, чем я хотела бы поделиться с инспектором, так это женщина на горе – женщина, которая хочет вернуться домой с холода. Также я не собиралась рассказывать ему о женщине, которой я стану.

– Я опрокинула ее свечку и не успела ничего понять, как я... я...

К моему превеликому удивлению, моя нижняя губа задрожала при воспоминании.

– Да, мы слышали об этом. Викарий смог предоставить нам подробный отчет, и доктор Дарби тоже.

Я сглотнула, думая, доложил ли ему кто-нибудь о том, как я пряталась за киоском, пока палатка цыганки не сгорела дотла.

– Бедняжка, – ласково сказал он. – Тебе изрядно досталось, не так ли?

Я кивнула.

– Если бы я только знал, через что ты уже прошла, я бы отвез тебя прямо в больницу.

– Все в порядке, – сказала я храбро. – Я буду в порядке.

– Правда? – переспросил инспектор.

И внезапно из меня полилось все: от праздника до Изгородей, включая кипятившуюся миссис Булл; от откровенно сфабрикованного рассказа о пробуждении посреди ночи и беспokoйстве о здоровье цыганки до того, как я обнаружила ее в луже крови на полу фургона, я не упустила ни единой подробности.

За исключением Бруки Хейрвуда, конечно же.

Я приберегла его для себя.

Это был великолепный спектакль, если можно так сказать. Как мне пришлось узнать еще в нежном возрасте, нет лучшего способа замаскировать ложь, чем завернуть ее в эмоциональный поток правды.

Все это время «Биро» инспектора Хьюитта порхало над страницами, покрывая каждый сантиметр бумаги записями. Должно быть, он изучал какую-то из систем стенографии, лениво думала я, пока он писал свои каракули. Позже он приведет эти записи в более развернутый, аккуратный и разборчивый вид.

Возможно, он надиктует их своей жене Антигоне. Я познакомилась с ней незадолго до кукольного спектакля в приходском зале. Помнит ли она меня?

Мысленно я увидела, как она сидит перед печатной машинкой за кухонным столом в коттедже, обставленном с большим вкусом, выпрямившись, с идеальной осанкой, ее пальцы выжидательно зависли над кнопками. На ней серьги-кольца и шелковая блузка устрично-серого цвета.

«Флавия де Люс? – скажет она, глядя большими темными глазами на мужа. – Это ведь та очаровательная девочка, которую я видела в Святом Танкреде, дорогой?»

В уголках глаз инспектора Хьюитта появятся морщинки.

«Та самая, любовь моя, – ответит он, покачивая головой при воспоминании обо мне. – Та самая».

Мы добрались до конца моих показаний, до того, как инспектор сам приехал на место происшествия в Изгороди.

– Пока достаточно, – сказал он, захлопывая блокнот и убирая его во внутренний карман пиджака. – Я попросил сержанта Грейвса зайти попозже и взять у тебя отпечатки пальцев. Простая рутина, конечно же.

Я нахмурила брови, но в глубине души не могла сильнее обрадоваться. Детектив-сержант с ямочками, подмигиваниями и улыбками стал одним из моих любимцев в полицейском участке Хинли.

– Полагаю, они будут повсюду, – услужливо сказала я. – Мои и доктора Дарби.

«И того, кто напал на цыганку», – мог бы добавить он, но не стал. Вместо этого он поднялся и протянул мне ладонь для рукопожатия так официально, как будто мы были на королевском приеме.

– Спасибо, Флавия, – сказал он. – Ты очень помогла мне... Впрочем, как всегда.

Как всегда? Это что, колкость?

Но нет, его рукопожатие было твердым, и он взглянул мне прямо в глаза.

Боюсь, я самодовольно ухмыльнулась.

7

– Доггер! – сказала я. – Полиция придет, чтобы взять у меня отпечатки пальцев.

Доггер оторвался от обширного ассортимента серебряных столовых приборов, которые он полировал на кухонном столе. Секунду его взгляд был непонимающим, и затем он ответил:

– Надеюсь, они вернут вам их в целостности и сохранности.

Я моргнула. Доггер пошутил? Я отчаянно понадеялась, что так оно и есть.

Доггер пережил ужаснейшие лишения на Дальнем Востоке во время войны. Теперь его разум, как иногда казалось, представлял собой безумную мешанину из поврежденных подвесных мостов, соединяющих прошлое и будущее. Если он и шутил когда-то раньше, я ни разу этого не слышала. Что ж, это может быть единичный случай.

– О! Ха-ха-ха! – Я рассмеялась слишком громко. – Очень хорошо, Доггер. Вернут мне в целостности и сохранности... Я должна запомнить, чтобы пересказать миссис Мюллет.

Я вовсе не собиралась делиться этой репликой с нашей кухаркой, но подчас лезть не знает, когда остановиться.

Доггер изобразил слабую улыбку, положив одну вилку на место и взяв другую. Столовое серебро де Люсов хранилось в темном створчатом ящике, и когда его открывали, на свет являлся впечатляющий ассортимент вилок для рыбы, черпаков для пунша, старинных чайных ложек с дырочками¹⁶, лопаточек для извлечения костного мозга, ложек с зубчиками для лобстеров, щипцов для сахара, ножниц для винограда и лопаток для пудинга – все разложено ступеньками, словно косяк серебряных лососей, выпрыгнувших на каменную лестницу из ручья цвета виски где-то в Шотландии.

Доггер приволок этот ящик на кухонный стол для ритуальной чистки столового серебра, кажущегося бесконечным процессом, за которым я никогда не уставала наблюдать.

Миссис Мюллет любила рассказывать, как однажды, когда я была маленькой, меня нашли на столе, где я сидела и играла в куклы, которых соорудила, нацепив на семейство серебряных вилок свернутые салфетки. Их одинаковые лица – длинные носы и круглые щеки – были слегка намечены выгравированными буквами «Д» и «Л» на верхушке каждой ручки, и требовалась приличная доля воображения, чтобы отличить их одну от другой.

«Семья Мампетеров» – так я их именвала: мама Мампетер, папа Мампетер и три маленькие дочки, которых я заставляла ходить, танцевать и весело петь на столе, несмотря на наличие у них трех или четырех ног.

Я до сих пор помнила Гриндльстика, трехногого бродягу, которого я сделала из вилки для солений (которую отец именвал трифидом, то есть трехногим), он исполнял невероятные акробатические трюки, пока я не засунула одну из его ног в трещину и не отломала ее.

«Лучше, чем на ипподроме, вот как это было, – говаривала миссис Мюллет, утирая слезы от смеха. – Бедное создание».

Я так и не знаю, она подразумевала Гриндльстика или меня.

Теперь, глядя, как Доггер работает, я подумала, знал ли он о Мампетерах. Скорее всего, знал, потому что миссис Мюллет, когда дело доходило до сплетен, могла сравниться только со «Всемирными новостями».

Я знала, что лучшего времени для добычи информации не будет: миссис М. ушла со своего привычного поста на кухне, а Доггер казался на пике адекватности. Я сделала глубокий вдох и решительно приступила к делу.

¹⁶ Речь идет о специальной разновидности чайных ложек, производившихся в Англии до 70-х годов XVIII века и служивших для того, чтобы отмеривать необходимое количество заварки для чайника. В те годы чай был очень грубым и плохо отсортированным, поэтому, чтобы избежать попадания в чай пыли и грязи из упаковки, использовали специальную мерную ложку с дырочками (англ. *mote spoon*, *mote* – пылинка, соринка).

– Я наткнулась на Бруки Хейрвуда прошлой ночью в гостиной, – сказала я. – Точнее, это было в два часа утра.

Доггер закончил полировать нож для грейпфрута, затем положил его и идеально выровнял по отношению к его товарищам на ленте зеленого сукна.

– Что он делал? – спросил он.

– Ничего. Просто стоял у камина. Нет, погоди! Он нагнулся и трогал подставку для дров.

Эти железные шпаги, служившие подставкой, принадлежали Харриет, и хотя на них были разные фигурки, и там и там были изображены хитрые лисьи мордочки. Харриет пользовалась ими в качестве главных героев для историй на ночь, которые она сочиняла для Даффи и Фели: факт, который они никогда не уставали мне припоминать.

Если уж быть совсем честной, я горько негодовала, что моя мать придумала так много историй о воображаемом мире для моих сестер, но не для меня. Она умерла до того, как я стала достаточно большой, чтобы получить свою долю.

– Какую из двух шпаг он трогал? – уточнил Доггер, вставая.

– Лису Салли, – ответила я. – Ту, что справа.

Лиса Салли и Шоппо – это имена, которые Харриет дала хитрой парочке, пускавшей в веселые приключения в воображаемом мире – мире, утраченном вместе со смертью Харриет. Время от времени Фели и Даффи, пытаясь оживить теплоту и счастье минувших дней, сочиняли собственные истории о двух хитроумных лисах, но в последние годы почему-то этого не делают. Возможно, они стали слишком взрослыми для волшебных сказок.

Я пошла следом, когда Доггер вышел из кухни в вестибюль и направился в гостиную в западном крыле.

Он на миг остановился, прислушиваясь у дверей, затем растворился между деревянными панелями, словно клубок дыма, как это умеют делать многие старые слуги.

Он подошел прямо к Лисе Салли, разглядывая ее так торжественно, как будто он священник, пришедший провести последний ритуал. Закончив, он передвинулся на несколько футов влево и повторил ту же процедуру с Шоппо.

– Весьма странно, – заметил он.

– Странно?

– Весьма странно. Вот эта, – сказал он, указывая на Лису Салли, – отсутствовала несколько недель.

– Отсутствовала?

– Вчера ее здесь не было. Я не проинформировал полковника, поскольку знал, что он будет беспокоиться. Сначала я подумал, что мог переложить ее куда-то во время одного из моих... моих...

– Приступов задумчивости, – подсказала я.

Доггер кивнул.

– Благодарю, – сказал он.

Доггер страдал от периодических приступов паники, во время которых его сознанием завладевали невидимые силы, швыряя его в неведомую жуткую бездну. В такие времена его память снова переживала былые зверства, он снова оказывался в обществе старых собратьев по оружию, и его любовь к ним возвращала к жизни их беспокойные души.

– Месяц назад то же самое было с Шоппо – он пропал и потом снова появился. Я думал, что мне мерещится.

– Ты уверен, Доггер?

– Да, мисс Флавия, вполне.

Секунду я обдумывала идею, не сказать ли ему, что я брала шпаги, но не смогла заставить себя произнести эту ложь. Что-то в Доггере требовало правды.

– Может, Даффи позаимствовала их для очередного сеанса живописи?

Периодические карандашные наброски Даффи всегда начинались довольно хорошо, но затем часто приобретали неожиданный поворот. У Девы Марии внезапно вырастали торчащие зубы, например, или отец на импровизированном эскизе, сидящий за обеденным столом, превращался в человека без глаз. Когда такое случалось, Даффи откладывала рисунок и возвращалась к чтению. Потом мы долго натыкались на выданные из альбома страницы, засунутые в щели дивана-честерфильда и под подушки кресел в гостиной.

– Может, – сказал Доггер, – а может, и нет.

Я думаю, что именно в этот момент, не осознавая того, я начала догадываться, в чем тут дело.

– Миссис Мюллет сегодня здесь?

Я точно знала, что она здесь, но я не видела ее на кухне.

– Она во дворе, говорит с Симпкинсом, молочником. Что-то насчет деревянной щепки в масле.

Мне придется дожидаться, когда Доггер отложит серебро. Потом я смогу приняться за миссис Мюллет.

Я хочу поговорить с ней наедине.

– Этим продавцам на все наплевать, – с отвращением говорила миссис Мюллет, ее руки по локоть были испачканы мукой. – Правда, так и есть. Один раз – муха в свернувшихся сливках, другой раз... Ох, лучше тебе этого не слышать, дорогуша. Но одно ясно как день. Если спустишь им это с рук, неизвестно, что они притащат в следующий раз. Промолчи насчет зубочистки в сегодняшнем масле, и в другой раз найдешь дверную ручку в сыре. Мне это не нравится, дорогуша, но так устроен мир.

Как же, подумала я, мне незаметно перевести беседу с продавцов на Бруки Хейрвуда?

– Может, нам следует есть больше рыбы? – предположила я. – Некоторые рыбаки в деревне продают свежую рыбу. Например, Бруки Хейрвуд.

Миссис Мюллет бросила на меня резкий взгляд.

– Пф! Бруки Хейрвуд? Да он просто браконьер! Я удивлена, что полковник не выставил его из Изгородей. Это вашу рыбу он продает!

– Полагаю, ему надо зарабатывать на жизнь.

– На жизнь? – Она ошетичилась, продолжая вымешивать большую гору теста на хлеб. – Ему надо зарабатывать на жизнь, не больше, чем птичкам небесным. Не тогда, когда эта его мать из Мальден-Фенвика регулярно присылает ему чеки, чтобы он держался от нее подальше. Он бездельник, самый настоящий, вот он кто, и жулик к тому же.

– Эмигрант на пособии? – уточнила я.

Даффи однажды рассказала мне о паршивой овце, сыне наших соседей, Блэчфордов, которые платили ему, чтобы он держался подальше, в Канаде. «Два фунта десять шиллингов за каждую милю в год, – сказала она. – Он живет на островах Королевы Шарлотты, чтобы увеличить свое пособие».

– Мигрант или нет, он плохой человек, и это факт, – сказала миссис Мюллет. – Он связался с нехорошими типами.

– С Колином Праутом? – предположила я, вспомнив, как Бруки страшал мальчика на празднике.

– Колин Праут тут ни при чем, во всяком случае я так слышала. Нет, я говорю о Реджи Петтибоуне и его дружках из лавки на главной улице.

– Антикварной лавки?

Лавка «Антиквариат и качественные товары» Петтибоуна находилась через несколько дверей от «Тринадцати селезней». Хотя я часто ходила мимо, внутри я ни разу не была.

Миссис Мюллет засопела.

– Антиквариат, черт побери! – воскликнула она. – Прости, дорогуша, вот что я скажу. Этот Реджи Петтибоун заплатил нам два фунта шесть шиллингов за стол, который мы купили новым в «Арми энд нейви»¹⁷, когда только поженились. Через три недели глядь – он стоит в витрине с серебряными ручками за пятьдесят пять гиней! И табличка: «Георгианский стол для виста от Чиппендейла». Мы знали, что это наш, потому что Альф признал выжженную отметину на одной ножке, он ее сделал кочергой, когда пытался выудить уголек, что вывалился из камина и закатился под стол, когда наша Агнес была совсем малюткой.

– И Бруки в деле вместе с Петтибоуном?

– Полагаю, да. Закадычные дружки. Близкие, как половинки щипцов для орехов, эти двое.

– Интересно, что его мать думает об этом?

– Пф! – сказала миссис Мюллет. – Очень оно ей надо. Ей с ее красками и кистями! Она рисует лошадей и гончих, ну знаешь, всякое такое. Неплохо зарабатывает на этом, держу пари. Бруки и его тайные делишки не принесут ей ничего, кроме позора. Как по мне, ей все равно, чем он тут занимается, пока он держится подальше от Мальден-Фенвика.

– Спасибо, миссис Мюллет, – поблагодарила я. – Люблю с вами разговаривать. Вы всегда рассказываете такие интересные вещи.

– Имей в виду, я ничего не говорила, – сказала она приглушенным голосом, подняв палец. – Мои губы запечатаны.

И в некотором странном роде в том, что она сказала, была правда. С тех пор как я вошла на кухню, я ждала, что она спросит меня о цыганке или о том, зачем полиция приезжала в Букшоу, но она так и не спросила. Возможно ли, чтобы она не знала об этих событиях?

Маловероятно. Из болтовни миссис Мюллет с молочником у кухонной двери можно почерпнуть больше секретных сведений, чем из разговора лорда Гав-Гав¹⁸ с Матой Хари.

Я уже пересекла кухню и положила руку на дверь, когда она сказала:

– Не уходи слишком далеко, дорогуша. Этот славный офицер – тот, который с веснушками, – скоро придет взять у тебя отпечатки пальцев.

Черт бы побрал эту женщину! Она что, подслушивает под каждой дверью в Букшоу? Или она настоящая ясновидица?

– О да, – вежливо ответила я. – Спасибо, что напомнили, миссис М. Я почти забыла о нем.

Звонок в дверь раздался неожиданно. Я сделала спринтерский рывок, но Фели меня обскакала.

Я затормозила на шахматной плитке как раз в тот момент, когда она распахнула дверь, за которой оказался детектив-сержант Грейвс с маленьким черным чемоданчиком в руке и челюстью, отвисшей до самого пола.

Должна признать, что Фели никогда не выглядела такой красивой: блузка цвета лосося, шалфейно-зеленый мохеровый джемпер (то и другое, насколько я знала по собственным шпионским вылазкам, она стащила из гардеробной Харриет), идеальные медово-золотистые волосы, сияющие голубые глаза (разумеется, она оставила свои очки в черной оправе, как обычно, под подушками честерфильда).

Она это спланировала, ведьма!

– Сержант Грейвс, я полагаю? – произнесла она низким хриловатым голосом, которого я у нее прежде не слышала. – Входите. Мы вас ждали.

Мы? В какие игры играет эта старая мумия?

¹⁷ Сеть универмагов, основанная в Лондоне в 1871 году группой офицеров армии и флота. Изначально здесь могли делать покупки только военные и их жены.

¹⁸ Лорд Гав-Гав – прозвище нескольких ведущих на англоязычном пропагандистском радио, транслировавшемся нацистами в Великобритании и США с 1939 по 1945 год.

– Я сестра Флавии, Офелия, – говорила она, протягивая украшенное кораллами запястье и длинную белую ладонь, на фоне которой пальцы леди из Шалота¹⁹ показались бы мясными крюками.

Убить бы ее!

Какое право имела Фели вторгнуться, вот так, бесцеремонно, между мной и человеком, пришедшим в Букшоу, исключительно чтобы взять мои отпечатки пальцев? Непростительно!

Тем не менее не следует забывать, что я не раз мечтала, что бодрый маленький сержант женится на моей старшей сестре и они поселятся в увитом цветами домике, куда я смогу заезжать на послеобеденный чай для веселой профессиональной беседы о преступных отравителях.

Сержант Грейвс наконец достаточно собрался с мыслями, чтобы сказать «да» и неуклюже войти в вестибюль.

– Чашку чаю и печенье, сержант? – предложила Фели, умудрившись изобразить такую интонацию, будто бедный гость перетруился, устал как собака и недоедает.

– Да, меня мучает жажда, должен сказать, – выдавил он с застенчивой улыбкой. – И голод, – добавил он.

Фели отступила, пропуская его в гостиную.

Я пошла следом, словно брошенная гончая.

– Вы можете расположить ваше оборудование вот здесь, – сказала ему Фели, указывая на стол эпохи Регентства, стоявший подле окна. – Как ужасно трудна, должно быть, жизнь полицейского. Оружие, преступники, подбитые гвоздями сапоги.

Сержант Грейвс оказался достаточно учтив, чтобы не ударить ее. На самом деле, похоже, ему это даже нравилось.

– Это трудная жизнь, мисс Офелия, – сказал он, – по крайней мере большую часть времени.

Его улыбка с ямочками на щеках давала понять, что сейчас у него один из более легких периодов.

– Я позову миссис Мюллет, – сказала Фели, потянувшись к бархатному шнуру, висевшему около камина и не использовавшемуся, вероятно, с тех пор, когда Георг III еще пузыри пускал. У миссис Мюллет почки откажут, когда на кухне у нее прямо над головой зазвонит колокольчик.

– Как насчет пальцев? – поинтересовалась я. Эту фразочку я подцепила у Филиппа Оделла, частного детектива по радио. – Инспектор Хьюитт умирает от желания взглянуть на них.

Фели рассмеялась смехом, напоминающим звон серебряного колокольчика.

– Вы должны простить мою маленькую сестричку, сержант, – сказала она. – Боюсь, что ее слишком часто оставляют одну.

Оставляют одну? Я чуть не засмеялась в ответ на эти слова. Что бы сказал сержант, если бы я рассказала ему об инквизиции в подвале Букшоу? О том, как Фели и Даффи засунули меня в вонючий мешок из-под картошки и швырнули на каменный пол?

– Пальцы, да, точно, – сказал сержант, открывая защелки и распахивая чемоданчик. – Полагаю, ты захочешь бросить взгляд на химикаты и всякое такое, – добавил он, подмигивая мне.

Если бы это зависело от меня, я бы канонизировала его сей же момент: святой детектив-сержант Грейвс. Если подумать, я даже не знаю его имя, но сейчас не время спрашивать.

¹⁹ «Леди из Шалота» – знаменитая картина художника-пре-рафаэлиты Дж. У. Уотерхауса, посвященная поэме А. Теннисона «Волшебница Шалот».

– Это, – сказал он, доставая первый из двух маленьких флакончиков, – порошок для отпечатков пальцев.

– На основе ртути, я полагаю? Достаточно тонкий, чтобы давать четкие очертания петель и завитков и тому подобного?

Это я тоже узнала от Филиппа Оделла. И запомнила из-за связи с химией.

Сержант заулыбался и вытащил второй флакончик, более темный, чем первый.

– Продолжай, – сказал он. – Посмотрим, сможешь ли ты догадаться, что здесь.

«Догадаться? – подумала я. – Бедный обманутый человек!»

– На основе графита, – сказала я. – Более грубый, чем ртуть, но лучше работает на некоторых поверхностях.

– Высший балл! – объявил сержант.

Я отвернулась, делая вид, что вытряхиваю песчинку из глаза, и показала Фели язык.

– Но наверняка то и другое для посыпания поверхностей, – возразила я, – и не требуется для того, чтобы взять отпечатки?

– Верно, – ответил сержант. – Я просто подумал, что тебе будет интересно посмотреть.

– О да, разумеется, – быстро сказала я. – Спасибо вам за это.

Я не думаю, что вежливо будет упомянуть, что наверху, в химической лаборатории, у меня достаточно ртути и графита, чтобы обеспечить нужды полицейского участка в Хинли на ближайшие сто лет как минимум. Дядюшка Тар помимо прочих своих достоинств был еще и запасливым.

– Ртуть, – произнесла я, прикасаясь к флакончику. – Подумать только!

Теперь сержант Грейвс доставал из защитного чехла прямоугольник из простого стекла, за которым быстро последовала бутылочка с чернилами и ролик.

Он ловко капнул пять-шесть капель чернил на поверхность, затем распределил роликом, так что поверхность оказалась целиком покрыта черной липкой жидкостью.

– Теперь, – сказал он, беря меня за правое запястье и расправляя мои пальцы над стеклом, – расслабься и дай мне сделать мою работу.

Легким нажатием он опустил кончики моих пальцев в чернила, один за другим, перекачивая подушечки пальцев слева направо.

Затем, пододвинув мою ладонь к белой карте, расчерченной на десять квадратов – один для каждого пальца, – он взял отпечатки.

– О, сержант Грейвс! – сказала Фели. – Вы должны взять и у меня тоже!

«О, сержант Грейвс! Вы должны взять и у меня тоже!» Я ее чуть не стукнула.

– С радостью, мисс Офелия, – сказал он, беря ее за руку и отпуская мою ладонь.

– Лучше смажьте стекло чернилами еще раз, – заметила я, – иначе можете получить нечеткие отпечатки.

Уши сержанта слегка порозовели, но он упорно продолжил. Мгновенно покрыл стекло свежим слоем чернил и взял Фели за руку так, словно прикасался к священному предмету.

– Вы знаете, что в Святой земле есть отпечатки пальцев архангела Гавриила? – спросила я, отчаянно пытаюсь снова обратить его внимание на себя. – По крайней мере были. Доктор Роберт Ричардсон и граф Белмор видели их в Назарете. Помнишь, Фели?

До того как мы последний раз подрались, Даффи читала нам за столом во время завтрака странную книгу доктора «Путешествия по Средиземному морю и прилегающим землям», и кое-какие из ее чудес были еще свежими в моей памяти.

– Ему еще показали кухню Девы Марии, в часовне Воплощения. Там до сих пор сохранились угли, каминные инструменты, столовые приборы...

Что-то на задворках моего разума думало о наших собственных каминных инструментах – о шпагах Лисе Салли и Шоппо, когда-то принадлежавших Харриет.

– Вполне достаточно, спасибо, Флавия, – перебила меня Фели. – Можешь принести мне тряпку вытереть пальцы.

– Сама принеси, – набросилась я на нее и величественно выплыла из комнаты.

По сравнению со мной Золушка – испорченная лентяйка.

8

Наконец-то одна!

Когда я в обществе других людей, часть меня чуть-чуть съезживается. Только когда я в одиночестве, я могу в полной мере наслаждаться собственным обществом.

Из оранжереи я взяла свой старый верный скаутский велосипед. Когда-то он принадлежал Харриет, которая назвала его «Ласточкой» – словом, так сильно напоминавшем мне о рыбьем жире, что я переименовала его в «Глэдис». Кто, ради бога, захочет ездить на велосипеде с прозвищем, как у сиделки из госпиталя?

И «Глэдис» была ближе к жизни, чем «Ласточка»: предприимчивая дама с шинами «Данлоп», тремя скоростями и непритязательным нравом. Она никогда не жаловалась и не уставала, и в ее обществе я тоже.

Я крутила педали, медленно виляя по краю декоративного озера. Слева от меня простирался обширный плоский участок под названием Висто, который был расчищен сэром Джорджем де Люсом в середине XIX века, чтобы служить, как он написал в дневнике, «удобным наблюдательным пунктом»: поросшая травой равнина, с которой, как предполагалось, следовало созерцать синие складчатые холмы.

Теперь, однако, Висто превратился в огромное пастбище для коров, буйно зарос крапивой, колючим кустарником, и здешний наблюдатель рисковал изодрать свою одежду в клочья. Это тут Харриет держала «Голубого призрака», свой двухместный самолет, на котором регулярно летала в Лондон на встречи с друзьями.

Все, что осталось от тех счастливых дней, – это три железных кольца, ржавеющих где-то в траве, к которым некогда привязывали «Голубого призрака».

Однажды, когда я спросила отца, как выглядит Букшоу с воздуха, кожа на его висках напряглась.

«Спроси тетю Миллисент, – угрюмо сказал он. – Она летала».

Я взяла на заметку сделать это.

От Висто заросшая травой тропинка вела на юг, там и сям ее пересекали давно заброшенные лужайки и изгороди, далее сменявшиеся подлеском и кустарником. Я поехала по узкой дорожке и вскоре добралась до Изгородей.

Фургон цыганки стоял там, где я его оставила, хотя на земле было множество отпечатков «сапог, подбитых гвоздями», как их назвала Фели.

Что привело меня сюда? – подумала я. Причина в том, что цыганка находилась под моей защитой? В конце концов, я предложила ей убежище в Изгородах, и она согласилась. Если следовало заплатить компенсацию, я собиралась сделать это по собственной воле, а не потому, что меня принуждало чувство стыда.

Грай довольно пасся около кустов бузины в дальнем конце опушки. Кто-то привел его обратно в Изгороди. Ему даже принесли охапку свежего сена, и он расправлялся с ним. Он взглянул на меня без любопытства и вернулся к еде.

– Кто у нас тут хороший мальчик? – спросила я, осознавая, пока произносила эти слова, что они больше подходят для обращения к попугаю. – Хороший Грай. Чудесный конь.

Грай не обращал на меня ни малейшего внимания.

Что-то на стволе одного из деревьев около моста привлекло мой взгляд: это была белая деревянная дощечка примерно в шести футах над землей. Я подошла поближе, чтобы рассмотреть ее.

«Полицейское расследование – вход воспрещен – полицейский участок Хинли».

Табличка была обращена к востоку, в противоположную сторону от Букшоу. Явно она предназначалась для того, чтобы отпугнуть толпы любопытных бездельников, слетающих в места, где пролилась кровь, словно вороны на зимний дуб.

Я, в конце концов, была в собственных владениях. Вряд ли я могла считаться нарушителем. Кроме того, я всегда могу заявить, что не увидела табличку.

Я осторожно поставила ногу на оглобли фургона и, расставив руки в стороны для сохранения равновесия, словно воздушный гимнаст, медленно переступала с пятки на носок вверх к месту кучера. Дверь вернули на место.

Я постояла, собираясь с мыслями, сделала глубокий вдох, затем открыла дверь и вошла внутрь.

Кровь вытерли, я сразу это заметила. Пол недавно мыли, и острый чистый запах мыла «санлайт»²⁰ все еще висел в воздухе.

В фургоне не было темно, но и светло тоже не было. Я сделала шаг в глубь фургона и тут же замерла на месте.

На кровати кто-то лежал!

Внезапно мое сердце заколотилось как сумасшедшее, и глаза чуть не выскочили из орбит. Я едва осмеливалась дышать.

В тени опущенных занавесок я видела, что это женщина – нет, не женщина, а девочка. Может, на несколько лет старше меня. У нее были иссиня-черные волосы, смуглая кожа, и она закуталась в бесформенную черную креповую ткань.

Пока я неподвижно стояла, уставившись ей в лицо, она медленно открыла темные глаза и взглянула на меня.

Быстрым сильным прыжком она соскочила с кровати, схватив что-то с полки, и я внезапно обнаружила, что меня резко прижали к стене, завернув руку за спину и приставив нож к горлу.

– Отпусти! Мне больно! – сумела выдавить я сквозь боль.

– Кто ты? Что ты здесь делаешь? – прошипела она. – Говори, пока я не перерезала тебе глотку!

Я чувствовала лезвие ее ножа на своем горле.

– Флавия де Люс, – выдохнула я.

Черт побери! Я была на грани того, чтобы заплакать.

Я поймала свое отражение в зеркале: ее рука у меня под подбородком... мои выкатившиеся глаза... нож – нож!

– Это же нож для масла, – выдавила я.

Это был один из тех моментов, которые впоследствии могут показаться забавными, но не сейчас. Я дрожала от страха и злости.

Моя голова дернулась, когда она отодвинулась, чтобы взглянуть на клинок, и затем меня оттолкнули.

– Убирайся отсюда, – грубо заявила она. – Убирайся немедленно, пока я не взялась за бритву!

Мне не требовалось второго приглашения. Девочка явно спятила.

Спотыкаясь, я дошла до двери и прыгнула на землю. Взяла «Глэдис» и была уже на полпути к деревьям, когда...

– Постой!

Ее голос эхом разнесся по опушке.

– Ты сказала, тебя зовут Флавия? Флавия де Люс?

²⁰ «Санлайт» – британская компания по производству мыла, которая первой начала продавать мыло в таких упаковках, которые мы знаем сейчас (до этого мыло продавалось длинными брусками).

Я не ответила, но притормозила на краю рощи, убедившись, что «Глэдис» находится между нами, словно импровизированный барьер.

– Пожалуйста, – сказала она, – подожди. Извини. Я не знала, кто ты. Мне сказали, ты спасла Фенелле жизнь.

– Фенелле? – выдавила я дрожащим голосом, еще глухим от страха.

– Фенелле Фаа. Ты привела к ней доктора... сюда... прошлой ночью.

Должно быть, я выглядела полной идиоткой, когда стояла, открыв рот, словно рыба. Моему мозгу требовалось время, чтобы воспринять то, что девочка внезапно перескочила от угроз ножом к извинениям. Я не привыкла к извинениям, и это – вероятно, первое, которое я услышала в жизни, – застало меня врасплох.

– Кто ты? – спросила я.

– Порслин, – ответила она, выпрыгивая из фургона. – Порслин Ли, Фенелла – моя бабушка.

Она шла ко мне по траве, как-то по-библейски вытянув руки.

– Дай я обниму тебя, – сказала она. – Я должна поблагодарить тебя.

Боюсь, я слегка съежилась.

– Не беспокойся, я не кусаюсь, – произнесла она и внезапно набросилась на меня, крепко обнимая и упираясь острым подбородком в мое плечо. – Спасибо тебе, Флавия де Люс, – прошептала она мне на ухо, как будто мы были лучшими друзьями. – Спасибо.

Поскольку я продолжала ожидать, что мне вот-вот воткнут клинок между лопаток, боюсь, я не стала обнимать ее в ответ, а сохраняла натянутое молчание, вроде как часовой в Букингемском дворце, притворяющийся, что он не замечает вольностей, которые позволяет себе излишне взволнованный турист.

– Не за что, – выдавила я. – Как она? Фенелла, имею в виду.

Мне было нелегко произнести имя цыганки. Несмотря на то что мы с Даффи всегда говорили о нашей матери как о Харриет (только Фели как старшая, похоже, имеет право называть ее мамой), мне все равно казалось весьма нахальным называть бабушку незнакомки по имени.

– С ней будет все в порядке, спасибо. Но пока еще рано говорить. Если бы не ты...

На ее темных глазах выступили слезы.

– Не стоит, – неловко сказала я. – Ей нужна была помощь. Я оказалась рядом.

Было ли это действительно так просто? Или под этим крылось что-то еще?

– Как ты узнала об этом? – спросила я, махнув рукой в сторону опушки.

– Копы вычислили меня в Лондоне. Нашли мое имя и адрес на клочке бумаги в ее сумке. Я уговорила водителя грузовика подвезти меня, и он подбросил меня аж до Доддингсли. Остальную часть пути я прошла пешком. Пришла сюда всего лишь час назад.

Четыре золотые звезды инспектору Хьюитту и его людям, подумала я. Поискать в фургоне сумку Фенеллы Фаа не пришло мне в голову.

– Где ты остановилась? В «Тринадцати селезнях»?

– Чтоб мне провалиться! – сказала она, имитируя акцент кокни. – Вот так шуточка!

Должно быть, я выглядела обиженной.

– Я бы не смогла найти два шиллинга, даже если бы от этого зависела моя жизнь, – сказала она, эмоционально махая руками в сторону опушки. – Так что, полагаю, я остановлюсь прямо здесь.

– Здесь? В фургоне?

Я с ужасом взглянула на нее.

– Почему нет? Он же принадлежит Фенелле? Это значит, все равно что мне. Все, что мне надо, – это найти шишку, которой принадлежит этот клочок зелени, и...

– Это называется Изгороди, – перебила я, – и они принадлежат моему отцу.

На самом деле нет: они принадлежали Харриет, но я не считала необходимым объяснять наши семейные сложности с наследством незнакомке-оборванке, которая только что угрожала мне.

– О-о! – сказала она. – Прости. Я не подумала.

– Но ты не можешь здесь оставаться, – продолжила я. – Это место преступления. Разве ты не видела табличку?

– Конечно, видела. А ты?

Я решила проигнорировать эту ребяческую реакцию.

– Кто бы ни напал на твою бабушку, он может до сих пор шататься в округе. Пока полиция не узнает, кто и почему, здесь небезопасно оставаться после наступления темноты.

Это была часть, но не вся правда.

Помимо важности обеспечить безопасность Порслин я внезапно ощутила потребность исправить ошибку и компенсировать семье Фенеллы Фаа старое зло, причиненное моим отцом. Первый раз в жизни мной завладела наследственная вина.

– Так что тебе придется остановиться в Букшоу, – выпалила я.

Вот! Я это сделала. Прыгнула. Но уже произнося эти слова, я знала, что пожалею.

Отец, например, придет в ярость.

Даже когда его любимая Харриет пригласила цыган остановиться в Букшоу, отец выставил их. Если она потерпела поражение, у меня тем более нет шансов.

Возможно, именно поэтому я решила.

– Мой отец довольно эксцентричен, – сказала я. – Во всяком случае, у него есть кое-какие странные идеи. Он не допускает гостей в Букшоу, если не считать его сестру. Мне придется провести тебя тайком.

Порслин явно заволновалась от этой мысли.

– Я не хочу причинять неудобства.

– Чепуха, – сказала я с интонациями тетушки Фелисити, парового катка в человеческом обличье. – Никаких неудобств. Никто никогда не заходит в восточное крыло дома. Они даже не узнают о твоём присутствии. Неси свои вещи, – распорядилась я.

До этого момента я не обращала внимания, как плохо одета Порслин. В платье из черного крепа и с темными кругами под глазами, она как будто собиралась на маскарад в костюме Мрачной Смерти.

– У меня ничего нет, – ответила она. – Только то, что ты видишь. – Она сконфуженно потянула себя за тяжелый подол. – Это платье Фенеллы. Мне пришлось постирать свои вещи в ручье сегодня утром, и они еще не высохли.

Постирать вещи? Зачем ей это понадобилось? Поскольку я этим никогда не занималась, я не спросила; возможно, позже мне подвернется повод поинтересоваться этим.

– Ну тогда пошли, – сказала я, пытаясь говорить жизнерадостно. – Букшоу ждет.

Я покатила «Глэдис» рядом с собой. Порслин брела в нескольких шагах позади, опустив глаза.

– Это не очень далеко, – через некоторое время заметила я. – Полагаю, ты будешь рада немного поспать.

Я обернулась и увидела, как она кивнула в ответ, но ничего не ответила. Она шаркала за моей спиной, опустошенная, и даже статуи дельфинов в фонтане Посейдона не могли привлечь ее внимание.

– Они сделаны в XVIII веке, – сказала я ей, – так что они довольно старые. Когда-то у них из пастей текла вода.

Снова кивок.

Мы срезали путь через Трафальгарский газон – вереницу заброшенных террас, расположенных к юго-востоку от дома. Сэр Джордж де Люс, спроектировавший его в честь адмирала Нельсона и его победы над испанцами, разбил его в то же время, что и Висто.

С помощью простых приспособлений подключившись к более ранним подземным водопроводным сооружениям Люциуса Протекающего де Люса, сэр Джордж планировал запустить эти роскошные фонтаны в качестве сюрприза для своей невесты.

Так что он начал было работать над шедевром ландшафтного дизайна, долженствующим сравниться или даже превзойти зрелище декоративного озера, но спекуляции во время железнодорожной мании²¹ истощили его состояние. После того как он утратил большую часть капиталов, все, что должно было стать величественной аллеей фонтанов, было заброшено и отдано на волю стихий.

Дожди и снега, солнце и ветер жители деревни, под покровом темноты таскающие камни для заборов, сделали свое дело. Трафальгарский газон и его статуи напоминали свалку скульптора. Фрагменты каменных херувимов, заросших мхом тритонов и морских нимф, разбросанные повсюду, были, словно каменные пловцы, потерпевшие кораблекрушение и ожидающие, когда их спасут из земного моря.

Уцелел только Посейдон, развалившийся со своим неводом на постаменте, нависая над своей разрушенной семьей, его трезубец, словно громоотвод, торчал вверх, туда, где могли быть древнегреческие небеса.

– Это старый Посейдон, – сказала я, втаскивая «Глэдис» на очередной пролет осыпающейся лестницы. – Его фотография была в «Сельской жизни» пару лет назад. Он величественный, не так ли?

Порслин внезапно резко остановилась, прикрыв рот рукой, ее ввалившиеся глаза уставились наверх, широкие и глубокие, словно колодцы. Затем она вскрикнула, как испуганный зверек.

Я посмотрела следом за ней и сразу же увидела то, что заставило ее застыть на месте.

С Посейдонова трезубца, словно пугало на крючке для одежды, свисала темная фигура.

– Это Бруки Хейрвуд, – сказала я, еще не увидев его лица.

²¹ Железнодорожная мания – в 1840-х годах в Англии случился железнодорожный бум, повсюду строились железные дороги, но этот бум в итоге обернулся кризисом.

9

Один из зубцов трезубца проткнул длинное молескиновое пальто Бруки в районе шеи, и он слегка покачивался на ветру, производя довольно легкомысленное впечатление в своей кепке и алом шарфе, как будто катался на карусели в парке развлечений.

На миг я подумала, что он упал. Возможно, под действием избыточных алкогольных паров он попытался забраться на статую. Может быть, соскользнул с головы Посейдона и упал на трезубец.

Однако, эта идея оказалась недолговечной. Я почти сразу же заметила, что его руки связаны за спиной. Но это еще не самое худшее.

Когда я обошла статую, чтобы увидеть его спереди, солнце ярко сверкнуло на какой-то штуке, торчащей изо рта Бруки.

– Оставайся здесь, – сказала я Порслин, хотя видела, что она и так застыла на месте.

Я прислонила «Глэдис» к нижней из трех чаш в форме раковин, образующих фонтан, затем забралась на ее трубчатую раму, встала на сиденье, откуда смогла залезть на грубый каменный край.

Чаша бассейна была наполнена отвратительной жижой из черной воды, мертвых листьев и плесени – результат столетия заброшенности, и пахло это отвратительно.

Стоя на краю, я смогла забраться на среднюю раковину и, наконец, на верхнюю. Я оказалась на уровне коленей Бруки, уставившись в его невидящие глаза. Его лицо было жуткого оттенка белого рыбьего брюха.

Разумеется, он был абсолютно мертв.

После первоначального шока от осознания того, что кого-то, с кем я говорила лишь несколько часов назад, больше нет среди живых, я ощутила странное возбуждение.

Я не боюсь мертвых. В действительности мой скудный опыт показал, что они вызывают у меня чувство, совершенно противоположное страху. Мертвое тело – более захватывающее, чем живое, и мне довелось узнать, что трупы – лучшие рассказчики. Мне повезло уже увидеть несколько; Бруки на самом деле был третьим.

Покачиваясь на краю скульптурной каменной раковины, я смогла ясно разглядеть, что сверкало на солнце. Из одной ноздри Бруки – не изо рта – торчал предмет, который сначала показался мне круглым серебряным медальоном: плоский диск с отверстиями и приделанной к нему ручкой. На конце повисла капля крови Бруки.

На диске было выгравировано изображение лобстера, а на ручке – монограмма де Люсов. «ДЛ».

Это была серебряная ложка для лобстеров – из набора, принадлежащего Букшоу.

Последний раз, когда я видела наши столовые приборы, Доггер натирал их полиролью для серебра на кухонном столе.

Рабочая часть ложки, насколько я помнила, заканчивалась двумя маленькими зубцами, торчащими, словно рожки у улитки. Эти острия, предназначенные, чтобы доставать розовое мясо из трещин в панцире вареного лобстера, теперь прочно вонзились глубоко в мозг Бруки Хейрвуда.

Смерть от фамильного серебра, подумала я, не успев отключить эту часть мозга.

Слабый стон снизу напомнил мне, что Порслин еще здесь.

Ее лицо было почти таким же белым, как у Бруки, и я увидела, что она трясется.

– Бога ради, Флавия, – сказала она дрожащим голосом, – слезай, давай уйдем отсюда. Кажется, меня сейчас стошнит.

– Это Бруки Хейрвуд, – отозвалась я и вознесла безмолвную молитву за упокой браконьерской души.

Защити его, Господи, и пусть небеса изобилуют для него ручьями с форелью.

Мысль о форели напомнила мне о Колине Прауте. Я почти забыла о мальчике. Вздохнет ли Колин с облегчением, когда услышит, что его мучитель мертв? Или опечалится?

Мать Бруки окажется в таком же затруднительном положении. А вместе с ней, дошло до меня, и почти каждый в Бишоп-Лейси.

Я поставила ногу на колено Посейдона и подтянулась вверх, уцепившись за его могучий локоть. Теперь я оказалась чуть выше Бруки, рассматривая что-то, привлечшее мое внимание. В выемке между двумя остриями трезубца было сияющее пятнышко размером с шестипенсовик, как будто кто-то отполировал бронзу тряпкой.

Я запомнила форму этого пятна и начала медленно спускаться вниз, очень стараясь не прикасаться к телу Бруки.

– Пойдем, – сказала я Порслин, встряхивая ее за руку. – Надо убраться отсюда, пока не решили, что это мы сделали.

Я не стала говорить ей, что затылок Бруки превратился в кровавое месиво.

Мы на секунду остановились за одной из розовых изгородей, которые в это время года второй раз цвели. Со стороны кухонного огорода доносился скрип лопатки, которой Доггер соскребал старую землю с цветочных горшков. Миссис Мюллет, насколько я знала, уже ушла.

– Оставайся тут, – прошептала я, – пока я разведваю обстановку.

Порслин, казалось, едва меня слышит. Белая от страха и усталости, она столбом стояла среди роз, словно статуя в Букшоу, на которую шутки ради набросили старое черное платье.

Я пронеслась, незамеченная, как я надеялась, по траве и гравиевой дорожке к кухонной двери. Прильнув к ней, я прижалась ухом к тяжелому дереву.

Как я уже говорила, я унаследовала от Харриет почти невероятный острый слух. Любой стук горшков и сковородок или шум разговора я сразу же услышу. Миссис Мюллет без конца разговаривала сама с собой за работой, и, хотя я знала, что она уже должна была уйти домой, осторожность никогда не помешает. Если Фели и Даффи планируют очередное нападение, наверняка смешки и хихиканье их выдадут.

Но я ничего не слышала.

Я открыла дверь и вошла в пустую кухню.

Моим самым важным делом было провести Порслин в дом и спрятать ее в безопасном месте, где ее присутствие останется незамеченным. После я смогу позвонить в полицию.

Телефон в Букшоу держали вне поля зрения, в маленьком шкафчике в узком коридоре, соединявшем вестибюль с кухней. Как я говорила, отец презирал «инструмент», и всем нам в Букшоу запрещалось им пользоваться.

Когда я кралась на цыпочках по коридорчику, я слышала, как кто-то в кожаной обуви идет по плитке. Вероятнее всего, это отец. Туфли Фели и Даффи более женственны и производят более нежный, более скользящий звук.

Я нырнула в шкафчик с телефоном и тихо прикрыла за собой дверцу. Я сяду на маленькую восточную скамейку в темноте и подожду.

В вестибюле шаги замедлились – и остановились. Я задержала дыхание.

После того что показалось мне двумя с половиной вечностями, шаги двинулись прочь, в сторону западного крыла и отцовского кабинета, как я предположила.

В этот миг – прямо у моего локтя! – зазвонил телефон... потом опять.

Через несколько секунд шаги вернулись, приближаясь к вестибюлю. Я подняла трубку и крепко прижала ее к груди. Если звонки внезапно прекратятся, отец подумает, что звонивший повесил трубку.

– Алло? Алло? – Я слышала металлический голос, говоривший мне в грудную клетку. – Вы слышите?

Снаружи, в вестибюле, шаги остановились – и снова отступили.

– Вы слышите? Алло? Алло? – Приглушенный голос теперь кричал, довольно разгневанно.

Я поднесла трубку к уху и прошептала в микрофон:

– Алло! Это Флавия де Люс.

– Это констебль Линнет из Бишоп-Лейси. Инспектор Хьюитт пытается с вами связаться.

– О, констебль Линнет, – выдохнула я голосом в стиле Оливии де Хэвилленд. – Я как раз собиралась с вами связаться. Я так рада, что вы позвонили. В Букшоу только что произошло нечто ужасное!

Покончив с этим неприятным делом, я совершила быстрое отступление в розовые кусты.

– Пошли, – сказала я Порслин, стоявшей точно в такой же позе, в какой я ее оставила. – У нас нет времени!

Меньше чем через минуту мы украдкой пробрались по широкой лестнице в восточное крыло Букшоу.

– Черт возьми, – заметила Порслин, увидев мою спальню. – Да это же чертова площадь для парадов!

– И такая же холодная, – отозвалась я. – Забирайся под пуховое одеяло. Я принесу горячую грелку.

Быстрое путешествие в лабораторию, пять минут в обществе бунзеновской горелки, и я наполнила красную резиновую грелку кипятком, собираясь засунуть ее под ступни Порслин.

Я приподняла край матраса и достала коробку конфет, которую утащила с кухонного крыльца, где Нед, влюбленный помощник трактирщика, вечно оставлял подношения Фели. Поскольку мисс Носовой Платок никогда не знала, что они поступают, ей вряд ли могло их не хватать, не так ли? Я напредила себе сказать Неду, когда я увижу его в следующий раз, как высоко оценили его подарок. Я просто не стану говорить ему, кто именно оценил.

– Угощайся, – сказала я, срывая целлофан с коробки. – Они, может, не такие свежие, как майские цветы, но по крайней мере не кишат личинками.

Доходы Неда могли позволить только те конфеты, которые пролежали в витрине четверть столетия или больше.

Порслин замерла с конфетой на полпути ко рту.

– Ешь, – сказала я ей. – Я пошутила.

На самом деле нет, но не стоит расстраивать девушку.

Намереваясь задержать занавески, я подошла к окну, где остановилась, чтобы окинуть быстрым взглядом окрестности. Никого не было видно.

За лужайками виднелся краешек Висто и Посейдон! Я совсем забыла, что могу видеть фонтан из окна спальни.

Возможно ли... Я протерла глаза и снова посмотрела туда.

Да! Там он и был – Бруки Хейрвуд, с расстояния он казался просто темной куклой, болтающейся на трезубце морского бога. Я легко смогу сбегать туда еще раз до появления полиции. И даже если они приедут, когда я буду там, я скажу, что ждала их, присматривала за Бруки, чтобы никто ничего не трогал. И так далее.

– У тебя измученный вид, – сказала я, поворачиваясь к Порслин.

Ее веки уже подрагивали, когда я задернула занавески.

– Спи крепко, – сказала я, но не думаю, что она меня услышала.

В дверь позвонили, когда я спустилась по лестнице. Вот крысы! Стоило мне подумать, что я одна. Я сосчитала до десяти и открыла дверь – в тот момент, когда звонок снова зазвонил.

За дверью стоял инспектор Хьюитт, его палец все еще прижимался к звонку, на лице было слегка растерянное выражение, будто он маленький мальчик, которого застали врасплох, когда он играл в «звони-звони-убегай».

Они явно не теряют времени зря, подумала я. Не прошло и десяти минут с тех пор, как я разговаривала с констеблем Линнетом.

Инспектор, кажется, слегка был ошеломлен, увидев меня в дверях.

– А, – произнес он, – вездесущая Флавия де Люс.

– Добрый день, инспектор, – сказала я самым что ни на есть медоточивым голосом. – Войдете?

– Спасибо, нет, – ответил он. – Я понял, что произошел еще один... инцидент.

– Инцидент, – подыграла я ему. – Это Бруки Хейрвуд. Самый быстрый путь к Трафальгарскому газону – здесь, – добавила я, показывая рукой. – Следуйте за мной, я вам покажу.

– Притормози, – сказал инспектор Хьюитт. – Ничего такого ты не сделаешь. Я хочу, чтобы ты держалась как можно дальше от этого дела. Понимаешь, Флавия?

– Это наша собственность, инспектор, – сказала я, просто чтобы напомнить, что он разговаривает с одной из де Люсов.

– Да, и мое расследование. Хоть один твой отпечаток на месте преступления – и я выдвину против тебя обвинение. Ясно?

Что за наглость! Эти слова не заслуживают ответа. Я могла бы сказать: «Мои отпечатки и без того на месте преступления, инспектор», но не стала. Я развернулась на каблуках, захлопывая дверь перед его носом.

Внутри я быстро прижалась ухом к панели и изо всех сил прислушалась.

Хотя то, что я услышала, больше напоминало сухой смешок, я предпочитаю думать, что это был легкий взглас разочарования, оттого что инспектор так глупо лишился услуг первоклассного ума.

Черти бы побрали этого человека и утащили в ад! Он пожалеет о своем высокомерии. О да, именно так, он пожалеет!

Я побежала вверх по лестнице в химическую лабораторию. Открыла тяжелую дверь, вошла в комнату и почти сразу же расслабилась. На меня снизошло чувство глубокого умиротворения.

В этом месте было что-то особенное: в том, как нежно падал свет сквозь высокие створки окон, в мягком медном блеске микроскопа Лейтца, когда-то принадлежавшего дядюшке Тару, а теперь, к моему удовлетворению, ставшего моим, в резком – почти жаждущем – сиянии лабораторных склянок, в шкафах, полных аккуратно подписанных флакончиков с химикатами (включая некоторые выдающиеся яды), и в многочисленных рядах книг – все это придавало помещению нечто, что я могу описать только как ощущение успокоения.

Я взяла высокий лабораторный табурет и поставила его на конторку возле окна. Затем из нижнего ящика стола – поскольку там хранились дневники и документы Тара де Люса, я все еще считала его собственностью дяди – я добыла немецкий бинокль. Его линзы, как я узнала из одной книжки, сделаны из особого песка, который встречается только в Тюрингском лесу около деревни Мартинрода. Благодаря содержанию окиси алюминия в песке изображение приобретает необыкновенную четкость. Именно это мне и надо!

Повесив бинокль на шею, я воспользовалась стулом, чтобы забраться на конторку, затем влезла на табурет, беспокойно покачиваясь на своей импровизированной наблюдательной башне и головой почти касаясь потолка.

Одной рукой держась за оконную раму для равновесия, другой прижимая бинокль к глазам, я свободными пальцами отрегулировала настройки.

Когда изгороди, окаймлявшие Трафальгарский газон, обрели необходимую резкость, я поняла, что вид из лаборатории, и именно с этого угла, будет намного лучше, чем из окна спальни.

Да, вот он, Посейдон, уставившийся на невидимый океан, не замечая темный сверток, висящий на его трезубце. Но теперь у меня был отличный вид на весь фонтан.

Мощные линзы поглотили расстояние, и я увидела, как инспектор Хьюитт появился из-за фонтана, поднял руку, чтобы прикрыть глаза от солнца, и начал рассматривать тело Бруки. Он поджал губы, и я почти услышала вырвавшийся у него легкий присвист.

Интересно, знает ли он, что за ним наблюдают?

Изображение в окулярах внезапно исчезло, потом снова появилось – и опять пропало. Я отвела бинокль от глаз и поняла, что внезапное облачко затмило солнце. По тени, накрывшей пейзаж, я могла сказать, что надвигается гроза.

Я снова подняла бинокль, как раз вовремя, чтобы увидеть, что инспектор смотрит прямо на меня. Я задохнулась, затем до меня дошло, что это оптический фокус; конечно, он не видит меня. Он, должно быть, смотрит на грозовые облака, собирающиеся над Букшоу.

Он отвернулся, потом снова повернулся в мою сторону, казалось, будто он с кем-то говорит, так оно и было. На моих глазах из-за постамента статуи вышел детектив-сержант Вулмер с тяжелым чемоданчиком, за ним следовали доктор Дарби и детектив-сержант Грейвс. Должно быть, они приехали в одной машине, подумала я, объехали кругом через Канаву и Изгороди.

Не успели бы вы сказать «Джек Робинсон», как сержант Вулмер расставил свою складную треногу и установил на нее тяжелую камеру. Я восхищалась тем, как ловко его грубые пальцы управляли тонкими настройками и как быстро он сумел измерить экспозицию.

Внезапно вспыхнула ослепительная молния, за которой почти сразу же послышался оглушительный удар грома, и я чуть не свалилась с табурета. Я отпустила бинокль, повисший у меня на шее, и уперлась обеими ладонями в оконную раму, чтобы восстановить равновесие.

Что там Даффи однажды сказала мне во время летнего ливня?

«Держись подальше от окон во время грозы, ты, глупая ослица».

И вот она я, молнии колошматят во фрамугу, а я распростерлась на стекле, словно бабочка на карточке в Национальном музее.

«Даже если молния не попадет в тебя, – добавила она, – звук грома высосет дыхание из твоих легких, и тебя вывернет наизнанку, словно красный носок».

Молнии вспыхивали снова и снова, грохотал гром, а теперь стеной обрушился дождь, ударяя по крыше, словно по литаврам. Поднялся внезапный сильный ветер, и деревья в парке бешено клонились под его порывами.

На самом деле это выглядело довольно воодушевляюще. Черт бы побрал Даффи, подумала я. Если я немного попрактикуюсь, то даже научусь любить гром и молнию.

Я выпрямилась, восстановив равновесие, и поднесла бинокль к глазам.

Передо мной развернулась сцена из ада. В водянистом зеленоватом свете, атакуемые ветром и освещенные изменчивыми вспышками молний, трое полицейских снимали тело Бруки с трезубца. Они протянули веревку ему под мышками и медленно, почти нежно опускали на землю. Возвышающийся над ними на фоне дождя Посейдон, словно чудовищный каменный Сатана с вилами наготове, продолжал смотреть на свой водный мир, как будто пресытился до крайности жалкими кривляниями простых смертных.

Инспектор Хьюитт потянулся к веревке, чтобы облегчить спуск тела, дождь приклеил ему волосы ко лбу, и на миг у меня возникло ощущение, будто я наблюдаю какую-то чудовищную мистерию.

И, возможно, так оно и было.

Только когда сержант Вулмер достал кусок брезента из чемоданчика и прикрыл тело Бруки, мужчины наконец подумали об укрытии и для себя.

Хотя это была символическая защита, доктор Дарби поднял медицинский чемоданчик над головой и стоял неподвижно, с несчастным видом под дождем.

Инспектор Хьюитт развернул маленький прозрачный дождевик и набросил его на свою промокшую до нитки одежду. Я подумала, не прекрасная ли жена инспектора Антигона тихонько положила его в карман мужу на всякий случай.

Сержант Вулмер неподвижно стоял под ливнем, как будто его мощное тело само по себе было достаточной защитой от ветра и дождя, а сержант Грейвс, единственный из всех, чьи размеры позволяли это, уютно забился под нижнюю чашу фонтана с подветренной стороны, где сидел на корточках, сухой, как утка.

Затем внезапно, так же быстро, как началась, гроза закончилась. Темная туча поплыла на восток, снова появилось солнце, и запели птицы.

Сержант Вулмер снял водонепромокаемую накидку, которую набросил на камеру, и снова начал фотографировать фонтан со всех мыслимых углов. Когда он приступил к крупным планам, в поле зрения появилась «скорая помощь», подпрыгивая по грубой земле между Изгородами и Трафальгарским газоном.

Перекинувшись несколькими словами с водителем, доктор Дарби помог переложить накрытое тело на носилки и забрался на пассажирское сиденье.

Когда «скорая помощь» медленно тронулась с места, петляя, чтобы объехать наполовину ушедшие в землю статуи, я заметила, что появилась радуга. Неземной желтый свет озарил пейзаж, придавая ему вид кричащего рисунка сумасшедшего художника.

На дальней стороне Трафальгарского газона, возле деревьев, что-то шевельнулось. Я чуть-чуть повернулась и быстро перенастроила бинокль, как раз вовремя, чтобы увидеть фигуру, исчезающую между деревьями.

Еще один браконьер, подумала я, следил за полицией и не хотел, чтобы его заметили.

Я снова поймала «скорую» в бинокль и наблюдала за ней, пока она не пропала за далекой изгородью. Когда она скрылась из виду, я спустилась на пол и заперла лабораторию.

Если я хочу обыскать берлогу Бруки до того, как туда заявится полиция, надо пошевеливаться.

10

Единственная проблема заключалась в том, что я понятия не имела, где жил Бруки.

Можно совершить еще одну вылазку в шкафчик с телефоном, но в вестибюле я рискую столкнуться с отцом или, что хуже, с Даффи или Фели. Кроме того, очень маловероятно, чтобы бездельник вроде Бруки был упомянут в телефонном справочнике.

Вместо того чтобы рисковать тем, что меня поймут, я украдкой пробралась в картинную галерею, занимавшую почти весь первый этаж восточного крыла.

Армия предков де Люсов смотрела на меня, когда я шла мимо, в их лицах я с неловкостью узнавала свои черты. Я бы невзлюбила большинство из них, подумала я, и большинство из них невзлюбили бы меня.

Я сделала колесо, просто чтобы показать им, что мне наплевать.

Тем не менее, поскольку старик это заслуживал, я отдала портрету Тара де Люса короткий скаутский салют, пусть даже меня выставили из этой организации, довольно несправедливо, как я считала, и это сделала женщина, совершенно лишенная чувства юмора. «Честно говоря, мисс Пэшли, – я бы сказала ей, если бы у меня было хотя бы полшанса, – гидроксид железа был просто шуткой».

В дальнем конце галереи находилась кладовка, которая в дни славы Букшоу использовалась, чтобы помещать в рамы и реставрировать портреты и пейзажи, составляющие семейную коллекцию искусства.

Пара полок и рабочая скамья в кладовке до сих пор были заставлены грязными баночками из-под краски и лака, содержимое которых высохло еще во времена королевы Виктории, там и сям из них торчали ручки кистей, словно хвосты окаменевших крыс.

Все, кроме меня, похоже, забыли, что у этого помещения есть одна весьма полезная особенность: поднимающееся окно, которое легко открывается изнутри и снаружи, – и стало еще легче открываться, когда я взяла на себя труд смазать его раму салом, которое слямзила из чулана.

На наружной стене, прямо под оконной рамой и на полпути к земле, в стене был наполовину осыпавшийся кирпич – его медленное разрушение, признаюсь, отчасти стимулировалось позаимствованной у Доггера лопаткой: идеальная опора для ноги, на случай если кто-то захочет уйти или вернуться в дом, не привлекая ненужного внимания.

Выбравшись из окна и спрыгнув на землю, я чуть не наступила на Доггера, стоявшего на коленях в мокрой траве. Он встал на ноги, приподнял шляпу и вернул ее на место.

– Добрый день, мисс Флавия.

– Добрый день, Доггер.

– Славный дождик.

– Ага, славный.

Доггер бросил взгляд на золотое небо и продолжил выпалывать сорняки.

Самые лучшие люди, они такие, да. Они не пристают к тебе, как липучки для мух.

Шины «Глэдис» радостно жужжали, когда мы пронеслись мимо Святого Танкреда и въехали на главную улицу. Она наслаждалась днем так же, как и я.

Впереди слева, через несколько дверей от «Тринадцати селезней», находилась антикварная лавка Реджи Петтибоуна. Я мысленно взяла на заметку зайти сюда попозже, и в этот момент распахнулась дверь и на дорогу выскочил мальчик в очках.

Колин Праут!

Я свернула вбок, чтобы не наехать на него, и «Глэдис» содрогнулась, затормозив длинным скольльзящим движением.

– Колин! – крикнула я, остановившись. Я чуть не полетела вверх тормашками.

Но Колин уже пересек центральную улицу и скрылся в Болт-элли, узком вонючем проходе, ведущем к дороге за магазинами.

Не стоит и говорить, что я поехала за ним, вознеся очередную хвалу за изобретение трех-скоростного рычага переключения Старми-Арчера.

Я примчалась на дорогу, но Колин уже скрывался за углом в дальнем конце. Через несколько секунд, описав неровный круг, он снова окажется на центральной улице.

Я была права. К тому времени, когда я снова его увидела, он торопился напрямик в Коровий переулок, как будто по его следам неслись все гончие ада.

Вместо того чтобы поехать за ним, я нажала на тормоза.

Там, где Коровий переулок заканчивается у реки, я знала, Колин повернет налево и пойдет по старому бечевнику позади «Тринадцати селезней». Он не рискнет идти другой дорогой, опасаясь, что его загонят в угол.

Я повернулась в противоположную сторону и поехала туда, откуда пришла, описав широкую дугу в сторону Сапожной улицы, где в последнем доме жила мисс Пикери, новая библиотечка. Я затормозила, слезла с велосипеда и, прислонив «Глэдис» к ее забору, быстро перебралась по ступенькам и тихонько заняла позицию за одним из высоких тополей, окаймлявших бечевник.

Как раз вовремя! Вот и Колин спешит ко мне, все время нервно оглядываясь через плечо.

– Привет, Колин, – сказала я, заступая ему дорогу.

Колин остановился, как будто наткнулся на кирпичную стену, но бегающие тусклые глаза, увеличенные, словно устрицы, толстыми линзами, сигнализировали, что он готов броситься прочь в любой момент.

– Полиция тебя ищет, ты это знаешь? Хочешь, чтобы я сказала им, где ты?

Это была откровенная ложь – одна из моих специализаций.

– Н-н-нет.

Его лицо стало бледным, как папиросная бумага, и я на миг подумала, что он вот-вот зарыдает. Но не успела я закрутить гайки, как он выпалил:

– Я этого не делал, Флавия! Честно! Что бы они там ни думали, я этого не делал!

Несмотря на его путаницу со словами, я знала, что он имеет в виду.

– Что не делал, Колин? Что ты такого не делал?

– Ничего. Я ничего не делал.

– Где Бруки? – небрежно поинтересовалась я. – Мне надо его видеть по поводу пары каминных шпал.

Мои слова возымели желаемый эффект. Колин замахал руками, словно крыльями флюгера, указывая пальцами на север, юг, запад, восток. Наконец он остановился на последнем направлении, показывая, что Бруки следовало искать где-то за «Тринадцатую селезнями».

– Последний раз, когда я видел его, он разгружал свой фургон.

Свой фургон? У Бруки есть фургон? Почему-то эта мысль казалась смехотворной – все равно что увидеть Страшилу из любимой детской книжки за рулем грузовика фирмы «Бедфорд», но тем не менее...

– Ужасно тебе благодарна, Колин, – сказала я. – Ты чудо.

Изо всех сил потерев глаза и дергая себя за волосы, он перебрался через ступеньки и побежал на Сапожную улицу, словно кружащийся дервиш. И скрылся из виду.

Не сделала ли я только что колоссальную ошибку? Может, да, но я вряд ли могу заниматься расследованием, когда кто-то вроде Колина пускает слюни на моем плече.

Только затем ледяной ужас одной мысли проскользнул в мой мозг. Что, если...

Но нет, если бы на одежде Колина была кровь, я бы наверняка ее заметила.

Когда я возвращалась за «Глэдис», меня захватила замечательная, прекрасная идея. Во всем Бишоп-Лейси есть лишь несколько фургонов, и большинство из них я знаю на вид: торговца скобяными изделиями, мясника, электрика и так далее. На боках каждого бросающимися в глаза буквами написано имя владельца; каждый фургон уникален и безошибочно узнаваем. Быстрый бросок по главной улице установит местонахождение каждого из них, и незнакомый фургон окажется как бельмо на глазу.

Так я и поступила.

Через несколько минут я крутила педали, безрезультатно описывая зигзаг по деревне. Но, завернув за угол в восточном конце главной улицы, я не могла поверить своим глазам.

Перед Ивовым особняком был припаркован сомнительного вида зеленый фургон, и хотя его ржавые бока были чистыми, но сверху было написано: «Бруки Хейрвуд».

Ивовый особняк получил свое уместное прозвище, потому что целиком скрывался под свисающими ветвями гигантского дерева и не стал заметнее даже тогда, когда его выкрасили в жуткий оранжевый цвет. Этот дом принадлежал Тильде Маунтджой, с которой я познакомилась пару месяцев назад при не самых веселых обстоятельствах. Мисс Маунтджой раньше работала главной библиотечаршей в бесплатной библиотеке Бишоп-Лейси, где, как говорили, ее боялись даже книги. Теперь, имея кучу свободного времени, она стала священным ужасом без постоянного ангажемента.

Хотя я не стремилась возобновлять наше знакомство, деваться было некуда, я открыла калитку, пробралась сквозь паутину свисающих веток, хлюпая по мху под ногами и готовясь бросить вызов дракону в его логове.

Под каким предлогом? Я скажу, что, катаясь на велосипеде, почувствовала внезапную слабость. Увидев фургон Бруки, я подумала, что, возможно, он будет так добр, что погрузит «Глэдис» в заднюю часть и отвезет меня домой. Отец, я уверена, будет вечно ему благодарен... и т. д. и т. п.

Под сенью ивовых веток крыльцо заросло лишайником, и воздух был прохладным и влажным, словно в мавзолее.

Я уже подняла проржавевший медный дверной молоток в форме линкольнского бесенка, когда дверь распахнулась, и на пороге появилась мисс Маунтджой – вся в крови!

Я не знаю, кто из нас больше испугался при виде другой, но на секунду мы обе застыли совершенно неподвижно, широко открытыми глазами уставившись друг на друга.

Передняя часть ее платья и рукава серого кардигана промокли от крови, а лицо представляло собой открытую рану. Несколько свежих алых капель упали на пол, перед тем как она подняла окровавленный носовой платок и прижала его к лицу.

– Кровь из носа, – сказала она. – У меня это часто бывает.

Испачканная льняная ткань, закрывавшая ее рот и нос, приглушила слова, прозвучавшие как: «Вонь из коса. Мня тосто вает», но я знала, что она имеет в виду.

– Боже, мисс Маунтджой! – воскликнула я. – Позвольте, я вам помогу.

Я схватила ее за руку, и не успела она возразить, как я повела ее к кухне по темному коридору, по бокам которого стояли тяжелые тюдоровские буфеты.

– Садитесь, – сказала я, пододвигая стул, и, к моему удивлению, она послушалась.

Мой опыт по части носовых кровотечений был ограниченным, но практическим. Я вспомнила, как на одной вечеринке по случаю дня рождения Фели нос Шейлы Фостер забрызгал кровью крокетную лужайку, а Доггер остановил кровотечение с помощью чьего-то носового платка, окунув его в раствор сульфата меди из оранжереи.

Ивовый особняк, однако, не производил впечатление места, где есть запасы медного купороса, как называется этот раствор, хотя я знала, что, если бы у меня было полчашки разбавленной серной кислоты, пара пенни и батарейка из велосипедного фонаря «Глэдис», я бы

смогла на скорую руку сделать достаточное количество этого вещества, чтобы получить, что надо. Но времени на химию не оставалось.

Я схватила декоративный железный ключ, висевший на гвозде у камина, и быстро приложила его к затылку мисс Маунтджой в качестве холодного компресса.

Она вскрикнула и чуть не слетела со стула.

– Тихо, – сказала я, как будто обращалась к лошади (в моем сознании промелькнуло, как я цеплялась за гриву Грая во мраке). – Тихо.

Мисс Маунтджой сидела неподвижно, ссутулив плечи. Время пришло.

– Бруки здесь? – непринужденно поинтересовалась я. – Я видела снаружи его фургон.

Голова мисс Маунтджой откинулась назад, и я почувствовала, как под моей рукой она напряглась еще сильнее. Она медленно отняла окровавленный платок от носа и произнесла с идеально холодной ясностью:

– Ноги Хейрвуда больше не будет в этом доме.

Я моргнула. Мисс Маунтджой просто изъясляет решительность или в ее словах есть что-то более зловещее? Она знает, что Бруки мертв?

Когда она оглянулась, чтобы посмотреть на меня, я увидела, что кровотечение прекратилось.

Я позволила молчанию затянуться – полезный приемчик, который я позаимствовала у инспектора Хьюитта.

– Этот человек вор, – наконец сказала она. – Мне не следовало доверять ему. Не знаю, о чем я думала.

– Может, вам что-нибудь принести, мисс Маунтджой? Стакан воды? Влажную салфетку?

Наступил подходящий момент втереться к ней в доверие.

Не говоря больше ни слова, я пошла к раковине и намочила полотенце для рук. Отжала его и протянула ей. Пока она стирала кровь с лица и рук, я скромно отвела взгляд, пользуясь удобным случаем рассмотреть кухню.

Это была квадратная комната с низким подоконником. В углу к полу прижалась маленькая зеленая плита марки «AGA», кроме нее был еще простой стол из досок с одним-единственным стулом – тем самым, на котором сейчас сидела мисс Маунтджой. Узкая полка для посуды занимала две стенки комнаты, на ней располагался ассортимент синих и белых тарелок и блюдец – преимущественно стаффордширских, судя по рисунку: большей частью это были сельские пейзажи и сценки. Я насчитала одиннадцать плюс пустое место размером примерно в полтора фута там, где когда-то, должно быть, стояла двенадцатая тарелка.

Отфильтрованный сквозь ивовые ветки снаружи, слабый зеленый свет, просачиваясь сквозь два маленьких окошка над раковиной, придавал тарелкам странный водянистый оттенок, вызвавший у меня в памяти вид Трафальгарского газона после дождя, после того как тело Бруки сняли с фонтана Посейдона.

У выхода в узкий коридор, через который мы попали на кухню, располагался деревянный потрескавшийся застекленный шкафчик, наверху которого стояли несколько одинаковых бутылок медицинского вида.

Только прочитав их этикетки, я почувствовала запах. Как странно, подумала я, обычно обоняние срабатывает мгновенно, зачастую быстрее, чем зрение или слух.

Но сомнений больше не оставалось. Все помещение – даже сама мисс Маунтджой – пахло рыбьим жиром.

Вероятно, до этого момента зрелище носового кровотечения мисс Маунтджой и ее забрызганная кровью одежда подавили мое обоняние. Хотя сначала я ощутила рыбный запах, когда увидела ее, как мне показалось, истекающую кровью, в дверях, и опять, когда приложила холодный ключ к ее затылку, мой мозг, должно быть, отметил этот факт как не самый важный и приберег его для последующих размышлений.

Мой опыт по части рыбьего жира был обширным. Значительную часть жизни я провела, убегая от наступавшей миссис Мюллет, которая с открытой бутылкой и ложкой размером с огородную лопату преследовала меня по коридорам и лестницам Букшоу – даже в моих снах.

Кто в здравом уме захочет проглотить нечто, по виду похожее на переработанный бензин и выжатое из рыбьих печенок, оставленных гнить на солнце? Эту гадость использовали для дубления кожи, и я не могла не думать, что же она творит с человеческими внутренностями.

«Открой ротик, дорогуша, – слышала я голос миссис Мюллет, катившейся следом за мной. – Это полезно для тебя».

«Нет! Нет! – вопила я. – Не надо кислоту! Пожалуйста, не заставляйте меня пить кислоту!»

И это правда, я не придумываю. Я проанализировала эту штуку в лаборатории и обнаружила, что в ней содержится целый список кислот, в том числе олеиновая, маргариновая, уксусная, масляная, холевая и фосфорная, не говоря уже об окисях, кальции и натрии.

В результате я заключила сделку с миссис М.: она разрешает мне принимать рыбий жир в одиночестве в моей комнате перед сном, а я перестаю вопить, как пытаемая банши, и пинать ее по щиколоткам. Я поклялась могилой матери.

У Харриет, разумеется, нет могилы. Ее тело где-то в снегах Тибета.

Обрадовавшись освобождению от трудного и тягостного задания, миссис Мюллет сделала вид, что возмущена, но охотно отдала мне бутылку и ложку.

Мои мысли резко дернулись в настоящее, словно мячик на резинке.

– Проблемы с антиквариатом? – услышала я свои слова. – Вы не одиноки в этом, мисс Маунтджой.

Хотя я чуть не упустила это, ее молниеносный взгляд вверх, к тому месту, где висела недостающая тарелка, сказал мне, что я попала в точку.

Она заметила, что я проследила за ее взглядом.

– Это эпоха первого императора династии Мин. Он сказал мне, что знает человека...

– Бруки? – перебила я.

Она кивнула.

– Он сказал, что знает кого-то, кто может оценить тарелку честно и за приемлемые деньги. После войны жизнь стала трудной, и я подумала...

– Да, я знаю, мисс Маунтджой, – сказала я. – Я понимаю.

В свете финансовых трудностей отца и при огромном скоплении просроченных счетов, которые приходили с каждой почтовой доставкой и были предметом праздной болтовни в Бишоп-Лейси, ей не было необходимости объяснять мне ее собственную бедность.

Ее взгляд образовал связь между нами. «Партнеры по долгам», – казалось, говорил он.

– Он сказал мне, что ее разбили в поезде. Он запаковал тарелку в солому, как он сказал, и положил в бочонок, но каким-то образом... разумеется, он не застраховал посылку, стремясь сократить расходы... стараясь не отягощать меня дополнительными... а потом...

– Кто-то заметил ее в антикварной лавке, – выпалила я.

Она кивнула.

– Моя племянница Джулия. В Пимлико. Она сказала: «Тетушка, ты никогда не догадешься, что я сегодня видела – близнеца твоей Мин!» Она стояла прямо на том месте, где сейчас ты, и, точно как ты, взглянула вверх, увидела пустое место на полке. «О, тетушка, – сказала она. – О, тетушка!» Мы пытались вернуть тарелку, конечно же, но тот человек сказал, что получил ее от кого-то, живущего на соседней улице. Не мог назвать имя по причине конфиденциальности. Джулия настаивала на том, чтобы обратиться в полицию, но я напомнила ей, что дядя Джеймисон, который принес эту посуду в дом, не всегда был образцом честности. Жаль, что мне приходится рассказывать тебе эту историю, Флавия, но я всегда считала нужным быть скрупулезно честной.

Я кивнула и бросила на нее разочарованный взгляд.

– Но Бруки Хейрвуд, – сказала я. – Как он смог украсть у вас тарелку?

– Потому что он мой жилец. Он живет у меня в каретном сарае.

Бруки? Здесь? В каретном сарае мисс Маунтджой? Вот это новость.

– О да, – сказала я. – Конечно же. Я забыла. Что ж, мне лучше уйти. Думаю, вам следует немного полежать, мисс Маунтджой. Вы еще довольно бледная. Носовые кровотечения так обессиливают, не так ли? Железо и тому подобное. Вы, должно быть, чувствуете слабость.

Я провела ее в маленькую гостиную, которую заметила в передней части дома, и помогла откинуться на канапе, обитое конским волосом. Я укрыла ее вязаным шерстяным покрывалом, она вцепилась в него бледными пальцами.

– Я найду выход, – сказала я.

11

Словно актер в пантомиме, с грехом пополам выбирающийся из-за занавеса, я пролезла сквозь свисающие ивовые ветки и вышла из зеленого сумрака на слепящий свет солнца.

Времени было в обрез. Инспектор Хьюитт и его люди наверняка в нескольких минутах отсюда, а моя работа едва началась.

Поскольку фургон Бруки прямо передо мной, начну с него. Я окинула всю улицу насквозь быстрым взглядом. Никого не видно.

Одно окно фургона было полностью открыто, видимо, так его оставил Бруки. Мне везет!

Отец вечно разглагольствовал на тему того, как важно всегда носить с собой носовой платок, и на этот раз он оказался прав. Открыв дверь, я оставлю на никелированной ручке отпечатки пальцев. Чистый кусок льна – то что надо.

Но ручка не шевельнулась, хотя издала тревожный скрип, указывающий на обширный слой ржавчины под ней. Чего мне точно не надо, так это того, чтобы дверь фургона грохнулась прямо на дорогу.

Я поднялась на подножку (снова металлический скрип) и с помощью локтей подтянулась. Когда мой живот оказался на уровне нижней части окна, я смогла просунуть верхнюю половину туловища в фургон, оставив ноги торчать в воздухе для противовеса.

Обернув ладонь носовым платком, я нажала на кнопку бардачка и, когда крышка отскочила, засунула руку внутрь и вытащила маленький пакетик. Это были, как я и предполагала, документы на фургон.

Я чуть не вскрикнула от радости. Теперь я узнаю настоящий адрес Бруки, сомневаюсь, чтобы это был Ивовый особняк.

Эдвард Сэмпсон, было написано в документе. Рай-Роуд, Ист-Финчинг.

Я довольно хорошо знала, где Ист-Финчинг: он находится в пяти милях к северу от Бишоп-Лейси.

Но кто такой Эдвард Сэмпсон? Помимо того что он владелец фургона, из которого нижняя часть моего тела торчала, наверное, как клешня лобстера из ловушки, больше ничего не приходило мне в голову.

Я засунула бумаги обратно в бардачок и толкнула на место крышку.

Теперь каретный сарай.

– Поехали, «Глэдис», – сказала я, поднимая ее с того места, где она ждала. Нет смысла выдавать мое присутствие, оставляя ее у всех на виду.

Владения мисс Маунтджой раскидывались как-то очень причудливо, и каретный сарай располагался в конце огороженной изгородями тропинки. Я спрятала «Глэдис» за самшитовой изгородью и двинулась дальше пешком.

Приблизившись к строению, я увидела, что слова «каретный сарай» – не более чем вежливое название. На самом деле чуть ли не насмешка.

Здание было квадратным, нижний этаж кирпичный, второй – деревянный. Грязные окна свидетельствовали о заброшенности и паутине; о таких окнах говорят, что они смотрят на тебя.

Дверь когда-то была покрашена, но краска вздулась пузырями и обнажила серое обветшавшее дерево, из таких же некрашенных досок был верхний этаж.

Я обернула ладонь носовым платком и подергала ручку. Дверь была заперта.

Окна первого этажа располагались слишком высоко, чтобы через них можно было влезть внутрь, а переплетение ивовых веток – слишком хрупким, чтобы по нему можно было забраться. Шаткая лестница устало прислонилась к стене, слишком опасная, чтобы ею воспользоваться. Я решила обойти дом сзади.

Надо быть осторожной. Только покосившийся деревянный забор отделял заднюю сторону каретного сарая от плакучей ивы мисс Маунтджой: мне придется пригнуться и бежать, как спецназовцу на пляже.

В конце забора находилось проволочное сооружение, из которого донеслось, когда я приблизилась, возбужденное кудахтанье. Там сидел самый большой петух, которого я когда-либо видела, настолько крупный, что он сутулился, переступая по клетке.

Стоило птице увидеть меня, как она бросилась к проволоке, разделявшей нас, с ужасающим треском хлопая мне в лицо крыльями. Моим первым побуждением было рвануть со всех ног, но тут я заметила умоляющий взгляд его мармеладных глаз.

Да он же голоден!

Я взяла пригоршню корма из коробки, прибитой к каркасу загона, и бросила сквозь ячейки. Петух набросился на еду, словно волк на русского путешественника; его красный, словно бумажный мак, гребешок деловито и с энтузиазмом задергался вверх-вниз.

Пока он пировал, я обратила внимание на дверцу в дальнем конце загона, открывавшуюся в каретный сарай. Размером она была не более чем с петуха, но мне подойдет.

Я бросила еще пару пригоршней корма. Загон был всего семь футов в высоту, но это слишком много, чтобы я могла подпрыгнуть и ухватиться за верхнюю перекладину. Я попыталась полезть по ячейкам, но туфли не могли зацепиться.

Не сдаваясь, я села и сняла туфли и носки.

Когда я приступлю к написанию автобиографии, надо будет не забыть записать, что мелкая проволочная сетка загона для кур может быть покорена босоногой девочкой, но только той, которая жаждет претерпеть ужасные муки во имя удовлетворения своего любопытства.

Карабкаясь, я просовывала пальцы ног в восьмиугольные отверстия сетки, проволока которой была острой, как лезвие сырного ножа. К тому моменту, как я добралась до верха, мои ноги, казалось, принадлежали Скотту из Антарктики²².

Когда я спрыгнула на землю внутри загона, петух бросился ко мне. Поскольку я не сообразила захватить с собой корм, чтобы умиротворить оголодавшую птицу, я оказалась в ее власти.

Когда петух подскочил к моим голым коленям, я нырнула в дверцу.

Она была очень узкой, и я могла пробраться в нее, только извиваясь, пока разъяренная птица яростно клевала мои ноги, – но через несколько секунд я оказалась внутри каретного сарая: все еще в пределах огороженного участка, но внутри.

И петух тоже, он последовал за мной и теперь насккивал на меня, словно воплощенная мстительная ярость.

Охваченная внезапным приступом вдохновения, я присела на корточки, поймала взгляд птичьих глаз и затем с громким шипением резко выпрямилась во весь рост, покачивая головой и высовывая туда-сюда язык, будто королевская кобра.

Сработало! В скудном умишке петуха некий древний инстинкт прошептал ему без слов ужасную историю о цыпленке и змее, и он вылетел в дверцу, как покрытое перьями пушечное ядро.

Я просунула пальцы в ячейки и повернула деревянную рейку, служившую засовом, затем вышла в коридор.

Полагаю, моя голова наполнилась картинами грязных стойл, иссохшей сбруи, свисающей с деревянных колышков, скребниц и скамеек, воображение рисовало давно забытый фаэтон²³,

²² Роберт Фалькон Скотт (1868—1912) – британский полярный исследователь, один из первооткрывателей Южного полюса в 1912 году. О его знаменитой экспедиции в 1948 году был снят фильм «Скотт из Антарктики».

²³ Фаэтон – четырехколесная открытая коляска.

притаившийся в каком-нибудь темном углу. Вероятно, я подумала о нашем каретном сарае в Букшоу.

Но как бы там ни было, я оказалась совершенно не готова к тому, что увидела.

Под низким балочным потолком бывшей конюшни, словно автобусы на Пикадилли-Серкус, столпились диваны, обитые зеленым и розовым шелком. Кувшины и вазы – некоторые явно веджвудские – стояли там и сям на столах, старое дерево которых сияло даже в тусклом свете. Резные шкафчики и изящно инкрустированные столики скрывались в тенях, тогда как ближайшие стойла были переполнены роял-альбертовскими кувшинами²⁴ и восточными ширмами.

Это же склад, и, подумала я, отнюдь не заурядный!

У стены, почти скрытой массивным буфетом, стояла георгианская каминная полка тонкой работы, перед которой, наполовину свернутый, лежал богатый, роскошный ковер. О каком-то очень похожем мне не один раз талдычила Шейла Фостер, подружка и подхалимка Фели, умудрявшаяся приплетать свой ковер в самой обыкновенной беседе: «Архиепископ Кентерберийский заезжал на этих выходных, знаешь ли. Ущипнув меня за щеку, он уронил кусочек кекса «Данди»²⁵ на наш старый добрый обюссон²⁶».

Едва я сделала шаг вперед, чтобы поближе рассмотреть эту штуку, когда кое-что привлекло мой взгляд: блеск в темном углу около каминной полки. Я судорожно втянула воздух, ибо здесь, в каретном сарае мисс Маунтджой, стояли Лиса Салли и Шоппо – каминные шпаги Харриет!

Что, черт побери... – подумала я. Как это может быть?

Я видела эти шпаги несколько часов назад в гостиной Букшоу. Маловероятно, чтобы Бруки Хейрвуд мог пробраться обратно в дом и украсть их, потому что Бруки был мертв. Но кто еще мог принести их сюда?

Мог это сделать Колин Праут? В конце концов, Колин – марионетка Бруки, и я наткнулась на него, шатающегося по соседству, лишь несколько минут назад.

Колин живет здесь с Бруки? Мисс Маунтджой упомянула, что Бруки – ее жилец, что наверняка подразумевает, что он здесь жил. Я не видела ничего, напоминающего кухню или спальню, но, возможно, они находились где-то за обширной выставкой мебели или наверху на втором этаже.

Когда я вернулась в центральный коридор тем же путем, что и пришла, на улице снаружи хлопнула дверь машины.

Засада! Это вполне может быть инспектор Хьюитт.

Я нырнула вниз и пробралась к окну, где прижалась к спинке массивного кресла черного дерева, из-за которого я могла выглянуть, не рискуя обнаружить себя.

Но тот, кто шел к двери, не был инспектором Хьюиттом: это был натуральный бульдог на двух ногах. Рукава рубашки незнакомца были закатаны до локтя, обнажив руки, которые не только отличались чрезвычайной волосатостью, но и размером были с пару рождественских окороков. Грудь, видневшаяся сквозь расстегнутый ворот, поросла лесом черных жестких волос; целеустремленно направляясь к двери, он сжимал и разжимал кулаки.

Кто бы он ни был, ясно, что он чем-то недоволен. Этот мужчина достаточно силен, чтобы разорвать меня, как пачку сигарет. Я не могу допустить, чтобы он меня здесь нашел.

²⁴ «Роял Альберт» – знаменитая марка английского фарфора, появившаяся в конце XIX века и славившаяся своей утонченностью. Существует до сих пор.

²⁵ Кекс «Данди» – шотландский десерт, кекс из цукатов и сухофруктов, традиционное рождественское лакомство в англоязычных странах.

²⁶ Обюссон – французский город, где находилась знаменитая одноименная ковроткацкая мануфактура, отличавшаяся уникальной техникой и в 1665 году получившая статус королевской.

Нервное это было занятие – прокладывать путь обратно сквозь мешанину мебели. Дважды я дергалась из-за движения поблизости, которое при ближайшем рассмотрении оказывалось моим отражением в неприкрытом зеркале.

Мужчина уже открывал дверь, когда я добралась до птичьего загончика. Я скользнула к выходу – слава богу, что у меня босые ноги, а на полу солома! – опустилась на четвереньки, затем легла лицом вниз и поползла сквозь узкое отверстие наружу.

Чертова птица набросилась на меня, словно бойцовый петух-чемпион. Я ползла, стараясь ладонями защитить лицо, но петушиные шпоры были острыми, как бритва. Не успела я миновать половину пути, как мои запястья покрылись кровью.

Я полезла вверх по проволочной сетке, а петух снова и снова бросался на мои ноги. У меня даже не оставалось времени подумать, что проволочные ячейки сделают с моими ступнями и пальцами на ногах. Наверху я перевалилась через деревянную планку и тяжело рухнула на землю.

Но теперь, чтобы добраться до меня, ему тоже придется лечь на землю и ползти на брюхе, а сейчас он даже не увидит меня за загоном.

Ему придется вернуться к машине, затем обойти вокруг каретного сарая по тропинке.

Я услышала звуки его шагов, ступающих по деревянному полу.

Я повторила свой бросок вдоль обваливающегося забора в обратном направлении – но постойте! Я забыла носки и туфли!

Я вернулась за ними, дыхание мое ускорилося и стало болезненным. Снова вдоль ограды – и я нырнула за изгородь, где оставила «Глэдис».

Как раз вовремя. Я замерла позади изгороди, стараясь не дышать, когда бульдог в образе человека, тяжело ступая, прошел мимо.

– Кто здесь? – снова спросил он, и я услышала, как петух бросился на проволочную сетку с безумным кукареканьем.

Еще несколько хриплых ругательств, и мой преследователь ушел. Я не готова повторить его точные слова, но настанет день, когда смогу найти им хорошее применение.

Я подождала еще минуту-другую на всякий случай, затем вытащила «Глэдис» из кустов и покатила домой.

Крутя педали, я изо всех сил старалась выглядеть добропорядочной английской девочкой, которая выехала на оздоровительную прогулку на свежем воздухе.

Но я как-то сомневалась, что мои попытки убедят хоть кого-нибудь: ладони и лицо у меня грязные, запястья и лодыжки кровоточат, колени исцарапаны до костей, а одежду придется выбросить в мусорное ведро.

Отец этому не порадует.

И что, если за время моего отсутствия они нашли Порслин в моей спальне? Что, если она проснулась и побрела вниз по лестнице? Или в отцовский кабинет?

Хотя я никогда еще не сжималась от ужаса на велосипеде, сейчас я это сделала.

– Я застала ее, когда она лезла в окно в картинной галерее, – сказала Фели. – Словно заурядная домошница. Можете себе представить? Я пришла поизучать картину Магтса «Аякс», и тут...

Магтс был художником-головорезом, жившим в окрестностях Бишоп-Лейси в эпоху Регентства, а Аякс – конем, которого по какой-то прихоти купил один из моих предков, Флоризель де Люс. Аякс вознаграждал нового хозяина тем, что выиграл достаточно гонок, чтобы Флоризеля избрали в администрацию какого-то отвратительного городишки.

– Благодарю, Офелия, – сказал отец.

Фели потупила глазки и выплыла за дверь, где она уместится в кресле в коридоре и будет со всеми удобствами подслушивать мое унижение.

– Ты знаешь, какой сегодня день, Флавия? – начал отец.

– Воскресенье, – ответила я без колебаний, хотя вчерашний праздник в Святом Танкреде казался таким же отдаленным во времени, как последний ледниковый период.

– Именно, – заметил отец. – И что мы делаем по воскресеньям с незапамятных времен?

– Ходим в церковь, – ответила я, как дрессированная макака.

Церковь! Я совсем забыла об этом!

– Я думал было о том, чтобы позволить тебе отлежаться этим утром и прийти в себя после ужасного происшествия в Изгородах. И следующее, что я узнаю, – это что инспектор у дверей и у тебя хотят взять отпечатки пальцев. Затем мне сообщают, что на Трафальгарской лужайке труп, а ты шастаешь по деревне, задавая неподобающие вопросы.

– Мисс Маунтджой? – осмелилась я.

Давай мало, учись многому. Это будет мой девиз месяца. Не забыть бы записать его в дневник.

Но постойте! Как мисс Маунтджой могла узнать о трупе на лужайке? Если только...

– Мисс Маунтджой, – подтвердил отец. – Она позвонила поинтересоваться, добралась ли ты домой.

Старая гарпия! Должно быть, она встала с канапе и глазела сквозь болтающиеся водоросли-ветки ивы, шпионя за моими столкновениями с петухом и человеком-бульдогом.

– Как мило с ее стороны, – заметила я. – Надо не забыть послать ей открытку.

Я отправлю ей открытку, точно. Там будет туз пик, и я пошлю его анонимно откуда-то не из Бишоп-Лейси. Филипп Оделл, детектив из радиопередачи, однажды расследовал подобный случай, и это была превосходная история – одно из его лучших приключений.

– А твое платье! – продолжал отец. – Что ты сотворила со своим платьем?

Мое платье? Разве мисс Маунтджой не описала ему во всех подробностях то, что видела?

Постой-ка, может, она ничего такого не делала. Возможно, отец до сих пор не в курсе, что произошло в каретном сарае.

Боже, благослови тебя, мисс Маунтджой! – подумала я. Пребывай вечно в обществе тех святых и мучеников, которые отказались выдать, где спрятано церковное золото и серебро.

Но разве отец говорит не о моих порезах и царапинах?

По всей видимости, нет.

И именно в этот момент, полагаю, меня осенило – поистине снизошло озарение, – что есть вещи, которые никогда не должно упоминать в приличном обществе, несмотря ни на что; что голубая кровь гуще красной; что манеры и внешний вид и жесткая верхняя губа более важны, чем собственно жизнь.

– Флавия, – повторил отец, подавляя желание заломить руки, – я задал тебе вопрос. Что ты сделала со своим платьем?

Я опустила глаза и посмотрела на свое платье, как будто первый раз заметила ущерб.

– С платьем? – произнесла я, разглаживая его и удостоверюсь, что отец хорошенько рассмотрел мои окровавленные запястья и колени. – О, прости, отец. Небольшая проблема с велосипедом. Неприятность, но я постираю его и заштопаю сама. Все будет в лучшем виде.

Мой острый слух уловил звук хриплого смеха в коридоре.

Но я предпочитаю верить, что то, что я увидела в глазах отца, было гордостью.

12

Порслин спала мертвым сном. Я напрасно беспокоилась.

Я стояла и смотрела, как она лежит на моей кровати практически в той же позе, как я ее оставила. Темные круги под глазами, кажется, посветлели, и дыхание почти не слышалось.

Через две секунды все взорвалось водоворотом яростного движения, и я была прижата к кровати, а большие пальцы Порслин давили мне на дыхательное горло.

– Дьявол! – прошипела она.

Я боролась, чтобы высвободиться, но не могла пошевелиться. В мозгу вспыхивали яркие звезды, когда я цеплялась за ее руки. Мне не хватало кислорода. Я пыталась отстраниться.

Но я была ей не соперница. Она больше и сильнее, чем я, а я уже слабела и утрачивала интерес к сопротивлению. Как легко было бы сдаться...

Ну нет!

Я перестала сражаться с ее руками и вместо этого большим и указательным пальцами зажала ее нос. Из последних сил я яростно крутанула его.

– Флавия!

Она внезапно удивилась при виде меня – как будто мы старые друзья, неожиданно столкнувшиеся перед прекрасным Вермеером в Национальной галерее.

Ее руки отстранились от моего горла, но я все еще не могла дышать. Я скатилась с кровати на пол, охваченная приступом кашля.

– Что ты делаешь? – спросила она, удивленно осматриваясь.

– Ты что делаешь? – прохрипела я. – Ты раздавила мне гортань!

– О боже! – сказала она. – Ужас. Прости, Флавия, мне правда жаль. Мне снилось, что я в фургоне Фенеллы, и там был какой-то ужасный... зверь! Он стоял надо мной. Я думала, что это...

– Что?

Она отвела взгляд в сторону.

– Я... прости, я не могу сказать тебе.

– Я никому не скажу, обещаю.

– Нет, все равно. Я не должна.

– Что ж, ладно, – объявила я. – Не надо. На самом деле я запрещаю тебе рассказывать мне.

– Флавия...

– Нет, – сказала я совершенно серьезно. – Я не хочу знать. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Я знала, что если выжду, то, что скрывает Порслин, выскочит из нее, как свиной фарш из мясорубки миссис Мюллет.

Это сравнение напомнило мне о том, что я не ела целую вечность.

– Ты голодна? – спросила я.

– Ужасно. Ты, наверное, слышишь, как у меня урчит в животе.

Я не слышала, но притворилась, что слышу, и благоразумно кивнула.

– Оставайся здесь. Я принесу что-нибудь из кухни.

Десять минут спустя я вернулась с миской продуктов, похищенных из кладовой.

– Иди за мной, – сказала я. – В следующую дверь.

Порслин, широко распахнув глаза, осматривалась, когда мы вошли в химическую лабораторию.

– Что это за место? Нам можно здесь находиться?

– Конечно, можно, – сказала я ей. – Здесь я провожу эксперименты.

– Волшебные? – спросила она, рассматривая мензурки и пробирки.

– Да, – ответила я, – волшебные. Теперь возьми вот это...

Она подпрыгнула при звуке вспыхнувшей бунзеновской горелки, когда я поднесла к ней спичку.

– Держи их над огнем, – сказала я, протягивая ей пару сосисок и никелированные зажимы для мензурок. – Но не слишком близко, тут очень горячо.

Я разбила шесть яиц в боросиликатную испаряющую емкость и помешала стеклянной палочкой над второй горелкой. Почти сразу же лаборатория наполнилась вызывающими слюноотечение запахами.

– Теперь тосты, – сказала я. – Можно делать по два за раз. Воспользуйся зажимами. Поджарь с одной стороны, потом переверни.

Из необходимости я стала довольно опытным лабораторным поваром. Однажды, совсем недавно, когда отец приговорил меня к домашнему аресту в моей комнате, я даже умудрилась приготовить себе «Пятнистый Дик»²⁷, сварив на пару почечное сало из кладовой в колбе Эрленмейера с широким горлышком. И поскольку вода кипит при 212 градусах по Фаренгейту, в то время как нейлон не плавится, пока его не нагреешь до 417²⁸ градусов, я подтвердила свою теорию, что из драгоценного чулка Фели получится отличная форма для пудинга.

Если и есть что-то более вкусное, чем сосиска, поджаренная на открытой бунзеновской горелке, я не могу себе представить, что это. Разве что чувство свободы, возникающее, когда ешь ее прямо руками, капая жиром куда попало. Порслин и я набросились на еду, как каннибалы после длительной миссионерской голодовки, и вскоре не осталось ничего, кроме крошек.

Когда в стеклянной мензурке закипела вода на две чашки чая, я взяла с полки, где он хранился в алфавитном порядке, между мышьяком и цианидом, аптечную банку с этикеткой «Камелия китайская».

– Не беспокойся, – сказала я. – Это просто чай²⁹.

Теперь между нами повисло молчание, какое бывает, когда два человека начинают узнавать друг друга: еще не теплое и дружелюбное, но уже не холодное и настороженное.

– Интересно, как дела у твоей бабушки, – наконец сказала я. – То есть у Фенеллы.

– Полагаю, неплохо. Она твердая старушка.

– Крепкая, ты имеешь в виду.

– Я имею в виду твердая.

Она намеренно выпустила стеклянную колбу, с которой игралась, и наблюдала, как она разлетелась на осколки на полу.

– Но ее не сломают, – добавила она.

Мне страшно хотелось высказать свою точку зрения, но я придержала язык. Порслин не видела свою бабушку в таком виде, как я, распростершуюся в луже собственной крови.

– Жизнь может убить тебя, только если ты позволишь. Так она, бывало, говорила.

– Должно быть, ты ужасно ее любила, – сказала я, осознав еще в момент произнесения этих слов, что говорю так, будто Фенелла уже умерла.

– Да, временами очень, – задумчиво отозвалась Порслин, – а временами вовсе нет.

Должно быть, она заметила мое изумление.

– Любовь – это не широкая река, которая течет и течет себе вечно, и если ты в это веришь, ты дура бестолковая. Ее может запрудить плотина, и тогда ничего не останется, кроме тонкой струйки...

²⁷ «Пятнистый Дик» (*Spotted Dick*) – английский десерт, пудинг с сухофруктами, традиционно готовившийся на основе почечного жира. Варится на пару.

²⁸ Как, должно быть, догадался проницательный читатель, 212 градусов Фаренгейта – это 100 градусов Цельсия. А 417 – это 213.

²⁹ Камелия китайская (*Camellia sinensis*) – как ни странно, действительно научное название чайного куста.

– Или она совсем иссякнет, – добавила я.

Она не ответила.

Я рассеянно взглянула в окно в сторону Висто и подумала о видах любви, которые я знаю и которых было немного. Через некоторое время мои мысли переключились на Бруки Хейрвуда. Кто ненавидел его настолько, чтобы убить, призадумалась я, и повесить на трезубце Посейдона? Или причиной смерти Бруки стал скорее страх, чем ненависть?

Что ж, какова бы ни была причина, сейчас Бруки лежит на каталке в Хинли, и кого-то – ближайшего родственника – просят опознать тело.

Когда служащий в белом халате приподнимет край простыни и откроет мертвое лицо Бруки, женщина сделает шаг вперед. У нее перехватит дыхание, она прижмет платок ко рту и быстро отвернется.

Я знаю, как это происходит: видела в кино.

И я готова поспорить, что этой женщиной будет его мать. Она художница, миссис Мюллет мне рассказывала, и живет в Мальден-Фенвике.

Но, возможно, я ошибаюсь, возможно, они решат избавить мать от горя. Может быть, женщиной, которая выступит вперед, будет просто знакомая. Но нет, Бруки не производит впечатление человека, который водит дружбу с дамами. Немногим женщинам понравится проводить вечера, шатаясь по сельской местности в резиновых сапогах и возясь с мертвой рыбой.

Я так погрузилась в размышления, что не услышала, как заговорила Порслин.

– ...но никогда летом, – говорила она. – Летом она все это бросала и отправлялась странствовать с Джонни Фаа без единого пенни в кармане. Как парочка детей – вот какими они были. Джонни работал лудильщиком, когда был помоложе, но бросил это занятие и никогда не объяснял почему. Тем не менее он довольно легко заводил друзей и говорил почти на всех языках на свете. Они жили на то, что Фенелле удавалось заработать, предсказывая судьбу глупцам.

– Я была одним из этих глупцов, – заметила я.

– Да, – сказала Порслин. Она не собиралась разделять мои чувства.

– Ты путешествовала с ними? – спросила я.

– Один или два раза, когда была маленькой. Луните не особенно нравилось, когда я проводила с ними время.

– Луните?

– Моей матери. Она их единственный ребенок. Цыгане любят большие семьи, видишь ли, но у них была только она. Их сердца разбились, когда она сбежала с горджи – с англичанином из Танбридж-Уэллса.

– Твоим отцом?

Порслин печально кивнула.

– Она часто говорила мне, что мой отец был принцем, ездил на белоснежном коне быстрее ветра. Носил жилет из золотых нитей и рубашку из тончайшего шелка. Умел говорить с птицами на их языке и становиться невидимым по собственному желанию. Кое-что из этого правда, он был особенно хорош по части невидимости.

Пока Порслин говорила, в моем мозгу пронеслась мысль, столь же неожиданная и непрощенная, как падающая звезда в ночном небе: поменялась бы я с ней отцами?

Я отмахнулась от нее.

– Расскажи мне о своей матери, – попросила я, может быть, чуть-чуть слишком жадно.

– Нечего рассказывать. Она была сама по себе. Не могла вернуться домой, если это можно так назвать, потому что Фенелла и Джонни – в основном Фенелла – не приняли бы ее. Ей надо было заботиться обо мне, и у нее не было ни единого друга в целом мире.

– Как ужасно, – сказала я. – Как же она справлялась?

– Делая единственное, что умела. У нее был талант к картам, так что она предсказывала будущее. Иногда, когда дела шли плохо, она ненадолго отсылала меня к Фенелле и Джонни. Они хорошо обо мне заботились, но, когда я бывала с ними, никогда не спрашивали о Луните.

– А ты им никогда не рассказывала.

– Нет. Но, когда пришла война, все стало по-другому. Мы жили в жуткой комнате в Мургейте, где Лунита гадала на картах за занавеской, висевшей посреди комнаты. Тогда мне было всего четыре года, поэтому я мало что помню, разве только паука, жившего в дыре в стене ванной. Мы провели там... ммм... наверное, около четырех лет, и в один прекрасный день на окне пустого дома по соседству появилась табличка, и хозяйка сказала Луните, что его переставляют в клуб для военнослужащих. И внезапно Лунита начала зарабатывать больше денег, чем могла потратить. Думаю, она чувствовала себя виноватой из-за всех этих канадцев, американцев, новозеландцев и австралийцев и даже поляков, приходивших в нашу комнатушку, чтобы на них раскинули карты. Она не хотела, чтобы кто-то подумал, что она наживается на войне. Я никогда не забуду день, когда нашла ее плачущей в туалете. «Бедные парни! – помню, рыдала она. – Они все задают один вопрос: вернутся ли домой живыми?»

– И что она им отвечала?

– «Вы вернетесь домой с почестями», – она говорила всем одно и то же, каждому из них, за полкроны за раз. Был один офицер, все время ходивший в этот клуб: высокий парень со светлыми усиками. Я часто видела его на улице, когда он приходил и уходил. Неразговорчивый, казалось, он все время что-то высматривает. Однажды, просто шутки ради, Лунита пригласила его погадать. Не взяла с него ни пенни, потому что было воскресенье. Через день-другой она уже работала на «МІ-чего-то там»³⁰. Они ей не сказали, но, похоже, то, что она увидела в его картах, попало прямо в точку. Какой-то знаток в Уайтхолле пытался вычислить, каким будет следующий шаг Гитлера, и до него дошел слух о цыганке из Мургейта, раскидывающей карты. Они взяли и пригласили Луниту на ланч в «Савой». Сначала это была просто игра. Может, они хотели, чтобы прошел слух, будто они в таком отчаянии, что возлагают надежды на цыганку. Но опять то, что она говорила, было так близко к их самой секретной информации, что они не могли поверить своим ушам. Они никогда не слышали ничего подобного.

Сначала они подумали было, что она шпионка, и вызвали ученого из Блетчли-Парка³¹, чтобы он допросил ее. Не успел он войти в дверь, как она сказала, что ему повезло, что он жив: болезнь спасла ему жизнь. И это была правда. Он был назначен офицером связи к американцам, когда внезапный приступ аппендицита помешал ему принять участие в репетиции «Дня Д» – операции «Тигр»³², как она называлась. Дело было сделано плохо, сотни людей погибли. Все это замалчивалось, конечно же. В то время никто об этом не знал. Не стоит и говорить, что парень был поражен. Лунита прошла цветовой тест³³, и через несколько дней мы уже жили в собственной роскошной квартире в Блумсбери.

– Должно быть, у нее выдающиеся способности, – сказала я.

Тело Порслин обмякло.

– Были выдающиеся, – тускло ответила она. – Она погибла через месяц. Ракета Фау-1 на улице рядом с министерством авиации. Шесть лет назад. В июне.

³⁰ «МІ» – английская военная разведка, ее разные отделения имеют разные номера – «МІ-5», «МІ-6» и т. д.

³¹ Блетчли-Парк – поместье в городе Блетчли, графство Букингемшир, где во время Второй мировой войны располагалось главное шифровальное подразделение Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров.

³² «День Д» – американское военное обозначение дня начала какой-либо операции. Операция «Тигр» – операция союзных войск по высадке в Нормандии 6 июня 1944 года.

³³ Цветовой тест Люшера – тест, позволяющий определить психологические характеристики личности с помощью реакции человека на разные цвета.

– Соболезную, – сказала я, и это было правдой. Наконец у нас появилось что-то общее, у Порслин и у меня, пусть даже это матери, погибшие слишком молодыми и оставившие нас расти в одиночестве.

Как я жаждала рассказать ей о Харриет, но почему-то не могла. Печаль в этой комнате принадлежала Порслин, и я почти сразу же поняла, что слишком эгоистично лишить ее этого.

Я начала собирать разбитое стекло от колбы, которую она уронила.

– Ой, – сказала она, – это должна делать я.

– Все в порядке, – успокоила ее я. – Я привыкла.

Одно из тех надуманных извинений, которые я презираю, но как я могла сказать ей правду: что я не хотела делить с кем-то сбор осколков?

Это скоротечное проявление моей женской сути? – подумала я.

Надеюсь, да... и в то же время нет.

Мы сидели на моей кровати, Порслин прислонилась спиной к изголовью, а я скрестила ноги в противоположном конце.

– Полагаю, ты захочешь навестить бабушку, – сказала я.

Порслин пожала плечами, и я подумала, что понимаю ее.

– Полиция еще не знает, что ты здесь. Мне кажется, нам лучше сказать им.

– Пожалуйста.

– Давай отложим это до утра, – предложила я. – Я слишком устала, чтобы думать.

И это была правда: мои веки словно налились свинцом. Я слишком измучилась, чтобы решать насущные проблемы. Самая большая из них – сохранить в тайне присутствие Порслин в доме. Последнее, что мне надо, – беспомощно наблюдать, как отец выставляет из дома внучку Фенеллы и Джонни Фаа.

Фенелла лежит в больнице в Хинли, и, насколько я знаю, она может уже быть мертва. Если я собираюсь докопаться до причин нападения на нее в Изгородах – и, полагаю, убийства Бруки Хейрвуда, – мне следует привлекать как можно меньше внимания.

Это лишь вопрос времени, когда инспектор Хьюитт заявится сюда выпытывать подробности того, как я нашла тело Бруки. Мне нужно время обдумать, какие факты я ему расскажу, а о каких умолчу. Или не умолчу?

Мысли крутились водоворотом. Хей-хо! – подумала я. Какая классная штука – мир Флави де Люс.

Следующее, что я осознала, – то, что наступило утро и в окна льется солнечный свет.

13

Я перекатилась и моргнула. Я лежала, распростершись в изножье кровати, больно упираясь головой в спинку. В изголовье Порслин укуталась в мое одеяло, положила голову на мою подушку и дрыхла изо всех сил, словно какая-нибудь восточная принцесса.

На миг во мне начало подниматься раздражение, но, когда я вспомнила ее вчерашний рассказ, раздражение растаяло и превратилось в жалость.

Я бросила взгляд на часы и, к своему ужасу, увидела, что проспала. Я опоздала к завтраку. Отец настаивал, чтобы блюда приносили и уносили со стола с военной точностью.

Очень стараясь не разбудить Порслин, я быстро переоделась, пригладила волосы щеткой и прокралась вниз к завтраку.

Отец, как обычно, был погружен в свежий выпуск «Лондонского филателиста» и, похоже, едва ли заметил мой приход: верный знак, что на носу очередной филателистический аукцион. Если наше финансовое состояние столь прискорбно, как он утверждает, ему надо быть в курсе текущих цен. За едой он делал заметки на салфетке огрызком карандаша, мысленно уйдя в другой мир.

Когда я проскользнула на свое место, Фели воззрилась на меня холодным неподвижным взглядом, который отработала, наблюдая за королевой Мэри в новостях.

– У тебя прыщ на лице, – бесстрастно сказала я, наливая молоко в хлопья.

Она притворилась, что не слышит меня, но не прошло и минуты, как я была вознаграждена зрелищем, как ее рука автоматически поднялась к щеке и начала ощупывать ее. Все равно что наблюдать за тем, как краб медленно ползет по дну моря в цветных короткометражках в кино – в «Живом океане» или вроде того.

– Осторожно, Фели! – заметила я. – Он вот-вот лопнет.

Даффи подняла взгляд от книги – «Зеркала для Лондона и Англии», которую я присмотрела на празднике. Она сама ее купила, свинья!

Я взяла на заметку утащить ее попозже.

– Что имеется в виду, когда говорится, что копченая селедка без горчицы? – спросила я, указывая на книгу.

Даффи хваталась за любую возможность продемонстрировать свои обширные познания.

Я уже освежила в мозгу то, что знала о горчице, – прискорбно мало. Я знала, например, что она содержит, помимо прочего, олеиновые кислоты – эруковую, бегеновую и стеариновую. Я знала, что стеариновая кислота содержится в говяжьем и бараньем жире, потому что однажды подвергла жирное воскресное жаркое миссис Мюллет химическому анализу и обнаружила, что эруковая кислота получила название от греческого слова, обозначающего «рвать, блевать».

– Копченая селедка в XVI и XVII веках считалась блюдом для низших слоев общества, – ответила Даффи, одарив меня особенно испепеляющим взглядом на слове «низших».

Я глянула на отца, проверить, смотрит ли он на нас, но он не смотрел.

– Николас Бретон называл ее хорошей плотной едой для грубого желудка, – продолжила она, изгибаясь и прихорашиваясь в кресле. – Он также сказал, что старая морская щука – это вид рыбы, на случай если ты не знаешь, – все равно что камзол без геральдической эмблемы, что означает слугу, который не носит герб своего хозяина.

– Дафна, пожалуйста... – произнес отец, не поднимая глаз, и она уступила.

Я знала, что они имеют в виду – и думаю, что я не понимаю, – Доггера. Военные действия в Букшоу таковы – невидимые и временами безмолвные.

– У Фостеров новый корт для бадминтона, – внезапно сказала Фели, ни к кому конкретно не обращаясь. – Шейла собирается использовать старый для парковки своего «даймлера».

Отец что-то проворчал, я видела, что он больше не слушает.

– Она такая стильная штучка, – продолжила Фели. – Заставила Копли вынести десертные тарелки на южную лужайку, но вместо мороженого сервировали улиток-эскарго! Мы ели их сырыми, как устриц. Так захватывающе!

– Ты бы лучше побереглась, – заметила я. – Сборщики улиток иногда по ошибке подбирают пиявок. Если проглотить пиявку, она вылезет из твоего желудка наружу.

Лицо Фели побелело, как стена.

– Было что-то такое в «Хрониках Хинли», – с энтузиазмом добавила я, – недели три назад, если я верно припоминаю, о мужчине из Святой Эльфриды – это недалеко отсюда, кстати, – который проглотил пиявку, и пришлось...

Но Фели отшвырнула кресло и вылетела прочь.

– Ты снова провоцируешь сестру, Флавия? – спросил отец, подняв глаза от журнала и заложив указательным пальцем место, где читал.

– Я пытаюсь обсуждать текущие события, – ответила я. – Но ее, похоже, это не очень интересует.

– А, – сказал отец и продолжил читать о дефектах в печатных формах двухпенсовых синих марок 1840 года.

Когда отец присутствовал за столом, мы вели себя хотя бы наполовину прилично.

Я удалилась почти без затруднений.

Миссис Мюллет на кухне пыталась труп цыпленка бечевкой.

– Их не пожарить как следует, если хорошенько не связать, – сказала она. – Так мне говорила миссис Чедвик из Нортон-Олд-Холла, а она должна знать. Это она меня научила. Напоминаю тебе, что это было во времена леди Рекс-Уэллс, задолго до твоего рождения, дорогуша. «Перевяжи их три раза по три, – говорила она, – и они никогда не разнесут твою духовку». Над чем это вы смеетесь, мисс?

Нервный смехок вырвался у меня, когда в мозгу промелькнула внезапная мысль о том, что именно таким образом совсем недавно меня связывали мои единокровные сестры.

Одна мысль об этом напомнила мне, что я еще не отомстила. Разумеется, была эта маленькая шуточка насчет пиявок, но это просто разогрев, не более чем прелюдия к возмездию. Дело в том, что я просто была слишком занята.

Пока миссис Мюллет засовывала обреченную птицу в утробу открытой «AGA», я воспользовалась удобным случаем, чтобы утянуть баночку клубничного варенья из буфета.

– Три раза по три, – сказала я с ужасной гримасой и жутким подмигиванием миссис Мюллет, как будто называю пароль тайного общества, куда входим только она и я. В то же время я изобразила жест победы Уинстона Черчилля, сложив пальцы правой руки буквой «V», чтобы отвлечь ее внимание от баночки в левой.

Вернувшись наверх, я открыла дверь спальни как можно тише. Нет нужды тревожить Порслин, я оставляю ей записку, что вернусь позже, вот и все. Не стоит объяснять, куда я ухожу.

Но в записке не было необходимости. Кровать была идеально застелена, и Порслин ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.